

ДОМАН БУРЖИКОВ

КУЖА
НА
ТРОНЕ

Полари (сборники)

Роман Суржиков

Кукла на троне

«ИП Головин»

2026

Суржиков Р.

Кукла на троне / Р. Суржиков — «ИП Головин»,
2026 — (Полари (сборники))

Тиран повержен, война окончена. Мир воцарился в Империи Полари. Столица празднует, двор пирует. Но в чьих руках остались смертоносные Персты Вильгельма? Кто сумел стравить меж собою два сильнейших рода Полари? Кто стоит за кулисами кровавого спектакля... и каким будет следующее действие?

Содержание

Говорящий с богом	5
Полезные люди	23
Кукла на троне	44
Спутники – 1	44
Искра – 1	50
Спутники – 2	59
Искра – 2	71
Перо – 1	81
Искра – 3	93
Спутники – 3	109
Меч – 1	127
Северная птица – 1	139
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Роман Суржиков Кукла на троне

Говорящий с богом

Декабрь 1774 г. – январь 1775 г.

Север герцогства Ориджин

Кто это?! Кто говорит?..

Боже!.. Это ты?! Ты же бог, да?! Фуф! Конечно, ты бог! Вот так чудо!

Ой!.. Фух... Ты это, прости меня... Не знаю, как себя вести. Понимаешь, я же никогда с богами не говорил. Ну, в смысле, молился, конечно... Но не так, как с тобой, понимаешь? Потому если что не так скажу, ты не сердчай, ладно? Это я только по глупости и с непривычки, а не от недостатка уважения. И если вдруг ты меня не видишь, а только слышишь, то скажу: я сейчас стою на коленях. И женка моя тоже... Опустись, дуреха! Что торчишь, как сосна!.. Вот, она тоже на коленях.

Что сказать тебе, боже? Святые Праматери, я прямо и не знаю!.. Очень счастлив, что ты меня почтил и благословил. И женка тоже – оба мы счастливы. Благодарны от всей души и бьем поклоны челом о землю. Это я тоже говорю на случай, если ты нас не видишь.

Поверь, боже: мы – хорошие люди! Мы с женкой живем по заповедям... ну, тем, которые помним. Усердно трудимся, значит. Чужого не берем, кровь не льем, радости от страданий не получаем. Полагаемся только на свои силы. За здоровьем следим... Кха-кха. Ну, в смысле, если можно не болеть, то стараемся. А если уж доводится захворать – то что тогда поделаешь... В общем, мы, боже, почти не грешим. Честно тебе говорю.

Ой... потухло... ты что, уже не слышишь меня? Боже?..

Боже!

Ой-ой, пропал! Горюшко-то!..

Я никогда не лгу. Не бывает такого. Могу немножко приврать, но это только для выразительности рассказа, чтобы за душу брало. А истинной правды я никогда не утаю. Потому если говорю тебе, что побывал аж в Запределье, то можешь верить, как отцу-батюшке. А если говорю, что самые чудеса начались уже тут, в Ориджине, то так оно и было, чтобы мне в земле не лежать!

Значит, вернулись мы в декабре, к самому концу года. По морю всюду уже плавали льдины. Двое вахтенных, несмотря на собачий холод, круглые сутки торчали на носу «Тюленя» – следили, чтобы не напороться. Рулевые творили чудеса, а капитан дневал и ночевал на палубе. Крепко все потрудились, но не о том рассказ. Боги моря были милостивы – сумели мы дойти без единой течи. Одна только льдина вспахала на борту длинную царапину, но все мы только шутили: «Тюлень» – мужик, а мужчину шрамы украшают.

И вот увидели мы на горизонте холмы: с одного боку пологие и соснами поросшие, с другого края – крутые, обглоданные ветром. Их, родная, ни с чем не перепутаешь. Всякий северный моряк им улыбнется: значит, рядом уже добрый порт Беломорье. Ну, тут надо сделать оговорочку: кому Беломорье доброе, а нам-то нет. Хозяин порта – граф Флеминг – тот самый негодяй-предатель, про которого я тебе вчера говорил. Он нас еще в пути хотел погубить, но мы отбили и ушли. А теперь, получается, в его же вотчину приплыли. Скверное дело!

Стали думать, как быть. Надо бы выбрать укромную бухту подальше от города, где нас графские суда не заметят. Но на беду, нашего штурмана убили предатели, а без него – поди

найди место для стоянки. Все мы знали здешние берега, могли хоть десяток бухт назвать. Но вот как войти в них, чтобы на камни не напороться? Как найти безопасный фарватер? Ведь бывает так: сверху смотришь – спокойная вода, а внизу, на дне, – одни камни да мели, о которых только опытный штурман и знает. За это знание ему и денежки платят. . . Ну, не стану забивать тебе голову моряцкими делами. Ведь все равно долго выбирать нам не пришлось: пока мы думали да гадали, увидели на горизонте три корабля под флагами Флеминга. Тут уж делать нечего, надо срочно прятаться. Так что мы скорейшим ходом рванули в ближайшую бухту и – хрясь! – прямиком на мель.

Капитан чуть не выл от горя, когда мы садились в лодки. Да делать нечего, пришлось бросить верного «Тюленя» и в шлюпках добраться до берега. А когда выскочили на сушу, тут же бросились бежать в холмы, ведь корабли подлеца-графа уже маячили у входа в бухту. И были они, как ты понимаешь, битком набиты воинами, а среди нас-то воинов было только три.

Забрались на холм, спрятались в роще. Боцман говорит:

– Ну что, братья, здесь пересидим?

А кайр Джемис ему на это:

– Черта с два пересидим! Вон цепочка следов на снегу. По ней враги нас мигом найдут.

– Надо идти дальше, – говорит второй кайр. – Вы, морячки, ступайте прямо курсом на юг и за собой заматайте следы еловыми ветками. А мы с кайром Джемисом двинем на запад и попробуем ложный след устроить. Встретимся вечером во-оон на том холме.

Он ткнул в маковку холма, что еле виднелся у края неба. Ну, мы взяли курс – и пошли.

Пожалуй, родная, тут самое время рассказать, кто это такие – мы. Кто входил, значит, в нашу честную компанию.

Как я уже сказал, были среди нас два кайра – суровые вояки из Первой Зимы. Имя одного вылетело из памяти, пускай будет Мой – так называл кайра евойный грей, старина Джон-Джон. А второй кайр – Джемис Лиллидей – о, это прославленный боец, живая легенда! Он на пару с молодым герцогом ходил в поход в Запределье. И там, говорят, сперва Джемис хотел убить герцога, потом – герцог его, а после они помирились и стали верными друзьями. Вот как у нас на Севере бывает!

Главным у нас был капитан Джефф Бамбер – хороший мужик, да только очень впал в тоску, когда судна лишился. С тех пор таким мрачным стал, что посмотришь – самого в слезы потянет. Вот никто на капитана и не глядел, только слушали.

Был боцман Бивень – он говорит, что ходил в кругосветку и оплыл по кольцу весь Полярис, да только врет он. А я вот не вру! Что слышишь от меня – все чистая правда.

Затем были полторы дюжины матросов – братья мои корабельные. Больше всего мне по сердцу Ларри – веселый парень со всякими шутками-прибаутками. Еще со мной водил дружбу Джон-Джон. Он скоро станет кайром, а пока – грей на службе кайра Моего.

При кайрах были двое пленных – паренек и девица. Оба, как бы сказать, чуток помешанные. Паренек думал, что он – козленок, потому все время блял и при удобном случае ставал на четвереньки. А девица – ее звали Гвенда – тревожная, как суслик: все слушает настороженно, а чуть скажешь резкое словцо – тут же прячется. И, если уж зашло о животных, то была с нами еще собака кайра Джемиса: здоровенная серая овчарюга. Мохнатая, на ошупь приятная, но взгляд о-оох какой недобрый – что у матерого волка.

Ну, а последним, кого еще не назвал, остался Марк по прозвищу Ворон. Про этого парня разговор особый. Он, на первый взгляд, вроде простой мужик, безо всяких там манер да причуд. Но приглядишься – поймешь: хитрющий пройдоха, вот кто он! Скоро ты сама это увидишь.

Вот, значит, этакой компанией собрались мы под вечер в назначенном месте. Сюда же и два кайра пришли кружным путем.

Джемис сказал:

– След мы отвели в сторону, но солдат Флеминга это надолго не обманет. Скоро поймут, как было дело, и начнут облаву.

Мой добавил:

– На трех кораблях прибыло человек сто. Они поделятся на дюжины и станут прочесывать холмы. А с дюжиной кайров нам при всем везении не справиться.

– Значит, надо уходить, – буркнул капитан равнодушно. Было ясно, что все ему теперь едино: сидеть или идти.

Но нам-то не все равно! Сидеть – значит, придут графские и порубят в капусту. А идти – совсем гнилая затея! Спасение нам будет в Первой Зиме – там люди Ориджина, а не Флеминга. Но до нее полтора-два мили через холмы и горы, а всюду мороз стоит, да снегу по колено. Мы же – матросы, не бегуны: привычны ходить под парусом, не на своих двоих.

– Догонят нас, – сказал боцман. – И мили не пройдем, в снегу увязнем.

Гвенда тут же взвыла, а козлик заблеял – всем аж тошно сделалось.

Кайр Джемис прикрикнул:

– Хватит сопли глотать! Вокруг нас – земли врага. Быстрым маршем выходим из окружения. Иного выбора нет.

– А мне кажется, есть, – ввернул тот самый Марк-Ворон.

Сделал паузу – он любил этак драматично помолчать, чтобы внимание обратили. И вот, когда все на Марка воззрились, он и сказал:

– Кайр Джемис, не применить ли вам трофейную игрушку?

* * *

Боже!.. Как же я счастлив, что ты снова меня слышишь!..

Прости, что в прошлый раз так по-хамски нахамил. Я-то растерялся, все мысли вылетели!..

Боже, перво-наперво, я тебя приветствую, желаю здоровья и низко бью челом! Вот.

Потом, боже, позволь мне представить себя. Меня зовут Стенли, а женку мою... на колени стань, чуцело!.. женку зовут Фридой, вот как. Теперь мы оба снова тебе низко кланяемся и смиренно просим: не скажешь ли нам свое имя?..

Нет?..

Ну, что ж, не полагается нам. Оно и понятно, мы же маленькие люди, потому не должны знать лишнего. Буду звать тебя просто Боже. Хорошо, Боже?.. Ты не разгневаешься?..

А теперь, Боже... кха-кха-кха... я очень хочу тебя попросить. Понимаю, что нехорошо донимать мольбами, так что я всего одну малюсенькую крохотную просьбочку... Боже... кха-кха... пошли мне капельку здоровья, а? Очень чертова простуда замучила, ну просто жить нельзя. Даже перед тобой стыдно: говорить не могу, все «кахи» да «кахи». И женке моей тоже немножечко здоровьечка – можно? Она уже третью ночь ворочается и стонет, потому что зуб. Она стонет, а я не сплю из-за ее зуба. Ну, как с такой женкой жить, а? Пошли, Боже, здоровьечка! От чистого сердца прошу!

Ну, больше не стану докучать тебе. Кланяемся напоследок, бьем челом оземь. До свидания, Боже!

У кайра Джемиса был Предмет. Да, Священный Предмет, самый настоящий. Да, я видел своими глазами, даже держал в руке!

Кайр Джеμισ добыл его в злодейском форте в Запределье. Там еще другие Предметы были, но кайр успел вынести только этот. Походила святыня на обручальный браслет, но только из непойми чего сделанный. Материал на ощупь гладкий, будто стекло, но теплый, как живая кожа. А цвет его – смесь янтаря с молоком. Дивное изделие, сразу видно – божеское! Вроде, простое, без золота да камней, но по изяществу никакая драгоценность с ним и близко не лежала. Так-то.

Вот этот самый браслет кайр Джеμισ извлек из нагрудного кармана и поверх него глянул на Ворона. Очень так недобро глянул. Надо сказать, кайр Джеμισ – вообще не из тех, кто легкого нрава. Если бы людям платили за доброту, то, боюсь, кайр Джеμισ помер бы с голоду. И вот он хищным своим взглядом уперся в лоб Марку-Ворону и спросил:

– Ты что же, знаешь, как использовать Предметы? Тебя император научил орудовать Перстами Вильгельма – и ты, подлец, молчал?! Мы могли одним выстрелом потопить корабль Флеминга – а ты молчал?!!

Марк примирительно вскинул руки:

– Да ничего я не знаю, кайр Джеμισ. Если б знал, герцог бы все из меня вытряс. Уж он меня как мог расспросил, на славу постарался.

– Тогда какой тьмы ты предлагаешь?! Ты не умеешь стрелять Перстом, и я не умею. И что нам с этим браслетом делать?

Марк ответил этак спокойненько. Вот за что его уважаю – за невозмутимость: что бы ни творилось, Ворон себя не теряет.

– Видите ли, кайр, я тут немножко проанализировал ситуацию, – ответил Марк. – Помните, когда мы в форте застали врасплах часовых, один из них схватил браслет?

– Помню, и что?

– Вы, кайр, шли на него с мечом, а этот парень хапнул Предмет. Вам нужна секунда, не больше, чтобы рубануть мечом. Но часовой все равно схватил Предмет. Смекаете?

– Хочешь сказать, выстрел Перстом – дело быстрое?

– Именно. Занимает какую-то пару секунд. Часовой имел шанс опередить меч, иначе бы даже не пытался.

– Тааак... – протянул кайр, скребя бороду. – И что же дальше?

– Ну, смотрите. Предмет, как видим, совершенно гладкий – без выступов, захватов, крючков, кнопок. Значит, он не взводится, подобно арбалету, и не работает от нажатия, как искровое оружие. Длинное заклятие за две секунды тоже не скажешь. Вот и вывод: стреляет он не от речи и не от движения рук.

– Короткое слово можно сказать за секунду, – предположил кайр. – Например: бей. Или: смерть. Или...

– Э, э, кайр! – Марк замахал руками и отскочил в сторону. – Вы на меня-то не направляйте, когда слова пробуете!

Кайр Джеμισ надел браслет на руку и нацелил ее в лесную темень, где никого из нас не было. Все мы притихли, насторожились, смотрели во все глаза. Ну, как получится? Ну, как прямо при нас сработает Перст Вильгельма?!

Воин крикнул:

– Бей!

Потом еще:

– Смерть!

Помедлив, рявкнул снова:

– Залп!

И еще:

– Стреляй!

Ничего. Перст не отозвался.

- Попробуйте: огонь, – подсказал Марк.
- Почему – огонь?
- Он же огнем стреляет...
- Огонь! – скомандовал Предмету кайр Джемис. Ничего не случилось.

Кайр поразмыслил еще. Расслабился, опустил руку... а потом резко выбросил вперед, сжав пальцы в кулак, и громовым голосом взревел:

– Убей!!!

Вот тут ты и можешь убедиться, что я говорю тебе чистую правду. Будь на моем месте кто другой, так сказал бы, что, мол, полыхнуло небесное пламя, сотряслась земля, вспыхнули сосны, как солома... А я не скажу, поскольку неправда это. Предмету было плевать на кайровы потуги. Он это показывал всем своим молочно-белым видом. После еще десятка тщетных проб, кайр стянул браслет с руки и сунул в карман. Ни Марку, ни кому другому он слова не сказал. Да и всем нам болтать расхотелось. Очень остро вспомнилось, что утром этого самого дня потеряли мы свой дом – корабль. А теперь торчим среди темного зимнего леса, по нашим следам идут свирепые волки в человечесьей шкуре, и всей нашей защиты – только три меча да пара арбалетов. Кто дрожал от холода, кто от страха, но делать нечего. Пospали несколько часов, с рассветом встали и побрели на юг по колени в снегу.

Ну, а что поделаешь, если так сложилось...

* * *

Здравствуй, Боже!

Это снова Стенли и Фрида, смиренные твои слуги, бьют челом. Для начала хочу тебя поблагодарить очень-очень горячо и крепко, поскольку простуда миновала. Ты услышал мои молитвы, великодушный и милостивый Боже! Я никогда не забуду твоей благости и век буду тебя славить!

Правда, зуб у моей женки так и не прошел, до сих пор она по ночам мается... Но нельзя же все и сразу, правильно? Ты исцелил меня – вот уже и довольно. Негоже дергать самого Бога из-за всякого больного зуба! Тем более, что я уже приспособился: голову накрываю подушкой и сплю себе, женкины стоны не мешают.

Быть может, тебе, Боже, любопытно, как же так вышло, что твой Священный Предмет очутился у нас? О, это чудесная история была, я сейчас расскажу с твоего позволения. Мы с Фридой держим отару. И вот случилось, запаришвила черная Марси: всю ее будто плешь побила. Женка говорит: «Поди на хутор, приведи старого Гордона, он овец пользует». Я отвечаю: «Сама иди, дура. Я – мужчина, без меня все хозяйство загнетса. А привести овечьего знахаря и баба может». Пospорили мы с Фридой немного, но в конце я сжалился над нею и сам пошел. А как сделал три мили и зашел в рощу, так и слышу звон – будто мечи. Я, Боже, очень мирный человек. Живу по заповедям, никогда кровь не проливаю, никому сроку не укорачиваю. Вот я поскорей и спрятался, чтобы не грешить зазря. И вижу: бредет какой-то воин, по всему – раненый. Точно, раненый: красный след за ним тянется. В трех шагах от меня он упал и больше не поднялся. Подошел я к нему – думаю, не оказать ли помощь, как полагается по заветам. Тут он хрипит: «Мне конец, брат... Возьми это... Унеси...» И протягивает дивный браслет: стеклянный – не стеклянный, ледяной – не ледяной, а такой, будто из застывшего молока слепленный. Я рассмотреть почти не успел, как снова услышал звон мечей, и тут уж понял: верно, знак это. Лучшие мне воротить назад и ни в какой хутор не лазить. Так я и сделал, пошел домой. Фрида сразу на меня накинулась: «Где старый Гордон, ты, дурошлеп ленивый? Марси уже от холода трясется, столько шерсти растеряла!» На что я и ответил: «Мне боги знак явили! Гляди, чучело, что я нашел!» Показал ей браслет, и ровно в тот миг, как Фрида за него взялась, так и услышали мы оба твой святой божественный голос!

Вот, Боже. Такая вышла история. Теперь-то, правда, думаю: может, зря я все рассказывал? Ведь это ты по великой щедрости послал нам браслетик – стало быть, знаешь, что да как случилось. Я очень хотел развлечь тебя, вот и рассказал – от одной моей большой благодарности. Ведь ты так много милости послал нам!..

Позволь, Боже, напоследок одну маленькую просьбочку. Нету у нас с Фридой детишек, а очень хочется. Уж не первый год стараемся – все никак. Если подумать, то оно и не диво. Видел бы ты мою женку: она – как пугало огородное! Но ведь и такая может рожать, правда? Вот и прошу: устрой для нас такое счастье! Тебе, наверное, оно раз плюнуть. Только щелкнешь пальцами – и готово. А мы по гроб жизни тебя славить будем!

Ну, прощай, Боже. Больше не посмею тебя задерживать.

Ах, да, еще совсем крохотное... Марси – плешивая наша овечка... не сможешь ли ей как-нибудь?

Что дело плохо, мы поняли на четвертый день. Ну, в смысле, и прежде понимали, а тут до самых косточек прочувствовали. Хесс – один из наших матросов – замерз насмерть. Вечером лег, утром не встал. Потрогали – ледышка.

Надо сказать, прошлым вечером боцман с воинами крепко поспорили: Бивень хотел зажечь костер, а воины – наотрез. Бивень говорил, стуча зубами: «Померзнем же без костра! И так уже еле ноги гнутся...», кайры отвечали: «Враги заметят дым – придут». Тем днем мела метель, так что следы наши припорошило, но холод стоял – жуть. И Бивень, вопреки воинам, попытался зажечь огонь, а кайр Мой вынул меч и сбил с боцмана шапку. Провел клинком вокруг себя, на каждого морячка указал: мол, кто еще желает огня? У меня в тот час руки были – как дубовые, зубы давно устали стучать, ног вовсе не чувствовал – но все же костра мне расхотелось. Даже Ворон при всей своей дерзости не решился возражать.

Боцман бросил огниво и пристал к капитану: «Кэп, ну хоть вы им скажите! Погубят нас вояки!..» Но капитан ответил: «Плюнь, боцман. Не все ли едино, от чего подохнуть?» Костер так и не зажгли, а на утро помер Хесс. Все волками смотрели на Моего. Никто слова не говорил, но от общей злобы аж мороз казался крепче. Кайру, правда, было плевать на нашу злобу. А вот Джон-Джону, грею, – нет. Его ненавидели заодно с хозяином, ведь вчера, когда за костер грызлись, он был на стороне кайров. Джон-Джон маялся: то к одному матросу подойдет, то с другим заговорит, – а все только цедают сквозь зубы. Джон-Джону было до того паршиво, что он возьми и скажи своему кайру:

– Хозяин, давайте уйдем от них.

Мой обозвал его дубиной. Джон-Джон сказал:

– Я не о том, чтобы сбежать, хозяин. Я вот о чем: мы с вами по снегу ходим скорей, чем морячки. Двинем самым быстрым шагом и за три дня будем у первой заставы горной стражи Ориджинов. Там возьмем отряд и вернемся за остальными.

Кайры задумались. Правда была за Джон-Джоном: мы хоть и понадевали снегоступы, а все равно ползли улитками. Без нас воины намного быстрее бы двинули. Горная застава Ориджинов – это такой крепкий матерый форт с кучей запасов. Там огонь, вкусная еда, теплые постели. Без нас кайры в три дня там окажутся...

Глянули они на нас этак хмуро, и сразу ясно стало, о чем кайры думают. «Кому нужны морячки?» – вот о чем. Бросить нас, а самим уйти – такая у них мысль возникла. Кайры – дворяне, а мы – простые. Мы для них – что пыль придорожная. Как-то сроднились в плаванье, отвыкли от этих понятий. А теперь вот, пора вспоминать...

Мой сказал:

– Возьмем с собой Марка. Он – личный пленник герцога, нужно вернуть в Первую Зиму.

Потом добавил:

– И Козлика надо взять. Он герцога порадует.

Названных двоих Джон-Джон выловил из строя, подвел к воинам.

– Ну, кайр Джемис, – спросил Мой, – выступаем?

Джемис стоял будто в нерешительности, а рядом – Гвенда. Она от него на шаг не отходила.

– Наша первейшая задача, кайр Джемис, – доставить в Первую Зиму вести, пленников и трофей. Жизни матросов – не наша забота.

Это Мой сказал, а Джемис промолчал, хмуро набычась. По-военному он понимал, что так и надо сделать, а по-людски – против сердца оно было. Никто не думал, что у Джемиса есть сердце... но, видно, кроха осталась.

– Кайр Джемис, – поторопил Мой, – мы не имеем права рисковать из-за черни. Нас ждет его светлость.

Как тут Марк возьми да и скажи:

– Не думаю, кайр, что вы со мною быстро пойдете.

– Это еще почему?

– Ох, нога разболелась! – он хлопнулся в снег и схватил себя за ляжку. – Ох, сил нет! Бедная моя ноженька!..

– Ты чего это?.. – не понял Мой.

– Ох-ох-ох, – причитал Ворон. – Придется вам меня нести. Сам ни шагу не смогу! Давайте, кайр, я вам на спину залезу...

Мой понял, что над ним смеются, и расвирепел. Выхватил клинок, ткнул в шею Марку:

– Вставай, подлец!

– Никак не могу, ой-ой-ой!.. – Марк все гладил свое бедро и поскуливал. – И ведь обидно-то: из-за проклятой ноги и я головы лишусь, и вам неудобство. Придется лорду Десмонду доложить, как его пленника потеряли... А лорду Десмонду потом перед сыном отвечать! Стыдно какой: старику-отцу перед юношей оправдываться!.. И все – от одной конечности... Ох, печаль-то!

Мой опешил, рубить не решился. Кайр Джемис ухватил Марка за шиворот, поднял на ноги, отряхнул от снега. А потом с размаху врезал по челюсти – Марк аж на три шага отлетел.

– Это тебе, чтобы не паясничал. Я предупреждал, и не раз.

Мой хохотнул:

– Ну что, переболела нога?

Но Джемис оборвал его:

– Ворон прав, кайр. Нельзя бросать команду. Герцог бы так не сделал.

– Герцог хочет скорейших вестей!

– Верно. Потому вы с Джон-Джоном пойдете вперед с докладом. А я останусь с моряками.

– Вы их не защитите, кайр Джемис.

– Вы пришлете мне помощь от заставы.

– Вас настигнут раньше, чем придет помощь.

– Я что-нибудь придумаю, – Джемис ухмыльнулся, показав зубы.

– Марк с нами? – спросил Мой.

– Пускай сам решит, – бросил Джемис.

Ворон выбрался из сугроба, потер синяк на подбородке.

– Ночевать на морозе, жрать снег, получать по морде – это так заманчиво, кто сможет отказаться?..

Так вот кайр Мой и Джон-Джон ушли, взяв с собой Козленка Луиса. А Марк и кайр Джемис остались с нами. Воин вынул из кармана священный браслет и сунул Ворону:

– А теперь, умник, напряги все мозги, какие имеешь, и оживи мне эту штуку.

* * *

Боже, будь здоров и счастлив, и пусть славится твое имя! Не могу и слов найти, чтобы выказать всю нашу тебе огромную благодарность!

Бедная черная Марси все паршивеет: уж половины шерсти как не бывало. Потому забрали мы овечку в дом – жаль ее, бедолагу, на морозе оставлять. Сперва мы с женкой опечалились из-за Марси, а потом смекнули, что к чему на самом деле! Ведь прошлым разом ты, Боже, из наших двух просьб только одну выполнил: исцелил мою простуду, а женкин зуб оставил. А теперича я просил детишек нам с Фридой и здоровья для Марси. Коль овечка все хворает, то, выходит, ты вторую нашу мольбу услышал!

Мы с женкой от счастья места себе не находим! Пугало мое не ходит по избе, а прям выплясывает. И я тоже, грешным делом, то песню запою, то насвистывать стану – вот ни с того ни с сего, на ровном месте! А как с Фридой глянем друг на друга – так и улыбаемся. Все благодаря тебе, Боже! Ты – самый великий и благостный из всех! Сколько ни молились мы Праматерям с Праотцами, а такой щедрости в жизни не видали!

Тут к нам наведывались люди с хутора и рассказали кой-какие новости. Говорят, граф с герцогом повздорили и собрались биться. Герцог сильнее, но он далеко – аж в столице. Граф послабее, но близко. А мы-то аккурат на краю между ихними землями живем. Из хутора многие берут вещички и уходят к герцогу в Первую Зиму, хотя спрятаться за каменными стенами. Нам бы с женкой тоже всполошиться... Но веришь ли, Боже, никакой трусости мы не испытываем. Смело себе смотрим вперед, знаем, что все обойдется. Это благодаря тебе у нас духу прибавилось! Ежечасно чувствуем мы твою заботу!

Позволь напоследок еще крохотную, маленькую просьбочку... Не пошлешь ли нам, Боже, немножко денег? Не от жадности просим, только из волнения о потомстве... Война – дело такое: то ли избу спалят, то ли овечек заберут солдаты. А у нас ведь скоро младенчик родится... Как же ему без жилья, без питания? Пошли, Боже, монетку. Или уж сделай так, чтобы нас не коснулась разруха.

Кланяемся тебе в ноженьки! До свидания, великий Боже!

Марк-Ворон испробовал все способы. Он надевал браслет на правую руку и на левую, говорил всевозможные слова – и вслух, и мысленно. Молился перед попыткой, молился после, на закате и на рассвете молился тоже – правда, язык заплетался от холода. Марк целовал браслет, смазывал его своей кровью, осенял святой спиралью... Разок даже направил на кайра Джемиса – по общему согласию, конечно. Они думали: вдруг Предмет оживет, если в человека прицелиться? Ворон напрягся, готовый в любую секунду отдернуть руку, а кайр стоял на полусогнутых, чтобы при опасности рухнуть в снег... Но все без толку. Что молись, что не молись, что мысленно командуй, что вслух, что целясь в человека, что в дерево – один черт, Предмет молчал. Марк перепробовал все и махнул рукой.

Сказал:

– Простите, кайр, идеи кончились. Продайте браслет, а? Он и такой, молчаливый, тысяч сорок стоит.

– Не принимается, – отрезал Джемис. – Я тебе приказал думать, вот и думай. До самой Первой Зимы думай. И Предмет держи у себя.

– Ладно, я подумаю... – ответил Марк таким жалким тоном, будто ни малейшей надежды он уже не питал.

То было вечером второго дня, как ушли кайр Мой с Джон-Джоном. А на третий день...

«Вас настигнут раньше, чем придет помощь», – так сказал кайр Мой, и напроорочил.

На третий день, примерно около полудня, Гвенда вдруг остановилась на тропе, вскинула голову, прислушалась. И зашипела:

– Беда! Беда! Скверные люди!

Минуту спустя мы увидели всадников. Двое в черных плащах выехали на тропу ярдах в трехста позади нас, остановились. Минуту смотрели мы на них в кромешной тишине, они – на нас. Потом развернулись и уехали на север.

– Разведка, – сказал Джемис. – За пару часов здесь будет весь отряд.

Словом, нагнало нас и вот-вот накроет. Такие дела.

– А ну, вперед! – рявкнул кайр, и мы двинулись. Хотя куда нам бежать – от конных-то?

Скоро вышли в такое место, откуда увидели простор. Были мы на склоне горы, тропа шла на юг, справа внизу лежала долина, а слева вверху – горная, значит, круча. А за долиной – другая гора, такая же могучая, как наша. Кайр показал вперед и сказал:

– Видите, долина сходится к югу?

Ну, мы видели.

– Эта долина зовется Челнок Богов, она по форме – как лодка. На юге сузится и перейдет в ущелье, над которым перекинут мостик. Можно попасть на другую сторону.

Мостик был далеченько: с нашего места даже не виден.

– До него четыре мили, – сказал кайр.

Даже в первые дни, со свежими силами, мы шли не больше мили в час. А уж теперь...

– Пять часов ходу, – сказал Марк, – а догонят через два.

Кайр ответил:

– Я возьму арбалеты и задержу воинов графа. А вы дойдете до моста за три часа.

– И как мы это сделаем?.. – вяло спросил капитан.

Кайр схватил его за грудки и приподнял над землей:

– Это же твоя команда, кэп? Твои морские крысы? Вот и заставь их придти к мосту за три часа! Пинай, кусай, хлещи кнутом – плевать. Что хочешь сделай, но заставь.

– Не все ли едино, кайр: здесь помереть или у моста?

Джемис ухмыльнулся и рыкнул в лицо капитану:

– Ты совсем не врубаешься. Вы пройдете по мосту. А за вами пойдут люди графа. Те самые, что отняли твой корабль.

– Мы подожжем мостик?.. – спросил капитан, и будто искра в нем блеснула.

– Какой догадливый!..

Джемис выпустил его, капитан Бамбер облизал губы, почесал затылок...

Тем временем кайр поймал за шиворот двух матросов – тех, что несли арбалеты, – сказал: «Вы мне поможете», – и с ними свернул с тропы. Следом побежал кайров пес, рванулась и Гвенда, но Марк поймал ее и удержал.

– Ну, и что нам теперь, туды-сюды?.. – спросил Ларри.

И аж подпрыгнул, когда в ответ капитан проревел:

– Как – что, тьма тебя раздери?! По местам, поднять все паруса! Полным ходом на юг, чтоб вам в земле не лежать!

Ты, милая, даже не представляешь, что такое капитан для команды. Корабль без капитана – что курица без головы. Отрубишь голову – курица еще побегает, но толку в этом... Зато когда голова на месте – ооо!

Джефф Бамбер заорал на нас, как раньше, на «Тюлене», – и мы сразу все забыли: предателей, погоню, чертов холод. Одна мысль осталась: надо выполнить приказ, а то хуже будет! И рванули на юг, ни о чем не думая. Кайр и арбалетчики остались за кормой и скоро пропали из виду. Гвенда поминутно оглядывалась и плакала, а Марк тащил ее за локоть, что-то приговаривал, пытаясь успокоить. Но мы на них не очень-то смотрели, у нас свое было дело: шагать.

Налегали изо всех сил, как могли. Рыли ногами этот долбанный снег, лупили подошвами, топтали его, чтоб ему неладно! Шагали так, что аж хрустело, и комья летели во все стороны. А Джеффу Бамберу все было мало, и он кричал на нас:

– Сучьи дети! Сухопутные хорьки! Это что, полный ход? А ну живее, шевелите задами! Ррраз – двааа, ррраз – двааа, ррраз – дваааа!

И так мы припустили, что аж согрелись от натуги. То мерзли, дубели – а теперь распахнули ворота, расстегнули телогрейки, изо рта пар летел вместо воздуха. Не моряки, а конский табун! Вспахали мы четыре мили целины и вылетели к мостику.

Ох, и мостик! Два каната, на них досточки, а сверху еще два каната, чтобы держаться. Досок, ясное дело, недостает: тут и там зияют дыры. А где не дыра, там фут снега лежит.

– Вперрред! – рывкнул капитан. – Разучились ходить по реям?! Всех на берег уволю!

А и правда: в сравнении с реями этот мостик – прямо королевский тракт! Так мы подумали и спустя минуту уже были на том краю ущелья.

– Кууудааа?! Потомок и Ларри – назад, сметайте снег с моста! Остальные – в лес, за хворостом!

Точно, черт! Нам нужно не просто перейти мост, а еще и поджечь. А снег-то гореть не станет. Двинули мы с Ларри назад, ветками и шапками сметая снег с досточек, а остальные таскали хворост, раскидывали по мосту. Так все ладилось, так живо и складно дело шло, что мы забыли всякую опасность. Но тут услышали топот копыт, глянули: скачет по тропке к мосту кайр Джемис (на трофейной, видать, лошади). Сзади него сидит Бадди с арбалетом и целится в чашу, рядом бежит по снегу пес. Второго матроса не видать – убили его графские.

– Поджигай! – кричит кайр.

Я вытащил огниво, стал чиркать. Хворост даром что сухой, да еще орджем политый, – от мороза все равно не занимается! А кайр все ближе, а сзади него вылетают на тропку двое всадников с гербами Флеминга на щитах. Бадди дернул скобу, графский воин шатнулся в сторону, и болт прошел мимо. Тогда он сам сорвал с плеча арбалет и спустил тетиву. Бадди хрюкнул, повалился на землю, конь его тут же растоптал.

Я смотрю на это, боюсь, конечно, но дальше стучу огнивом. Искры летят, ветка-другая уже задымилась, змейка пламени поползла – но крохотная, чуть живая.

А кайр Джемис подскакал к мосту, и тут его конь заартачился. Встал на дыбы, заржал – не пойду, мол. Ясное дело, конь – не матрос, он-то по реям не бегал... Кайр спрыгнул с седла и пешком на мост, а графский воин настиг его со спины, отбросил пустой арбалет и вскинул топор. Один взмах – не станет кайра Джемиса!..

Но нет. Взмах – и мимо. Почему? Да потому, что в тот самый миг пес прыгнул на всадника. Вцепился клыками, человек завыл и выпал из седла. Но на смену ему уже трое, четверо, пятеро скачут.

А я свой огонек – как ребеночка: дую на него, кормлю сухой травкой, ладонями от ветра закрываю... Даже приговариваю: «Ну, расти, роденький, расти!» Джемис был уже в трех шагах от меня, как мой младенец окреп, наконец, и выскочил из колыбельки. Запрыгал, засмеялся, заплясал. А Ларри за моей спиной тоже зажег огонь. Я перескочил костер и побежал, со мною Ларри, за нами кайр Джемис с собакой. А позади, ярдах в двадцати всего, пятеро графских латников. Пять матерых кайров – против одного нашего. И мост никак не успеет сгореть прежде, чем они пройдут. Опоздали мы!

Кайр Джемис оглянулся, оценил ситуацию. Перепрыгнул огонь, остановился. Пес встал рядом с ним, но Джемис пнул его и крикнул:

– Стрелец, прочь!

Пес попятился, обиженно скуля. Джемис пнул его снова, и Стрелец убежал. А кайр остался на мосту – лицом к огню и пятерым врагам.

Скажешь, не бывает, чтобы дворянин за мужиков жизнью рискнул? Я никогда не лгу, запомни это.

Кайр Джеемис встретил их мечом и отшвырнул назад. Из леса появились новые всадники. Уже целая дюжина, да только число не имело значения. Мост был очень узок, шириной на одного. Вот они и шли по одному, а Джеемис держал их. Знатный он был воин, Праотцам на радость. Но мы все понимали, что конец ему: за три минуты канаты прогорят, и мост рухнет. А чем помочь? Черт знает! Ни арбалетов, ни луков не осталось! Хоть палками бросай...

Тут я услышал женский визг. Это Гвенда смотрела на Джеемиса и кричала так, будто родного ее сына убивают. Марк схватил женщину, встряхнул за плечи:

– Тихо! Не мешай ему!

А Гвенда вцепилась в ворот Марка, в бороду, в лицо:

– Помогите! Спасите!.. Дайте!..

– Что дать?.. – не понял Марк. Оттолкнул ее, тут сообразил: – Предмет?

– Да-ааай!..

Он сунул браслет ей в руку. Гвенда затихла. Поднесла Предмет к лицу, к самым губам, будто для поцелуя. Закрывает глаза и неслышно шепнула что-то...

Тут я забыл про мост и про бой, потому что браслет засиял лунным светом и сказал два слова:

– На связи.

* * *

Здравствуй, Боже!

Это раб твой Стенли беспокоит, а со мною еще Фрида – женка. Мы хотим у тебя испросить совета. Очень уж нам неясно, как мудрее поступить.

Но сначала бьем челом о землю и низжайше благодарим тебя. Снова ты все наилучшим образом устроил, и снова тепло от твоей заботы! Вчерась приходили к нам солдаты, да не простые какие-то, а кайры самого герцога. Но не тронули ни избу, ни овец, а напротив – по-доброму с нами говорили и потом еще дали денег! Об этом и хочу рассказать тебе, Боже.

Явились они около полудня, числом была их святая дюжина. Одиннадцать – серые, крепкие, невзрачные; шестеро – красно-черные, в меховых плащах да с мечами дорогими. А на груди у каждого нетопырь со стрелой в когтях – это, Боже, герб нашего герцога. Вот один из красно-черных подскокил к нам с женкой и как закричит:

– Вы, крестьянские скоты, графу помогаете?! Вы – с предателем заодно?!

Но я не дрогнул, ибо знал: ты, Боже, не дашь нас в обиду. И верно: кайр постарше вышел вперед, одернул молодого.

– Остынь, – говорит, – никакие они не предатели, а обычные пастухи. Плевать им на графа с его изменой. Правду говорю?

Это он меня спрашивает, и я в ответ:

– Так точно, ваша милость, еще как плевать. Тьфу-тьфу.

– Вот и ладно, – говорит старший кайр. – А мы к тебе, пастух, с таким делом. Неделию назад неподалеку была стычка: горстка людей герцога против отряда изменников. Не видал ли ты чего?

Отвечаю:

– Как же не видеть? Еще как видал! На моих собственных глазах один воин испустил дух.

– Из графских, надеюсь?

– Простите, ваша милость, но нет. Из ваших, с нетопырем на гербе.

– Покажи, где лежит.

Ну, оделся я потеплее и повел кайров в ту самую рошу. Думал, не найду уже покойничка, ведь снегу-то прибавилось... Ан нет, заметил: вон он лежит, бедолага. Подошли мы, перевернули. Старший кайр глянул в лицо мертвецу и весь потемнел. Сказал горестно:

– Вот оно как бывает: дважды из Запределья вернулся, дважды из идовых когтей выскользнул – а умер в родных горах от меча изменника.

Молодой кайр тем временем ко мне подскочил:

– Ты что же не похоронил героя?!

– Рядом еще бой шел, не время было за лопату браться. Да и я понадеялся, что ваши победят, а не графские. Тогда бы они о товарище-то позаботились...

– А больше ничего о той стычке не помнишь? Не видел ли что-то особенное?

Тут я замялся. Сказал:

– Нет, больше ничего такого.

– Ладно, пастух, и на том спасибо. Благодарим тебя, что помог разыскать тело славного кайра.

Так сказал ихний старший и дал мне три монеты. Три золотые монеты, Божже! Самые настоящие! Потом погрузили они покойничка на лошадь и уехали себе.

Мы же с Фридой с тех пор в сильном волнении. Не знаем, как поступить. Помоги нам, Божже, посоветуй! Фрида говорит:

– Если бы ты, дурушлеп, отдал тем воинам браслет – они бы нам не три монеты, а все тридцать отсыпали! Да к тому же, они ведь от самого герцога! Кто мы такие, чтобы герцогу врать?

А я говорю:

– Чуело ты глупое! Герцог – не Бог! Это Бог нам послал браслет, вот Богу и верну, если ему вдруг такая надобность выйдет. А герцог или даже король пускай не мечтают!

На что Фрида мне отвечает:

– Почему знаешь, что не Бог этих воинов прислал? А если это он так проложил им дорожку, чтобы они напрямик к нам заехали? А если это Бог их надоумил в нашу дверь постучаться?

Вот и терзаюсь вопросом: хотел ли ты, Божже, чтобы Предмет нам остался? Или нарочно прислал за ним воинов, а я, дурак, не отдал? Ведь мы с Фридой уже много получили от твоих щедрот, пора и меру знать. Быть может, энти воины больше нашего в твоей помощи нуждаются? А может, мы тебе милее, и ты хочешь нам браслет оставить?..

От таких мыслей спать совсем не могу, все верчусь и нелегкую думаю. Ответь, Божже, молю тебя! Как нам поступить-то?

И еще все не возьму в толк. Когда в первый раз браслет осветился, ты такие странные слова изрек... Вроде: «на веревке»... или: «на привязи»... Верно, то был мудрый совет, да только не с моим умом его понять. Скажи, Божже, что оно значило?

Я никогда не лгу, родная. Что случилось – то случилось, а чего не было – того не было, и сочинять я не стану.

За пять минут мы увидели такое, чего за год не увидишь – это было. Святой браслет, сделанный богами, засветился и изрек слова – это было. Графские воины пошли в атаку по горящему мосту над пропастью – и это было. Мост пылал, качался на ветру, а они шли, закрывшись щитами. Я раньше думал: не бывает людей, что не боятся смерти, но в тот миг увидел: очень даже бывают. А наш кайр Джемис все стоял поперек моста и один держал их до тех пор, пока не сгорели веревки. Стоял, как скала, отбрасывал врагов, покуда мост под ними не рухнул в бездну. Это тоже было. А потом кайр сумел удержаться за обрывок каната, а мы – вытащить его из пропасти, хотя от холода даже пальцев не чувствовали. Ума не приложу, как такое могло быть, но все это – правда.

Но это ли потрясло меня сильнее всего? Нет, родная, чего не было – того не было. Говорящий Предмет, отчаянные графские кайры, доблестный Джемис – все оно в памяти померкло по сравнению с одним: скоростью мысли.

Я знаю, как быстро люди умеют драться. Видал такие схватки, что в первую секунду парни посмотрят волком друг на друга, во вторую сверкнут в руках ножи, а в третью – один парень уже лежит с дыркой в боку. Видал я, как быстро лазают по мачтам и скачут с реи на рею. Глазом не уследишь – вот как быстро! Куда там обезьянам! Видал тех, кто быстро говорит: знавал девицу, что за минуту могла всю свою жизнь рассказать. И тех я встречал, кто очень быстро ест. Тут чемпионом, конечно, мой друг Ларри: сядешь с ним за стол, плюнешь на ложку, ототрешь ее рубахой, только зачерпнешь варева – а миска Ларри уже опустела!

Но человека, кто с такой скоростью умеет думать, никогда прежде не встречал. Браслет засветился в руках у Гвенды и изрек странные слова: «На связи». Все оторопели на вдох, будто даже битва замерла!.. А две секунды спустя – ну, может, три, но не больше! – Марк-Ворон схватил Гвенду и оттащил назад, за деревья. Там бухнулся на колени, вцепился в браслет и закричал, как дурачок:

– Кто это?! Кто говорит?.. Боже!.. Это ты?! Ты же бог, да?!

Потом он что-то еще говорил, мы уже не слышали. Графские воины ринулись в огонь, Джемис держал их мечом, а мы швыряли камни, орали: «Кайр, отступай!.. Веревки горят, беги!..» Потом мост рухнул, графские полетели в пропасть, а Джемис повис на канате и крикнул: «Тяните меня!» Мы тянули так, что аж скулили от натуги, а канат, скотина, весь скользкий от намерзшего льда, а Джемис все кричал: «Да быстрее, сучьи дети!.. Долго не выдержу!..» Словом, мы не очень-то прислушивались, что там у Марка с Гвендой творилось. А потом, когда вытянули кайра, и все повалились на снег от усталости – тут-то Марк вышел из-за деревьев такой походочкой, будто он не ворон, а самый красивый на всем Севере петух. Подошел напрямиком к кайру Джемису (тот лежал на спине и дышал, словно загнанный конь), самодовольно так улыбнулся и сказал:

– Не забудьте доложить герцогу: пока весь отряд прохлаждался на снежке, Ворон Короны совершил подвиг!

Ну, ты понимаешь: у каждого из нас зачесались руки ему врезать. Правда, ни у кого не было сил, потому что Джемис только сказал:

– Выкладывай, умник.

Марк ответил:

– Отойдем-ка подальше от ущелья. Графские на той стороне опомнились и взводят арбалеты, а скрип тетивы мешает моему рассказу.

Убрались мы в лес ползком: кайры лупили нам вслед, болты свистели прямо над спинами, тут морду от снега не поднимешь. Но когда спрятались за деревьями, Джемис снова спросил:

– Что было с Предметом? Ты разговорил его?

– Не я, – ответил Марк, – а Гвенда, в чем ее великая заслуга. Зато я придумал, что ему сказать.

– И что?

Ворон, как это за ним водится, выдержал паузу.

– Начну немножко издали. Скажите, кайр, какова первая задача часового на посту?

– Высматривать противника.

– А если высмотрел, что должен сделать? Кинуться в бой?

– Поднять тревогу. Подать сигнал своим, а потом уже биться.

– Именно. Мы с вами, кайр, упустили это из виду. Тот часовой в заречном форте при виде нас схватил Предмет. Мы почему-то решили, что он хотел стрелять. Видно, очень нам засело в памяти: Персты Вильгельма, огненные шары... Нет, чушь все это! Часовой пытался подать сигнал! Браслет – не оружие, а способ связи: как почтовый голубь или волна.

– Умно... – признал Джемис. – Хочешь сказать, когда Предмет заговорил в руках у Гвенды, то это не он сам говорил, а...

– Хозяин тех парней из форта! Часовой не смог ему просигналить, не успел. А Гвенда как-то смогла, и тот ей ответил!

– Через браслет?

– Именно!

– Он где-то далеко говорил, а ты через браслет слышал его голос?

– В точности так!

– Ты слышал гада, построившего форт? Того, что раздобыл Персты Вильгельма? Того, что стравил герцога с императором?!

– Полагаю, именно его.

– И что он сказал?

– Лишь два слова: «На связи».

– А ты ему что?

Тут Марк очень хитро подмигнул кайру:

– Ну, а вы как думаете?

– Сдавайся, сукин сын!

– Хороший вариант, но, возможно, имеются другие?

– Мы найдем тебя и убьем.

– Тоже неверно, попробуйте еще.

– Мы разгадали твой план. Тебе не справиться со Светлой Агатой!

– Простите, кайр, но вы односторонне мыслите. Нужно смотреть на вещи шире.

– Так, чертов умник, говори уже. Что ты ему сказал?

Марк откашлялся, понизил голос, чтобы стал глухим и грубым, и произнес:

– Боже, это ты?! Я очень счастлив, боже! Мы с женой стоим на коленях и славим тебя, о великий!

Он скалился так счастливо – ну ни дать, ни взять блаженный! Очень собой гордился. Мы все только молчали и глаза отводили, и думали одно: «Бедняга свихнулся от мороза. В снегах такое случается... Жаль, хороший мужик был!..»

А Марк добавил:

– Как видите, кайр, я совершил подвиг. Пахнет личной наградой от герцога. Быть может, даже титулом, а?..

И вот тут до кайра Джемиса дошло. До него первого, до нас – позже.

– Твою Праматерь!..

– Ага-аа, – протянул Марк.

– Подлец не знает, у кого Предмет!..

– Ага-ааа.

– Решит: браслет у какого-то дурачка, который думает, будто говорит с богом!

– Угу-ууу.

– И захочет его забрать!..

– Точно!

– И тогда ты...

– Я буду кормить его всякой чушью, какую только выдумую. День за днем стану молиться ему, просить здоровья, денег, счастья, детишек – все, чего у богов просят. Буду играть полного осла, дремучего сельского невежу... А потом, как бы случайно, проболтаюсь, где я живу.

– И он пошлет к тебе своих людей.

– А вы их сцапаете, кайр. Весьма логичный план, правда?

Кайр Джемис потер затылок, поскреб бороду, открыл было рот, закрыл, покачал головой... Сказал:

– Ты не вздумай возомнить о себе, ясно? Запомни раз и навсегда: в мире нет никого умнее, чем внуки Светлой Агаты!

Марк скромненько так потупился:

– О, я и не претендую...

* * *

Дальше дела наши пошли на лад, и чем дальше – тем лучше.

Следующим днем встретил нас отряд горной стражи, который послали Мой с Джон-Джонном. Очень ко времени: трое наших уже совсем с ног валились, а остальные еле ползли. Трех самых худших всадники взяли к себе в седла, остальным разрешили идти рядом и держаться за луку. Да и лошади приминали снег копытами, оставляли за собой хороший такой фарватер. В общем, как оно говорится, мы воспрянули духом и добрались до заставы без потерь. Только обморозили себе – кто ногу, кто ухо, я вот палец... гляди, какой синий!

А на заставе совсем медовая жизнь началась. Усадили нас в тепле, возле печки, накормили от пуза, напоили вином. Боцман Бивень приговаривал:

– У вас тут, господа, прямо как в Шиммери! Только женщин не хватает, в остальном – не отличить!

А Шиммери-то его любимейшее место на всем свете.

Капитан заставы – породистый кайр, сродни нашему Джемису – так ответил Бивню:

– Еще бы нам не праздновать! Вы, поди, не слыхали новость, потому сообщаем: война окончилась!

– Как?.. – ахнули мы.

– Спросите, как? Нашей победой, разумеется! Молодой герцог еще месяц назад взял столицу. Войска Короны держали его в окружении, но третьего дня подошли генерал-полковник Стэтхем и кайр Роберт Ориджин, и прорвали кольцо. Минерва Стагфорт от имени Империи подписала мир.

– Минерва?.. А как же владыка Адриан?

Это спросил Марк-Ворон, и я увидал: он побелел, как простыня.

– Х-ха, вы и этого не знаете? Адриан погиб! Он ехал в столицу поездом, вез подмогу своей армии. Но состав сошел с рельс и рухнул в реку. Сама Светлая Агата помогла герцогу Эрвину: развалила мост под колесами тирана! Весь Север празднует, присоединяйтесь и вы!

Все закричали: «Слава Ориджину!», «Слава Агате!» Выпили, и еще разок, и третий до кучи, и четвертый заодно. Правда, большого веселья не вышло: нас-то после мороза быстро разморило, и все спать повалились. Но перед тем я еще отвел Марка в сторонку и спросил:

– Чего это ты, брат? На тебе лица нет.

Он не ответил. Я сказал:

– Война кончилась, наши в столице. Вернутся – столько трофеев привезут, весь Север будет жировать! И тебя герцог хорошо наградит – он и так не скряга, а на радостях совсем расщедрится.

Марк молчал. Я сказал еще:

– Тебе владыку жаль? Не жалея, брат. Он был тираном. Да, с Предметами не он колдовал, но все равно же тиран, хотел целый мир подмять под себя. Его и летом пытались убить, и в прошлом году. Тогда протекция уберегла, а теперь вот – нет. Такая у тиранов судьба, все они плохо кончают... От судьбы не уйдешь.

Марк ответил только одно слово:

– Зря...

По правде, я так и не понял, что он хотел сказать. А выспрашивать не решился: больно Ворон был мрачен. Но потом он тряхнул головой и сказал еще:

– Теперь для меня дело чести... Прошу, брат: приведи-ка Гвенду.

Я привел, Марк дал ей браслет. Гвенда снова заставила его светиться, а Марк снова сказал: «Здравствуй, Боже!..»

Он говорил с «богом» и в следующий вечер, и потом, и снова. Мы шли под защитой кайров на юг, к Первой Зиме, и как делали привал – так Ворон тащил к себе Гвенду, а она звала «бога». «Бог» ни разу не ответил Марку, но мы знали, что он слушает: ведь браслет светился.

Глядя на такие дела, я сильно призадумался о вере. Вот говорит человек со Священным Предметом, обращается к богу, доверяет самое сокровенное, а слышит его – подлец и убийца. Чего тогда стоят все эти алтари, храмы, иконы, священные спиральки? Что толку ото всей этой, прости Праматерь, мишуры? Как надо молиться, чтобы услышали боги или Прародители, а не какой-то проходимец из людей?.. Я для себя решил так: отныне в церкви буду молиться для виду, а искренне – только на корабле. Стану у борта и обращусь к волнам. Если кто и услышит, то только сам Бог Северных Морей. Ну, может, еще парочка тюленей – но это не страшно.

Однако рассказ мой не о том, вот и не буду отвлекаться.

Миновала неделя, и пришли мы в Первую Зиму. В долине-то я прежде бывал, и в самом городе тоже, а вот в замке – не доводилось. Как подошли к воротам, я даже слегка струхнул. Ох, и матерущий этот замок! Здоровенная махина из серых каменных глыб, стоишь рядом – блохой себя чувствуешь. Войти – войдешь, а выйдешь ли – вопрос. Этаким замком легко человека сглотнет и только косточки выплюнет. А может даже костей не оставить: схоронит в своем подземелье, как в могиле, и никто человечка не вспомнит. Очень душа не лежала входить туда, и я спросил Марка:

– Может, мы снаружи постоим, а ты перед лордом сам отчитаешься?

Но он ответил:

– Нет, братья, вы мне нужны свидетелями.

Вышел нам навстречу командир гарнизона. Кайр Джемис ему доложил, кто мы, откуда и по какому делу.

– Мы должны, – сказал, – увидеть лорда Десмонда Ориджина.

Командир ответил:

– Лорд Десмонд по болезни никого не принимает.

– Никого?

– К нему заходят только леди София, кастелян и пара слуг.

– Лорду Десмонду настолько плохо?

– Вы его знаете, кайр Джемис. Он бы скорей откусил себе язык, чем стал жаловаться на хворь. Вот и я не стану распространяться. Желаете говорить с хозяевами – проведу вас к леди Софии.

– Не только меня, кайр. Этих людей тоже.

– Простолюдинов?.. – удивился командир.

– Вот этот парень – Марк-Ворон – имеет ценные сведения для милорда. Но он не только простолюдин, а еще редкий болтун и враль, потому каждому его слову нужно стороннее подтверждение.

– Трех свидетелей будет довольно, – сказал командир.

Марк взял Гвенду, капитана и меня. Вместе с кайром Джемисом вошли мы в замок.

Ты уже знаешь: я никогда не лгу. Провели нас в приемный покой, и встретила нас сама леди София Джессика – мать Эрвина-Победителя, жена великого Десмонда, что тридцать лет держал в кулаке весь Север. О, это дворянка из самых настоящих! Держалась так, будто в жилах у нее серебро вместо крови. Рядом с нею мы себя чувствовали нескладными да несуразными, хотелось не то помыться, не то переодеться в новое, не то просто спрятаться куда-нибудь.

Но леди София виду не подала, что мы ей неприятны. Душевно всех поприветствовала, Джемису дала руку для поцелуя, сказала:

– Я счастлива, что вы живы.

И верилось же, что и вправду счастлива! Джемис красиво с ней поздоровался, пожелал всего, чего полагается, потом сказал:

– Я привел вашего пленника, миледи, а он принес весьма важные сведения.

Леди София взяла чаю и приготовилась слушать. Ворон сел возле нее и повел рассказ. Поведал обо всем: как играл с нами на истории и узнал про нелады графа с герцогом; как мы попали в шторм, а после прибыли к форту; как Джемис и Мой ходили в разведку, где захватили трофей и пленников; как форт исчез, а Флеминг переметнулся... Марк не робел, говорил с юмором, но обстоятельно, ничего не упуская. Миледи слушала с огромным интересом.

А я тем временем глазел по сторонам: не каждый же день бываешь в покоях герцогини. И чем дольше смотреть, тем больше было странного чувства, будто что-то здесь неладно. Вроде, красивая комната: высоченные потолки, лепнина, дубовые панели, бронзовые лампы, чьи-то портреты, диваны да кресла в мягкой обивке – все нарядно, добротное. Даже благовония горят для пушего уюта... А странное чувство все сильнее становится. То ли сумрачно слишком, то ли душно... И особенно смущает тяжелая черная штора: отчего-то не окно закрывает, а такой кусок стены, где окна-то и не должно быть.

Как вдруг повеял сквознячок, штора эта качнулась, и тут я понял: там, за нею, дверной проем. Дверь открыта, но занавешена. А зачем, спрашивается?.. За нею человек лежит – вот зачем! Хворый лорд Десмонд – в смежной комнате, слушает нас! Но зачем тогда штора? Отчего просто дверь не открыть?.. Понял – и холодок по спине пошел. Десмонд Ориджин до того стал жуток, что смотреть на него нельзя! А благовония нужны, чтобы заглушить вонь: пахнет лорд уже не живым человеком, а трупом. Меня всего аж передернуло, захотелось сбежать отсюда как можно скорее. Леди София меж тем преспокойно пила чаек – и не подумаешь, что ее муж гниет в десяти шагах, за шторкой.

Марк-Ворон, слава богам, уже подходил к концу своего рассказа: описывал, как очнулся на корабле и понял, что владыка невиновен. Леди София внимательно выслушала все его доводы, кивнула:

– Не зря вас послали в экспедицию. Мы с мужем подозревали подобное, а вы подтвердили догадки. Адриан оскорбил дворянство и не знал меры властолюбию, но перед богами он чист. Мы уберем его имя от ложных обвинений. Дом Ориджин не замазает себя клеветой. Благодарю вас, Марк.

– К вашим услугам, миледи.

– Какой награды вы хотите?

– Я точно знаю, миледи, чего не хочу: вернуться в темницу Первой Зимы.

– Само собою разумеется. Это наш долг перед вами, не награда. Чего еще вы пожелаете?

– Помогите мне поймать хозяина Перстов. Дайте отряд кайров, чтобы устроить засаду.

– Засаду?.. Но как, где?..

Тогда Марк рассказал ей то же, что я тебе: как мы лишились корабля, как убегали от воинов графа, как сумели разговорить браслет. Пересказал все свои молитвы так называемому «богу», а потом добавил:

– Вчера впервые «бог» сам захотел побеседовать со мной. Браслет сам собою засветился и сказал: «На связи». Я сделал вид, что не слышал этого, поскольку хотел сперва поговорить с вами. Я дал понять «богу», что готов вернуть ему Предмет. Убежден, он вызывает меня, чтобы сказать нечто вроде: отнеси браслет в такую-то церковь, положи под таким-то алтарем. Затем, конечно, он пришлет туда своих людей – вот их мы с вами, миледи, и схватим. Допросив их, придем к тому, кто погубил императора и покушался на вашего сына.

– Не знаю, как и благодарить вас, – ответила леди София.

Вид у нее был странный: глаза затуманились, на лицо как вуаль опустилась. Допила она свой чай и сказала:

– Что ж, Марк, приведем план в исполнение. Попросите Гвенду...

Пленница пряталась за спиной Джемиса. Леди София ласково позвала:

– Подойди сюда, дитя. Покажи, как ты говоришь с Предметом.

Гвенда вышла вперед – боязливо, как цыпленок. Марк погладил ее по голове и дал в руки браслет:

– Давай, девочка, не бойся.

Тут я впервые разглядел, как это происходит. Гвенда поднесла браслет к губам – от ее дыханья молочный материал покрылся мутью – и тихо, с дрожью шепнула:

– Помоги мне...

Браслет засиял, как луна в ясную ночь. Спустя минуту раздалось слова, что шли прямо из сияния:

– Я тебя слышу, смертный!..

– Боже, здравствуй!.. – вскричал Марк глухим и грубым голосом. – До чего же я счастлив, что ты не забыл о нас! Боже, я столько хотел тебе сказать...

Но тут он осекся. Леди София взяла браслет из руки Гвенды и заговорила:

– Я – София Джессика Августа, леди Ориджин. Ты – тот, кто владеет Перстами, и тот, кто устроил гражданскую войну. Тебе нужен твой браслет, мне тоже требуется кое-что. Я предлагаю сделку.

Предмет молчал какое-то время, потом спросил:

– Что тебе нужно?

– Мой муж болен каменной хворью, в подлунном мире от нее нет средства. Но меж твоих Предметов найдется такой, что справится с нею. Пришли своего человека, исцели Десмонда – и я верну браслет. Слово леди Ориджин.

«Бог» еще помедлил, размышляя, и сказал:

– Поезжай в Фаунтерру. Привези браслет и мужа. Там скажу, что делать дальше.

Прежде, чем леди София ответила, сиянье погасло.

Настала кромешная, глухая тишина. И все услышали, как Марк-Ворон с размаху шлепнул себя ладонью по лбу.

* * *

Вот такая история, родная. Теперь, как видишь, мы едем всей толпой в столицу. Нам сказали, что у Ориджинов будет флот на Восточном Море, капитану Джеффу Бамберу пообещали шхуну, а нам, матросам, – прибыльную службу. Вот и тащимся в санях в конце колонны. Дорогой, как учил Марк, играем в кости на рассказы. Только все равно скучно: все лучшие истории уже на «Тюлене» рассказали... Перед нами едут кайры – человек сто, не меньше. А в голове колонны – здоровенные крытые сани с лордом Десмондом и леди Софией. Там же с ними и Джемис со своим псом, а где-то около – Марк.

Ворону не дали ни титула, ни денег. Даже свобода ему вышла такая, с душком. Сказали: «Поедешь с нами в столицу», – и он поехал. Он, правда, не возражал, но возразил бы – вряд ли что-то поменялось. Все же одну награду Марк-Ворон получил: простили ему то, как при всех обозвал дурой герцогиню Ориджин. Знаешь, если подумать, не самая худшая награда.

Полезные люди

Январь 1775 г. от Сошествия

Фаунтерра; Грейс (герцогство Южный Путь)

Бакли взял из колоды даму – как раз то, что нужно. Ухмыльнулся и открыл карты.

– Сучий ты потрох!.. – гаркнул Шестой, капельки слюны полетели на колоду.

– Не везет тебе сегодня, дружище, – сказал Бакли и подвинул к себе монеты.

Шестому не везло и вчера, и третьего дня, и неделю назад, и месяц. Ему всегда не везло, когда играл против Бакли. От вечера к вечеру, по мере убывания запасов, Шестой менял ставку. Сперва играли по елене, затем – по глории, потом сошли на агатки, сегодня – на полтинки. И чем больше он проигрывал, тем теплее становилось словцо, которым звал его Бакли. Шестой сперва звался просто Шестым, потом – парнем, потом – приятелем, позже – дружищем, а теперь вот...

– Может, довольно, братец? – с сахаром в голосе предложил Бакли.

– Сдавай.

– Пока ты вконец не разорился, а? Я же о тебе забочусь!

– Сдавай, сучье вымя!

Бакли принялся тасовать, Шестой уставился в окно. За стеклом была узкая площадь, а по ту ее сторону – длинный сарай под двускатной красной крышей. Трактир, в котором сидели игроки, звался «Свиньей и гусем», здоровущий сарай напротив – Мясницким рынком, а площадь – Мясоедной. На площади наблюдалось движение: то прокатит телега, то процокает конь, то бойко проскрипят по снегу люди. Порою кто-то проходил у самого окна, и сквозь стекло влетал клочок разговора.

– Ишь, шастают, – со злобой процедил Шестой.

– Тебе-то что, друг мой?

– К коронации готовятся.

– И?..

– Ненавижу коронации! Сдавай уже.

Бакли стал сдавать.

– А ты их много видел?

– Кого?

– Коронаций.

– Ни одной.

– Так что же...

– Сказал – ненавижу! – огрызнулся Шестой, и Бакли предпочел замолкнуть. Шестой добавил: – Экая радость – коронация! Какую-то сучью пигалицу сядят на трон, а я должен радоваться? Не дождутся!

Бакли сдал, они взяли карты. Бакли добрал одну, Шестой – две. Помедлил, натужно размышляя. Потянулся к колоде с глухим рыком, словно уже предчувствуя исход. Вытянул третью карту.

– Дерьмище!

Он швырнул на стол карты вместе с серебряной полтинкой.

– Будем продолжать, братишка? – спросил Бакли.

– Да. Но сдам я, – Шестой забрал колоду. – Тебе черти крутят.

Бакли усмехнулся. Шестой всегда хотел играть, и это было хорошо. «Желание – ценная штука, – так говорил хозяин. – Кто много хочет, тот полезен».

Однако сдать Шестой не успел. Дверь скрипнула, Бакли бросил взгляд и напрягся, шепнул:

– Он.

Человек, которого они видели нынешним утром на станции, вошел в трактир, притопнул, сбивая снег с подошв, осмотрелся. Напоролся на неосторожный взгляд Шестого – и тут же ринулся прочь. Шестой и Бакли – следом, на ходу надевая тулупы.

– Извозчик!..

Человек со станции подбежал к бричке, в которой приехал за минуту до того.

– Гони скорее!

Лошади не успели тронуться, как Шестой и Бакли уже вспрыгнули в экипаж.

– Ага, гони, мил человек, – сказал Бакли, бросая извозчику елену. – Куда-нибудь на околицу.

– К Привратной?

– Да хоть и к Привратной.

Человек со станции попытался выпрыгнуть на ходу, но Шестой крепко ухватил его за плечо, швырнул на сиденье и впечатал кулак под ребра.

– Ъыыы... – человек разинул рот, пытаясь вдохнуть. На нем была громадная меховая шуба, и сам он – щедушный, остроносый – терялся в ней. Мелкие глазенки испуганно блестели из-под шапки.

– У тебя куриные мозги, – сказал Бакли человечку. – Знаешь, почему? Давеча на станции мы искали следы одного пассажира. Всем станционным предлагали десять золотых за сведения, и ты купился. А монетки-то были простой наживкой. Ничего ты не понял, лопух.

Бакли сделал паузу, и Шестой снова ударил человека со станции.

– О-оой...

– Мы думали так: на станции должен быть парень из протекции. Тайная стража точно ведет учет, кто приехал и кто убыл. Но как вычислить этого парня? А вот как. Майор Бэкфилд сбежал, верхушка протекции распалась, новую не поставили. Значит, вас, шептунов, никто не кормит. А значит, вы теперь падки до денег.

– Будто раньше не были падки, – Шестой врезал человечка по уху так, что шапка улетела в снег.

– Потом мы порасспросили о тебе у коллег. И ничегошеньки не узнали, кроме того, что твое любимое местечко – «Свинья и гусь». А теперь осталось кое-что проверить...

Бакли сунул руки ему под шубу, пошарил, вытащил кошель. Высыпав монеты на ладонь, пересчитал.

– Все наши десять эфесов тут. Стало быть, с начальником станции не поделился, а значит, работаешь не на него, а прямиком на главу протекции. Ты-то нам и нужен, жадный осел.

– Сучья кишка, – Шестой, привстав, обрушил на него кулак.

– Ну-ну, хватит, – Бакли покачал головой. – Не переусердствуй, а то остатки мозгов выбьешь.

– Что вам нужно?.. – выдохнул человечек со станции.

– Польза, конечно. Что ж еще, кроме пользы! Когда мы спросили про этого пассажира, ты ушел, а потом вернулся со сведениями. Вот и принеси нам ту учетную книгу, с которой сверялся.

– Что?..

– Ты, тварь, оглох?! – взревел Шестой.

– Книгу, – повторил Бакли, кривясь. – Книгу учета. Ты ж не в голове все держишь. Кто и когда прибыл на вокзал Фаунтерры, куда направился потом. Ты вел учет для Бэкфилда, а его больше нет. Продай книгу нам.

– Продать?..

– Ну все, ты меня разозлил.

Шестой выхватил нож и прижал к подбородку человечка.

– Ц-ц-ц, – одернул его Бакли. – Спокойнее. Так вот, козлик, ты продашь нам книгу. Прямо сейчас. Цена – сто золотых эфесов.

– Д... д... двести, – прошипел человек со станции, сглотнув слюну от страха.

– Каков, а? – фыркнул Бакли и несильно ткнул человечка в нос. – Вот жадный козлик, видали такого?!

Ткнул еще раз. Человечек шморгнул, сглотнул кровь и сопли.

– С...сто восемьдесят.

– Сто сорок, – сказал Бакли.

– Д...деньги вперед.

– Не держи нас за ослов. Двадцать вперед, остальные – за книгу.

– Ладно.

– На вокзал, я так понимаю?

Человечек в шубе кивнул. Бакли дернул извозчика за плечо:

– Эй, мил человек! Планы сменились: вези на вокзал.

Книга представляла собою, на самом деле, шесть книг: по одной за каждый месяц, начиная с июля. Человечек со станции принес тома в мешке. Он пропадал часа два. Уже совсем стемнело, Бакли с Шестым утомились ждать в привокзальной церквушке. Шестой то и дело подхватывался со скамьи, громко рыскал от алтаря ко входу и назад к алтарю. Кто-то из прихожан сделал было замечание:

– Молодой человек, уважайте...

– Чего тебе, сучий потрох?! Сиди тихо и не лезь!

Старик умолк и спрятался в плечи. Когда явился человечек со станции, Шестой вырвал мешок из его рук, оттолкнул его, перебросил книги Бакли. Тот пролистал и удовлетворенно кивнул. Учет велся как надо. Указаны были имена и даты прибытия, исходная станция и направление, куда пассажир подался потом. Также вписано и то, чем был примечателен данный пассажир и почему удостоился внесения в книгу: «Видный дворянин», «Трое здоровяков – верно, воины», «Повздорил с охраной», «Сильно переплатил за билет», «Имел дорогой меч», «Вез собаку неясной породы»... Было даже такое: «Выйдя с вокзала, раздал одежду бродягам».

– Ты что же, сам это все отследил? – удивился Бакли.

– Есть еще трое на жаловании...

– И ты продаешь ваш общий труд? Ай-ай, как нехорошо.

– Они сбежали вместе с Бэкфилдом.

– А ты остался? Ждал, значит, случая продать книженцию? Жалко было бросить теплое место?

– Ну... э... ммм...

– Думал, северяне тебе заплатят за этот реестр?

– Вы не хуже северян, – человечек несмело покосился на Шестого.

– Это чертовская правда. Ты попал в самую точку, козлик. Мы намного лучше.

Бакли протянул мешочек, набитый золотыми. Служитель станции схватил, оценил на вес и шустро выскочил из церкви. Был – и уже нету.

– Идем, браток, – сказал Бакли Шестому. – Хватит беспокоить прихожан.

Они вышли на улицу. Вечер покусывал за щеки хрустким морозцем. Вокзал светился цветными огнями, трепыхались флаги. Извозчики переругивались за место поближе к дверям станции. Полдюжины привокзальных гостиниц, как могли, тянули к себе внимание приезжих: плакатами и вымпелами, яркими фонарями, ветровыми трещетками, жестяными коронами. Притопывая на месте, орали зазывалы: «Гостям коронации – чистые комнаты!.. Согрейтесь с

дороги! Пассажирам пунш за счет гостиницы!.. Постоялый двор «Минерва» – лучший у вокзала!..»

– Коронация, – Шестой плюнул на снег. – Ненавижу это дерьмо.

Бакли смотрел вслед человечку со станции. Тот прошел мимо лучшей привокзальной «Минервы», оглянулся через плечо, юркнул в проулок. Бакли сказал:

– Давай, Шестой, принеси пользу.

– Его?.. Сейчас?!

– Нет,ждемся, пока северяне возьмут его и спросят!.. Сейчас, Шестой, сейчас.

– Сучья работа...

Верзила снова плюнул и пошел, ускоряя шаг, к тому самому проулку. Вернулся через каких-нибудь десять минут, сунул Бакли кошель с деньгами. Судя по весу, все сто сорок эфесов были здесь.

– Хорошо, – сказал Бакли. – Молодчик.

– Сучья работа, – ответил Шестой.

* * *

«Чтобы быть полезным, нужно иметь желание и умение», – так говорит их хозяин. С этой точки зрения, Шестой явно полезен: он знает свое дело и всегда, без перерывов, испытывает желание.

– Сыграем?..

Шестой рыскал по гостиничной комнатухе и мусолил колоду в здоровенных ладонях.

– Сыграем, а?

– Не мешай, дружок, – отмахнулся Бакли. – Видишь же: я занят.

– Что ты там ищешь?

Бакли водил пальцем по строкам учетной книги.

– Имена. Что еще тут можно найти?

– Какие имена?

Кривясь от его тупости, Бакли поднял глаза:

– Имена людей, Шестой. Двух полезных и одной мелкой шавки.

– Каких еще людей?

Бакли вздохнул. Шестой – дубина. Приходится объяснять то, что и ребенок понял бы.

– Вот ты, братец, не любишь коронацию, а зря. Важные люди изо всех земель съедутся на нее. Важные и полезные. Мне нужны двое из них.

– И как ты поймешь, кто полезный, а кто нет? – Шестой глянул через его плечо в книгу и нахмурился. – Тут же... тьфу... конь копыто сломит!

Бакли терпеливо ответил:

– Все просто, дружок. Эти двое не так мелки, чтобы быть бессильными, но и не так заметны, чтобы попасть под надзор северян. Они уехали к себе по домам, когда в столице стало страшно, но недавно вернулись, чтобы поспеть на коронацию. И еще, я знаю, из каких они земель. Достаточно примет, а?

– У... Ну, так ты ищи быстрее. А потом сыграем!

Вскоре Бакли нашел одно имя. Довольный собою, сел за карты и в течение часа выиграл у Шестого горку монет. Шестому пришлось крепко порыться по карманам и вытащить на свет все запасы. Десять агаток – вот все, что осталось у него к полуночи.

– Сыграем еще, – потребовал он.

– Сыграем, но завтра, братец мой любезный. Сегодня тебе уж больно не везет, а завтра, глядишь, удача переменится. Я ведь о тебе забочусь. Ты мне – как родной!

Бакли похлопал верзилу по плечу и отправился спать.

* * *

«Бакли знает подход к любому», – так говорит хозяин. Но, на самом деле, подходов только два: сверху или снизу. Нужно лишь правильно выбрать.

Вот привратник: с кирпичной рожой стоит на крыльце, гадливо зыркает сверху вниз на визитеров. Он – мелкая дрянь, к таким всегда нужно подходить сверху, поставив сапог на его загривок. Уберешь ногу с его шеи – сам окажешься под сапогом. Или одно, или другое – вот весь выбор.

Бакли неторопливо взошел на крыльцо. Привратник загородил ему путь:

– Кто такой? Куда лезешь?

Бакли ткнул ему пальцем в живот и чуток нажал, отодвигая привратника с дороги: красном ногте, чтобы не запачкаться.

– Поди-ка прочь, мил человек. Мы к аббату Феррайну.

Привратник насупил брови, набычился, сдвинув шапку на лоб:

– Кто такой, спрашиваю?

– Ты, видно, совсем ничего не понял... – Бакли брезгливо отвернулся от привратника и махнул Шестому: – Принеси пользу, дружок.

Как-то так вышло – ни Бакли, ни привратник не успели заметить, как именно... Но спустя вдох страж дверей пялился на свой палец, а тот сучковато торчал в сторону и быстро опухал. Бакли взял сломанный палец и плавно выкрутил. Из глаз привратника брызнули слезы.

– Я же тебе сказал, мил человек: мы к аббату Феррайну. Что тебе неясно, а? Беги к своему хозяину и скажи: тот, кто верит в святую Софью, пришел исповедаться.

Сверху или снизу – важно правильно выбрать.

Седой сухой дед с круглой проплешиной на темени сидел в кресле из черного дерева, постукивал пальцами по подлокотнику. Сидел себе, постукивал, глядел из-под бровей. Однако сразу – по твердой осанке деда, резной маске морщин, упертой неподвижности зрачков – Бакли понял, что выбрать.

– Желаю крепчайшего здоровья вашему преподобию! Великодушно прошу простить за беспокойство, которое вам причиняю.

Короткими шажками Бакли подбежал к деду, на ходу уменьшаясь в росте. Встал на колено, наклонил голову. Аббат вяло протянул руку с перстнем, Бакли поцеловал громадный красный камень.

– Кто таков?.. – голос аббата Феррайна был скрипучим, но ровным.

– Я – Бакли, ваше преподобие. Могер Бакли.

– Какого сословия?

– Нижайше прошу простить, ваше преподобие, но важен ли ответ на сей вопрос? Поймите верно: я не имею секретов от вашего преподобия и с радостью скажу, к какому сословию отношусь. Но только я к вам не по делу сословия, и даже не по личному.

– Ты сказал привратнику, что хочешь исповедаться.

– Дело вот какое, ваше преподобие... Всю жизнь я поклонялся святой Софье Величавой, и всегда чувствовал ее опекающую длань на моем плече. Но недавно – в ноябре – кое-что переминалось и бросило мою душу в пучины тревоги. Святая Софья отвернулась от меня. Всякий раз, как пытался молиться, я получал от нее знак: обратись к Светлой Агате. И чем истовой были мои мольбы, тем жестче звучал ответ: ступай к Светлой Агате, лишь она поможет тебе!

Аббат Феррайн, что прежде слушал его с глубокой скукой, при последних словах шевельнулся.

– Что за знаки были тебе явлены?

– Разные знаки, ваше преподобие. Прежде всего, мирские.

Бакли поднял голову, повел взглядом вокруг себя, печально поджал губы. Мол, скверные дела творятся в мире, ваше преподобие сами понимают.

– Поднимись, – велел аббат. – Сядь вон туда и скажи ясно: Софья Величая послала тебя к Светлой Агате?

Бакли сел, смущенно пожал плечами:

– Ваше преподобие, вы говорите так, будто Софья – лорд, а я – ее вассал. Не послала она меня, это будет неверное высказывание, но дала знак, что лишь Агата может помочь.

– Которая Агата? Северная или центральная?

– Центральная Агата, ваше преподобие. Оттого я и пришел к вам.

Аббат Феррайн не служил ни Агате, ни Софье. Он принадлежал к Церкви Праотцов и числился служителем святого Вильгельма. Однако не усмотрел никакого противоречия в словах Бакли.

– Ты поступил верно, придя ко мне. Я вознесу мольбы, чтобы Агата тебя услышала. В чем твоя просьба?

– Не о себе прошу, – с поклоном сказал Бакли, – а о своей святой покровительнице. Душевная боль от ссоры с Агатой разрывает ей сердце. Нежная душа Софьи истекает кровью... Я молю Агату быть чуткой к ее страданиям!

Глаза Бакли заблестели от слез, губы задрожали.

– Ты молишь центральную Агату? – уточнил аббат Феррайн.

– Да, ваше преподобие! Только она и может излечить хворь несчастной Софьи!..

– Софья захворала, это верно, – проскрипел аббат.

– И столь тяжко захворала, что ничто не радует ее! – Бакли всхлипнул. – Даже три миллиона золотых не купят лекарства от этого недуга; даже четыре тысячи всадников не същут нужного зелья!

Аббат Феррайн повел бровью, помолчал какое-то время.

– Ты прав, сын мой: ни деньги, ни люди не помогут святой Софье. Тут требуется иное...

– Быть может, говор? – предположил Бакли.

– Говор?..

– Я слышал, ваше преподобие, от некоторых хворей помогает целебный заговор. Зовете на помощь правильных людей, образуете круг, беретесь за руки, вместе произносите нужные слова...

Аббат нахмурился:

– Нет, и говор тут не будет уместен.

– Быть может, на помощь древних духов... Духов степей, ваше преподобие? Не будет ли это греховной ересью?

– Имея средство, не употребить его во спасение, – вот что будет ересью. Но духи степей опасны. Выпустив их на волю, как потом загнать обратно во тьму? Сторонись их, сын мой.

– Так что же делать, ваше преподобие?! – вздохнул Бакли, ломая руки. – Как помочь?..

– Время – вот лучший целитель. Ныне зима – час холода и тьмы. Но скоро весна ее сменит. Весною расцветет жизнь, морозы откатятся на север, крестьяне выйдут в поля... Люди исполнятся верою, и святое слово окрепнет, обретет силу. Вот тогда, пожалуй, одной молитвы будет довольно.

– Полагаете?.. – голос Бакли дрогнул от трепетной надежды.

– Да, сын мой. Верь.

– И если Софья исцелится весною, то центральная Агата...

– ...заклучит ее в сестринские объятия, полные радости.

– Не знаю, как благодарить ваше преподобие!

Бакли упал на колени и покрыл поцелуями не только перстень, но и всю сухую стариковскую ладонь. Аббат брезгливо отнял руку.

– Ступай, сын мой. Ступай.

Выйдя на улицу, Бакли протер губы и трижды с омерзением сплюнул. Процедил сквозь зубы:

– Старый хрен.

Шестой спросил его:

– Что скажешь? Есть польза от аббата?

– Самодовольная задница, как и все святоши. Кусок нахального дерьма. Только рыцари хуже.

Бакли перевел дух. От потока ругательств стало веселее – слетела мерзкая маска раболепия. Бакли стряхнул ее, дрожа всем телом. Хлопнул Шестого по плечу:

– Но все же, братец, малая польза есть. А малая – лучше никакой, верно?

– Угу. Теперь сыграем?

– Отчего нет?

Они пошли в таверну, и Бакли облегчил карман Шестого еще на десяток монет. Последних, что у него были. Когда Шестой понял, что лишился всего, то сказал только:

– Сучья жизнь.

Бакли бросил ему агатку – одну из выигранных:

– Держи, друг любезный, купи себе поесть.

А сам поднялся в комнату и нашел в книгах второе имя: Айра-Медея.

* * *

К бабам нужно подходить сверху. Это надежное правило. Всякая баба любит дерзость и хамство. Даже такая дорогущая, как вот эта.

Она сидит полулежа на горе подушек, вся такая блестящая: платье искристого шелка, золотая брошь в роскошных волосах, на плечах накидка с лисьей оторочкой. В глубоком вырезе белеют полушария груди, бархатистые и сочные, как персики. Ноги лежат на подушке – специальной подушке для ног! Голые щиколотки, высеченные из мрамора... Бакли сразу проникся к ней ядовитой ненавистью.

– Здравствуй, красавица, – он подошел вразвалочку, небрежно оттолкнул ногой подушку. – Как мне тебя звать, чтобы было тебе приятно? Белокровная госпожа?..

При последних словах он нахально подмигнул. Айра-Медея не выдала никакой эмоции.

– Я давно живу в столице и привыкла к вашим порядкам. Зовите, как вам удобно: сударыней, например.

– Ай!.. Какая же ты сударыня, а? Что за чушь! Северные тощие гримзы пускай будут сударынями! А тебя стану звать... – он повел бровью вверх-вниз и жадно сверкнул зрачком, – красавица!

– Как вам угодно, – степенно кивнула Айра-Медея. – Присаживайтесь, славный.

Он еще постоял, пожирая ее глазами, и лишь после долгой паузы уселся. Сам налил себе чаю, не дожидаясь слуги, и звучно, с чавканьем, хлебнул.

– Аххх, хорошшо!

– Что привело вас ко мне, славный?..

– Звать меня Могер, красавица. Могер Бакли. И в Южном Пути, откуда я родом, это имя всем известно.

– Охотно верю.

В редких тщательно запудренных морщинках на лице женщины читался ее возраст – четыре десятка. А в безмятежном выжидающем спокойствии ощущался громадный опыт – опыт дипломата или торговца, или тот и другой вместе. Айра-Медея не тратила сил и времени на традиционное южное славословие, на болтовню вокруг да около. С видом искреннего радушия она ждала.

– Вижу, красавица, тебе не терпится узнать: зачем же пожаловал господин Могер Бакли? Ну, беды не будет, если ты еще помучаешься, а я просто погляжу на тебя. Такую сладкую штучку не каждый день увидишь. Ох, не каждый!

Он выдержал паузу, представляя себе, как ставит на колени эту самую Айру-Медею, берет в руку хлыст и охаживает ее по спине и заднице, превращая кожу в один громадный синяк. Приятное зрелище. Бакли улыбнулся, облизнул губы.

Южанка молчала.

– Ладно, давай к делу, раз уж ты так настаиваешь. Я хочу купить у тебя кое-что.

– Мне жаль, славный Бакли, но вас ввели в заблуждение. Уже шесть лет, как я ушла от славного ремесла и не занимаюсь торговлей.

– Да?.. – он изобразил удивление. – А чем же занимаешься?

Она улыбнулась в ответ.

– Если желаете купить что-то из принадлежащего мне, я позову своего управителя. Он теперь заведует такими делами.

Айра-Медея потянулась к колокольчику. Несколько поспешно – на секунду раньше, чем следовало бы. Эта секунда выдала, сколь глубоко Бакли неприятен южанке. Вот и отлично, – сказал он себе, – защита сломана, теперь нападаем.

– Ты не поняла меня. По-твоему, я пришел сюда поговорить с управителем? Я проделал триста миль в снег и мороз, чтобы поторговаться с каким-то дерьмовым управителем?! Я пришел делать дело, красавица. Только с тобой. Так что положи свой колокольчик и продай мне товар.

Она помедлила. Не дрогнула ни одна черточка ее холеного лица, но Бакли знал: Айра-Медея колеблется, вышвырнуть ли его к чертям или выслушать. После паузы она отложила колокольчик. Как все бабы!.. – презрительно подумал Бакли.

– Какой товар нужен славному?

– Очи. Хочу купить искровые очи.

– Для оружия, надо полагать?

– Ну ясно, что не для сортира!

– Какое именно оружие нужно оснастить? Копье? Шпагу? Кинжал?

– Всякое и разное. Я хочу, красавица, вооружить отряд.

Айра-Медея удостоила его слабой, чуть заметной улыбки.

– Похвальное желание, славный.

Она подняла рукав платья и сняла браслет. Сплетенный из тончайшей золотой проволоки, он весь пестрел алыми камнями разного размера. Очи. Больше дюжины очей. Эта старая грудастая сука носила на руке целое состояние.

– Как вы, конечно, знаете, очи делятся на классы в зависимости от их размера, формы и качества огранки. – Айра-Медея положила браслет перед гостем и деревянной шпажкой для фруктов указала на один из небольших камней. – Этот класс зовется «лилией». Он – самый мелкий из тех, что используются в оружейном деле. «Лилиями» оснащаются кинжалы и парадные шпаги. Разряд «лилии» способен нанести вред только при вхождении клинка в тело, и даже в этом случае не убьет, а лишь оглушит противника и собьет с ног. «Лилия» – оружие благородного и великодушного человека, любящего красоту поединка, а не жестокость.

Бакли только скривился и качнул головой.

– Следующий класс – «роза». Очень широко применяется в производстве искровых мечей и боевых шпаг. «Роза» невелика размером, но очень эффективна благодаря кубической форме и совершенной огранке. Разряд такого ока, войдя в тело на уровне сердца или выше, наверняка приведет к смерти, а войдя ниже сердца – причинит резкую боль и, вероятно, лишит сознания. Обратите внимание: «роза» мала, это делает ее подлинной находкой для легких видов оружия. В гарде самой изящной шпаги можно разместить до трех «роз». Или взгляните на это...

Айра-Медея повела рукой, и в ее ладони возникла фарфоровая трубочка с маленькой крестовидной медной рукоятью.

– Компактный самострел – прекрасная вещь для леди в трудное время. Прячется в рукаве, снабжается стрелкой, на острие которой – око класса «роза». Никак не портит наряда, легко сочетается с самым различным платьем, в одну секунду может устранить опасность, грозящую даме. Определяя направление выстрела, леди может выбрать: лишить наглеца жизни или только сознания. Согласитесь, это удобно.

Белокровная Айра-Медея подняла трубочку на уровень лица Бакли, затем опустила к его животу. Цепочка мурашек пробежала по спине. Бакли терпеть не мог оружия, особенно – нацеленного на него.

– Самострел, конечно, разряжен, – улыбнулась Айра-Медея и передала устройство гостю.

Бакли отбросил самострел.

– Это не по мне, красавица. Дай то, что нужно мужчине. Настоящему мужчине, ты понимаешь меня?!

Крупный камень блеснул меж ее белых пальцев – будто застывший сгусток пламени.

– Класс «хризантема» – клык искровой пехоты его... простите, ее величества. Применяется в длинных копьях. Разряд в грудь лошади способен остановить ее сердце. Касание к рыцарской кольчуге, даже без проникновения в тело, расплавит кольца проволоки, оставит сильный ожог и парализует воина. Разряд с наконечника копья, проникшего в тело, неминуемо приведет к смерти. В битве при Пикси «хризантемы» имперских солдат убили шесть тысяч мятежников и обратили в бегство все северное войско. Такие очи вам нужны, славный?

– Внушает уважение, – сказал Бакли, рассматривая камень. Большой, хороший. Бакли любил большие вещи. – Но вот это око, соседнее, выглядит еще крупнее. Какого оно класса?

– Это – «кипарис», славный. Сечение в половину дюйма, призматическая огранка. Крайне эффективен против тяжелых доспешных воинов. Работает, в основном, на обжигающее действие. При касании к стальной кирасе мгновенно будут расплавлены все пряжки и крепления, а также кожа под ними. При касании к шлему сгорят волосы латника и обуглится кожа на голове. Никакой доспех не защищает от «кипариса». Однако он очень сложен в применении: требуется особое копьё и отточенные навыки бойца, иначе велик риск неудачным движением убить самого себя.

– Как это?..

– Заряд «кипариса» столь велик, что разряжается не только при касании, но и при поднесении клинка к проводнику: железу или коже. Приблизь руку к заряженному «кипарису» – он разрядится молнией, и ты лишишься руки. Потому в имперской искровой пехоте лишь каждый десятый воин, из числа самых опытных, вооружается такими очами. Их назначение – проламывать латный строй противника. Вам, славный, в вашей личной домашней охране, вряд ли понадобится подобное оружие.

– А вы знаток своего дела, – выронил Бакли и ощутил сильное желание назвать Айру-Медею госпожой. За что тут же озлился на нее еще больше. – И что ты, красавица, посоветуешь для моей личной гвардии?

– Для начала советую вооружить небольшой отряд – например, святую дюжину, семнадцать человек. Это даст бойцам время освоиться с новым оружием, а вам – проверить их на

лояльность. К тому же, для личных нужд большее число столь сильных воинов и не требуется. Святой дюжине понадобится шестнадцать копий с тремя «хризантемами», шестнадцать легких клинков – тридцать две «розы», и офицерская шпага – еще три-четыре розы. Также два малых самострела – в подарок вашей жене и дочери по случаю коронации ее величества. Я порекомендую оружейника, готового исполнить заказ. Камни, оплаченные вами, будут доставлены прямо к нему. Они обойдутся в...

Бакли взмахом руки остановил ее речь. Из блюда с южными фруктами, стоящего перед хозяйкой дома, взял виноградинку.

– Святая дюжина... Ты, красавица, не за того меня принимаешь. Я – Могер Бакли, разве не ясно?

Он бросил ягоду в рот, а из блюда взял персик.

– Что могут семнадцать человек, скажи мне? Это – не число. Вот, скажем, рота...

Бакли подбросил персик на руке, будто пробуя его вес. Надкусил.

Тонкая бровь Айры-Медеи двинулась вверх.

– Вы пришли ко мне, славный, чтобы купить вооружение для целой роты? Это очень...

– Очень мало, красотка. Очень мало.

Бакли бросил огрызок персика назад в блюдо, утер губы рукавом, взял апельсин. Покрутил в руке, перекинул из ладони в ладонь. Взял еще один.

Айра-Медея качнула головой:

– Если вы достаточно богаты, чтобы купить столько очей, то обязаны знать, по какой причине я не могу их вам продать.

Она протянула Бакли краснобокий персик:

– Угощайтесь, славный.

– Ты до сих пор не уловила, красавица.

Он взял с блюда еще апельсин, и еще. Поймал момент, когда глаза южанки сверкнули пониманием. Четыре апельсина. И в зрачках женщины полыхает огонь: яркий, ненасытный – алчность. Вот так-то! Почувствуй желание, сука! Стань полезной!

Бакли придвинул к себе целое блюдо.

– Я так голоден, красавица. Проглотил бы все!

Айра-Медея ошалелым взглядом ласкала блюдо. Видно было: она считает фрукты. Десять, пятнадцать, двадцать... Протянула руку, тронула один, оставила... Но вот южанка моргнула пару раз, и огонь пропал, она овладела собой.

– Мне следует поговорить со своим поставщиком фруктов.

– Конечно, сладкая. Поговори, поговори.

– И потребуются гарантии, что вы владеете тем, что обещаете.

Бакли протянул южанке вексель. Дал время прочесть сумму и название банка.

– Деньги класса «большие» – самое эффективное средство против живой силы противника.

Он сгреб ладонью браслет с очами и компактный самострел, поднялся на ноги.

– Приятно было поболтать с тобой. Еще увидимся.

* * *

Слежку они заметили на Купеческом спуске. То есть, заметил Бакли, а Шестой пялился в небо. С Дворцового острова взмывали шутихи и рассыпались искрами над Престольной цитаделью. Все прохожие задирали головы, глазели на фейерверк, кто-то даже несмело покрикивал: «Слава Янмэй!..» Шпион сделал ошибку: не смотрел вверх, как все, а под шумок решил подкрасться поближе. Вот Бакли его и приметил.

Взял Шестого за локоть, повел по спуску. Шестой бурчал про долбанные праздники и сучьи коронации. Бакли втоптал его в двери искровой мастерской.

– Слава императрице, хозяин!.. – крикнул Бакли и получил в ответ:

– Да черт ее знает... может, и слава...

Хозяин вышел, встал за прилавок: косматый и смурной, с усталыми злыми глазами. Бывший солдат, – понял Бакли. Этим сволочей он не любил, хотя и меньше, чем рыцарей.

– Чего вам, парни?

– Зарядить бы очи, служивый.

– Показывай.

Бакли выложил на прилавок самострел. Хозяин выщелкнул стрелу, вынул камушек из крепления на ее острие.

– Это не все, – сказал Бакли и протянул хозяину «кипарис».

– Дрянная штука, – сказал бывший солдат и пожевал губу. – На кой вам этот душегубец?

– Вставь в стрелу вместо «розочки».

– Не встанет, – буркнул хозяин, кажется, с облегчением. – Камень большой, не ляжет в ствол самострела. Забери.

И оттолкнул раскрытую ладонь Бакли с «кипарисом». Тогда Бакли протянул вторую ладонь, пять золотых сверкали на ней.

– А ты возьми стрелку подлиннее, служивый. Пускай камень торчит из ствола, не беда.

– Ты совсем дурак? Его нельзя так носить. Коснешься камнем своей же руки или ноги...

– Не коснись, не бойся. Заряжай.

Бывший солдат был из этих, странных – тех, кто не хочет денег. Смотрел с отвращением на «кипарис» и на золото. Так смотрел, будто предложили ему съесть коровью лепешку. Беспольный человечиска, – подумал Бакли. Но вдруг солдат схватил деньги и швырнул в стол. Было ясно: не для себя берет, а кому-то. Сыну, сестре, вдове друга – черт его поймет.

– Давай.

Отнял у Бакли «кипарис» и ушел вглубь мастерской. Там что-то зашаркало, закрипело, защелкало... Вернувшись, принес самострел, из ствола которого на три дюйма торчала стрела с пылающим оком. Солдат держал оружие как ядовитую змею – на вытянутой руке.

– Возьми. Держи так, к себе не приближай. Убьешься – не моя беда.

– Не надейся, сучонок, – сказал Бакли тихо, чтобы солдат не расслышал.

Они вышли на спуск, и Бакли отыскал взглядом бывшего шпиона. Мужичонка стоял на той стороне улицы – как бы скучал, как бы разглядывал колбасную лавку.

– Принеси-ка пользу, братишка, – Бакли указал Шестому на шпиона, а затем – на узкий темный переулок.

Спустя две минуты мужичонка извивался, прижатый к стене чьего-то сарая, а Шестой отбивал ему внутренности.

– Простите... – блеял шпион и охал, когда кулак врезался в живот. – Ох. Пощадите... ох!

– Скажи, чей ты, тогда пощадим. Кто тебя послал? Северяне? Аббат? Айра-Медея?

– А?.. Кто?.. Ох!.. Пощадите, добрые люди! Умоляю!..

– Ладно, – буркнул Бакли, – плевать, кто послал. Отпусти его, Шестой.

Верзила отступил на шаг, и шпион некоторое время молча дышал, тупо хлопал глазами, не веря в спасение. Потом расплылся в щенячьей улыбке и бросился бежать. Бакли поднял самострел и пальнул бегущему в спину.

Когда тело перестало дергаться, он подошел поглядеть. Разряд спалил одежду и кожу меж лопаток шпиона, обуглил мышцы. На спине мертвеца чернел огромный смрадный ожог, в центре которого торчало оперение стрелы. Сам «кипарис» вплавился так глубоко в ткани тела, что даже не был виден.

– Южная сука не лгала, – кивнул Бакли. – «Кипарис» – мощная штука. Ну-ка, братец, вытащи его и почисти.

Шестой похлопал глазами:

– Порыться в трупе и вытащить око?

– Оно стоит двести эфесов! Предлагаешь оставить похоронщику? Давай, дружок, принеси пользу.

– Сучья работа, – пробурчал Шестой и склонился над телом.

Вечером в таверне Шестой принес камень Бакли. Но не отдал, а лишь показал и сунул в карман.

– Ты чего это?

– Он не твой, а хозяина. Вот хозяину его и отдам.

– Не мой?

– Не твой. Ты купил его на хозяйские деньги.

Бакли озверел: безмозглая дубина – а туда же, умничает!

– Я – рука хозяина, сучий ты хвост! Я – его доверенный, я – его спаситель! Я тащу хозяина из болота!

– Ты только тратишь деньги и командуешь. А сучьи дела делаю я. Вся грязь мне, а деньги – тебе. Это что, справедливо?

– У меня есть мозги, вот и команду! Понимаешь или нет? Хотя где тебе понять, тупому мордовороту!

В следующий миг Бакли оторвался от земли и завис, хрипя. Ладонь Шестого сжимала ему горло. Бакли ловил воздух ртом, пытаясь вдохнуть. Шестой положил ему на язык камень, что час назад был в теле мертвеца.

– Кто тупой мордоворот? Я?

– Нет, нет...

– Я тупой? Я тебе эту дрянь в глотку затолкаю! Я тупой?! Я?!!

– Нет, прости, братец, ну прости...

Шестой швырнул его на пол, Бакли кое-как поднялся на четвереньки, закашлялся.

– Прости меня, дружок... кха-кха-кха... ну, слетело с языка, сглупил... кха-кха... работа видишь какая нервная... Я и осерчал, а на тебе сорвался... Дурак я... Ну ты же знаешь, как тебя люблю. Всегда же о тебе забочусь, родной мой!.. Кха-кха-кха... Прости, брат!

– Ладно, – Шестой отошел от него, сел, бросил на стол «кипарис». – Давай сыграем.

– У тебя же денег нет.

– Я одолжу у хозяина. Вот этот камушек. Говоришь, он стоит двести?

Бакли сел напротив.

– Ты же проиграешь, парень. И будешь должен хозяину двести золотых. Как вернешь, а?

– Это мое дело, Бакли. Играешь или нет?

Сверху или снизу. Плевать на голову или ползать на четвереньках – вот выбор. Иногда приходится то, иногда другое. Но никого не презираешь сильнее, чем тех, перед кем только что стоял на коленях.

– Играю. Я раздену тебя, дружок. И посмотрим, что скажешь хозяину. Как без меня выкрутишься – посмотрим.

Он взял колоду, перетасовал. Шестой не возражал, лишь слушал, как карты шуршат друг о друга. Бакли швырнул ему две и две взял себе. Раскрыл – два короля. Гарантированная победа. Все равно, что получить деньги по векселю.

– Так что, дружище, какова ставка? – насмешка сочилась ядом. – Цельный камушек? Двести эфесов?

– Двести.

– Доберешь карту?

– Нет.

– Ну, тогда наслаждайся, браток.

Бакли бросил на стол своих двух королей. Шестой потер подбородок, хмыкнул. Издал странный звук – не то смешок, не то всхлип. И раскрыл карты: король и туз.

– Твою... – Бакли потер глаза, не желая им верить. – Твою Праматерь!.. Так не бывает!..

– Деньги на стол, сучий хвост! – рявкнул Шестой.

Бакли бросил мешочек монет. Шестой сунул его за пазуху, а камень щелчком отправил в руку напарнику.

– Еще сыграем? – спросил Бакли.

– Нет. С меня хватит.

– Что?..

– Я ухожу, вот что. Хватит с меня этой дряни.

– Эй!.. Братец, постой, постой!.. Ты что, из-за трупа озлился? Ну хочешь, следующего мертвеца я обыщу! Хочешь? Так честно будет...

– Спать на мертвеца. Это ты мне надоел, а не трупы. Твоя чванливость и ложь. Ты мне: братец да дружок, а сам держишь меня за дерьмо. Думал, не вижу? Все я вижу! Одно дело делаем, но ты будто лорд, а я будто быдло. Осточертело. Я ухожу.

– А как же я?.. Куда я без тебя?..

– Плевать.

– И что хозяину скажу?.. Он же спросит о тебе!

– Вот и скажешь, почему я ушел. Бакли ко всем знает подход, ага? Вот и расскажешь ему, как ты со мной поладил!

Сверху или снизу... Иногда приходится снизу. Даже часто, если разобраться. Полезное умение, нужно им владеть...

Бакли умоляюще глянул на Шестого.

– Прошу тебя, не делай так. Как человек прошу... Хочешь уйти – ладно, иди. Я же тебе добра желаю, если хочешь – так иди. Но хоть злобу не уноси в сердце! Да, я зазнался, было дело... но при том всегда тебе хотел добра! Прости меня, дурачину... Такой вот я – маленький человек, слабый... Но ты же сильный, можешь меня простить! Не уходи по злому, давай выпьем мировую напоследок!

– Баба, – презрительно буркнул Шестой.

– А если и баба, так что?.. Не всем быть воинами. Не всем боги дали сил, как тебе. Тут пожалеть бы человека, что он слаб, а не презирать!.. Не моя в том вина, понимаешь?

– Ладно, – скривился Шестой, – наливай мировую. Выпью, потом пойду.

Бакли вынул из багажа ту самую бутылку. Откупорил, налил. Поднес кубок ко рту, сделал вид, будто пьет, шумно глотнул воздуха. Шестой выпил взаправду.

Спустя минуту агония кончилась, маска боли и удивления застыла на лице трупа. Бакли пнул бывшего напарника, чтобы убедиться в смерти... или просто для удовольствия.

– Сверху или снизу, дружок. Твое место снизу, а мое – сверху. Ты дурак, что не понял этого.

* * *

Злой сырой ветер гулял над городом Грейс. Восточное море плевалось холодом на материк. Бакли кутался в шубу и плед, зябко выглядывая из окна экипажа. Могильно-серые дома, неприветливые оконца, забранные ставнями, толпы воинов на улицах. Рыцари... Эти рыцари и этот жалкий город, и огрызок побережья – вот все, что осталось во владении хозяина Бакли. Почти все. Еще – четыре миллиона эфесов, вывезенных из Лабелина. Два золотых галеона,

стоящих в бухте под охраной десятков боевых кораблей. Бакли даже разглядел их, когда улица перегнулась через холм, и между крыш мелькнул лоскут моря. Там, на свинцовой воде, темнели два могучих силуэта с костлявыми мачтами без парусов. А вокруг россыпь других – уменьшенных подобий. Четыре миллиона эфесов. Пока ты хочешь – ты полезен. О, в эту минуту Бакли чувствовал себя очень полезным!

Дворец маркизов Грейсенд охраняла рыцарская рота. Капитан сделал вид, что не узнал Бакли, и заставил ждать четверть часа на ветру, пока из дворца не вышел секретарь хозяина.

– Отчего вас так долго не было? Хозяин заждался!

– Я спешил, как мог.

– Неделю хозяин откладывал совещание, дожидаясь вас, но сегодня таки начал его. Вы едва успели.

– Ну, слава богам.

Когда секретарь ввел его в кабинет хозяина, там находились шестеро.

Маркиз Уиндли – лорд, лишившийся земли. Его городом, его землями, его флотом теперь правит кто-то из северной своры, пока сам Уиндли с горстью людей и кораблей сидит здесь.

Барон Хьюго Деррил – железный кулак хозяина, жестокий несгибаемый вояка. Прославленный в трех боях: в одном намял бока медведям Нортвуда, а из двух других крайне успешно бежал. Это он привел с собой тех рыцарей, что теперь заполняют Грейс.

Маркиз и маркиза Грейсенд – двое славных дворян, породивших на свет круглую дуру. Это они владеют Грейсом и принимают у себя всех остальных.

Леди Магда – дочь хозяина. Толстая, уродливая, в сумерках не отличишь от свиньи. В свои двадцать пять все еще не замужем, что и не диво. Но в ее голове, покрытой жиром и прыщами, определенно имеются мозги.

И, наконец, сам хозяин: великий герцог Морис Лабелин. Повелитель трети Южного Пути, сюзерен горстки безземельных вассалов и войска трусливых рыцарей. Владелец четырех миллионов золотых монет.

Когда Бакли вошел в кабинет, говорил барон Деррил:

– Милорд, я не вижу иного пути, кроме атаки. В Дойле, Уиндли, Солтауне, Эльфорте стоят по две жалких роты северян, в Лабелине – один батальон. За нами четыре тысячи всадников. Мы вышибем мятежников из всех городов и вернем наши земли. Рельсы разрушены. Ориджину понадобится месяц, чтобы вернуть из Фаунтерры главные силы. За это время мы...

– Обделаемся со страху, – сказала леди Магда, чем вызвала у Бакли усмешку. – Когда Ориджин шел к нам в прошлый раз, именно этим мы и занимались. Точнее – вы.

Барон, стиснув зубы, проглотил обиду. Вместо него ответил маркиз Уиндли:

– Шпионы доносят, что на Севере не все гладко. Граф Флеминг с батальоном кайров восстал против Ориджина и держит побережье Моря Льдов. Мы можем сомкнуться с ним и общими силами пойти на Первую Зиму. Что запоем чертов мятежник, когда мы сожжем его столицу?!

– Вы не сожжете Первую Зиму, господи, – сказала леди Магда. – Вы упретесь лбом в ее стены, а ваша задница будет торчать на юг. Ориджин сядет на своего вороного, прискачет в Кристальные Горы и трахнет вас в эту самую задницу. А потом – его конь. А потом – все десять тысяч его кайров вместе с их конями.

– Доченька, – сказал герцог. Не разобрать было, стыдит он леди Магду или хвалит.

– Милорд, я прошу вас отнестись серьезно... – начал барон Деррил.

– К чему? – перебила леди Магда. – К вашим идиотским планам или полководческой бездарности? О, второе действительно серьезно!

– Дочь! – рыкнул герцог резко, но с долей похвалы. – Барон, мы достаточно бились с Ориджином, мне хватило. Я готов купить кого угодно: вассалов Ориджина, кайров, греев, его

коня, его матушку, кузенов, шлюх – да хоть весь чертов Север! Но сражаться с Ориджином я больше не стану.

– Милорд, посмею напомнить: мы пробовали купить вассалов Ориджина. Потеряли сто тысяч золотых и пять агентов, но так ничего и не добились. Подлый Стэтхем...

Леди Магда хохотнула:

– Взял у вас сто тысяч, но остался верен сюзерену? Естественно! Чего еще вы ждали! Я сделала бы так же на его месте. Все любят деньги, но и все хотят быть на сильной стороне. Пока Ориджин побеждал, никто не предал бы его. Нужно быть круглым дураком.

– Дочь, – одернул ее герцог, теперь с обидою, ведь это он заговорил о подкупе. – Маркиз Грейсенд, что вы посоветуете?

– Нам нужен Запад, милорд. Орда Степного Огня понесла потери, но все еще сильна. На его пути стоит литлендская крепость Мелоранж. Мы можем стовориться с кочевниками: мы поможем им, они – нам. Шаваны не умеют штурмовать замки – мы научим. А когда Мелоранж падет, перебросим всю орду к Фаунтерре.

– Хрм, – скептически хрюкнула леди Магда.

– Враг моего врага – мой друг... – сказал герцог. – А как прикажете потом делить власть со Степным Огнем? Если вдруг он возьмет Фаунтерру, то напялит корону на свою больную голову. Это, по-вашему, лучше Ориджина с его куклой?

– Шаваны не возьмут Фаунтерру, но изрядно потрепят кайров. Тогда Ориджин станет сговорчивей...

– А что думаешь ты, Могер Бакли? – спросила леди Магда.

– Х-ха! – герцог обернулся и тоже увидел его. – Мой верный, верный пес! Мой самый полезный человечек! Иди-ка сюда, расскажи, с чем прибыл.

Он вышел вперед, низко поклонился хозяину, улыбнулся его свиноподобной дочке. Поклонившись барону и маркизам, Бакли сказал:

– Я поговорил с двумя нужными людьми, ваша светлость. Один из Альмеры, другая из Шиммери.

– И?... – герцог хлопнул в ладоши, поторапливая. – И что же? Выкладывай скорей!

– Ваша светлость очень мудры, что послали меня именно к этим двум людям. Альмера и Шиммери – самые перспективные союзники.

– Альмера поможет нам?! Пошлет войска против столицы?! – леди Магда хохотнула. – Ты такой шутник, Бакли.

– Вы, как всегда, зрите в корень, миледи. Альмера не пойдет в бой. Не поможет ни деньгами, ни людьми, и участвовать в каких-либо заговорах тоже не намерена. – Бакли воздел палец и добавил веско: – Пока что. Однако, ваша светлость, Альмера занята тем, что упрочивает свою власть, окутывается сетью агентов-святош, заручается верностью всех лордов и рыцарей. К весне святое слово окрепнет, – так сказал аббат Феррайн. Ваша светлость понимают: это значит, что весной Галлард Альмера станет готов к активным действиям.

– Пф!.. – фыркнул Уиндли. – Станет или не станет – еще по...

– Цыц, – рывкнул герцог. – Что еще об Альмере?

– Альмера уже ведет переговоры с шаванами.

– Как?! Аббат признался тебе в этом?

– Нет. Но я, ваша светлость, намекнул ему: не договориться ли, мол, святой Софии с богами Запада? На что аббат ответил: никоим образом. Из чего следует: Альмера сама ведет эти переговоры и не желает помех. Можете поверить, к весне орда встанет на сторону Галларда – то есть, против столицы.

– Неплохо, – буркнул герцог.

– Отлично, папенька, – леди Магда облизнулась. – Просто отлично! Ведь шаваны никогда и ни за что не замиряются с кайрами! Это значит, если Галлард подружится с ними, то шаваны вынудят его идти против Ориджина!

– Магда, я похож на идиота?

– Нет, папенька.

– Почему ты говоришь так, будто я – он?

– Прости, папенька.

– Бакли, что ты скажешь о Шиммери?

– Я беседовал, ваша светлость, с южной торговкой по имени Айра-Медея. Извольте видеть, она – кузина славного Айры-Меркура, одного из шиммерийского Совета Пяти, который контролирует добычу очей...

– Бакли, я не позволил этого дочери, а тебе подавно. Прекрати разжевывать, говори кратко!

– Совет Пяти ищет сбыта искровым очам, ваша светлость. До смерти Адриана между Шиммери и Короной действовал договор. Согласно ему, шиммерийцы сбывали львиную долю очей императорской армии, и только крохи могли продавать на сторону.

– Не более десяти процентов, – подсказала леди Магда.

– Благодарствую, прекрасная леди! Таким образом, император удерживал монополию на самое эффективное оружие в мире. Но теперь имперская армия разбита и не нуждается в очах. Ориджин также не нуждается: если даже он захочет вооружить кайров искрой, то использует тысячи трофейных копий, захваченных при Лабелине. Кроме того, казна Ориджина и его венценосной куклы практически пуста...

– Три миллиона триста тысяч расходных статей при двух миллионах годового дохода, – вернула леди Магда.

– У вас точнейшие источники, премудрая леди. Итак, ваша светлость, королевство Шиммери очень встревожено потерей прибыли. Они ищут новых покупателей, и так старательно, что Айра-Медея лично повела со мной переговоры, едва я заикнулся об очах.

– И до чего же вы договорились?

– Шиммерийцы готовы разорвать контракт с Короной, если мы закупим искрового оружия на четыре полка. Но на складах у них есть много, много больше! Надо полагать, в прошлые годы оставались излишки, которые не требовались Короне. Сейчас Шиммери имеет в запасе не меньше пятидесяти тысяч очей! Полное вооружение для пятнадцати искровых полков, ваша светлость!

– Как ты узнал об этом? – спросила леди Магда.

– Язык фруктов, миледи. Я обучу вас ему.

– Пятьдесят тысяч очей!.. – вскричал барон Деррил, не сдержавшись. – Больше, чем было у Алексиса при Пикси! Мы вооружимся ими и...

– Да, барон, – кивнул герцог.

– Когда прикажете отправиться в Шиммери, милорд?

– Немедленно, барон, сегодня же. Приступайте к подготовке.

– Слушаюсь, милорд.

– Маркиз Уиндли, маркиз Грейсенд, окажите помощь барону. Ваши флотилии также понадобятся для защиты груза.

– Да, милорд.

Спустя несколько минут дворяне покинули кабинет, сверкая глазами от возбуждения. Остались лишь герцог с дочкой, секретарь и Бакли.

Леди Магда дождалась, пока шаги затихли в коридоре, и спросила:

– Нет же, папенька?

– Конечно, нет, дочка.

– Ни в коем случае, прекрасная леди, – ввернул Бакли, хотя его никто не спрашивал.

– Мы не станем вооружаться очами, – сказал герцог Морис Лабелин. – Мы не хотим, чтобы кайры открыли на нас охоту. Мы выкупим у шиммерийцев оптом весь запас очей, а потом распродадим по дешевке.

– Западнякам, – сказала леди Магда.

– Монахам Альмеры, – добавил Бакли.

– Бандитам, пиратам, столичному отребью! – вскричал герцог. – Всеми миру, тьма сожри! Всякий, кто не любит северян, получит в руки дешевое и мощное оружие!

– Вот такое, – вставил Бакли и протянул леди Магде компактный самострел. – Я привез вам подарок, великолепнейшая герцогиня.

Он показал, как действует устройство. Леди Магда расхохоталась:

– О, да, папенька! Какие к чертям кайры, если у каждого бандита в Фаунтерре, у каждого шавана в степи будет такое!

– Мы потеряем на этом больше миллиона золотом... – хмуро сказал герцог, но тут же рассмеялся, согнав тень с лица. – Зато с кайрами будет покончено навсегда. Они не погибнут, с ними случится нечто намного худшее. Они...

– Устареют!.. – воскликнула леди Магда. – Мастерство мечника, труд кузнеца, воинские традиции, доблесть – все это утратит цену, как плешивая овчина. На кой оно нужно, если каждый крестьянин сможет убить рыцаря, просто нацелив эту штуку?!

Дочь герцога вскинула самострел и дернула скобу. Стрелка ударила в рыцарский доспех, стоявший у стены. Мигнула вспышка, грохотнул разряд. Пряжки расплавились, нагрудник обрушился на пол.

– Простите, миледи, это око класса «хризантема», – сказал Бакли, низко кланяясь. – Там стояло более сильное – «кипарис», но я убрал его, чтобы не подвергать риску вашу бесценную жизнь.

– Более сильное?! Х-ха!

Герцог о чем-то задумался, потирая подбородки.

– А ведь это уничтожит не только кайров. Если мы выбросим в продажу пятьдесят тысяч очей, устареют не северяне, а все рыцарство. Мы увидим мир, в котором рыцарей больше не будет.

На минуту повисла тишина, а потом Магда хохотнула:

– Туда им и дорога! Рыцари не спасли нас, когда пришли северяне. Пусть убираются на Звезду. Деньги и те, кто их имеет, – вот кто должен править миром!

– Ты права, дочка, – кивнул герцог одобрительно, хотя и с тенью сомнения.

– Мы построим мир без рыцарей, прекрасная леди! – воскликнул Бакли. – Понятный и эффективный мир, замешанный на деньгах. Мы поведем прогресс вперед, как хотел покойный владыка Адриан. Мы покончим с феодализмом!

Тут он заметил, что и герцог, и дочка внимательно глядят на него. Кажется, Бакли увлекся.

– Мы построим?.. – спросила леди Магда с упором на местоимение.

– Простите, прекрасная герцогиня. Вы, а не мы. Я не смею стоять в одном ряду с вами.

– А что будешь делать ты, Бакли?

– Помогать вам, премудрая леди. Приносить пользу, ведь для того и нужны слуги.

– И почему ты станешь это делать?

– Потому, что хочу денег, великолепная. Много денег.

– Отлично, пес. Хорошо служишь. Будет тебе косточка.

Пухлой рукой леди Магда встрепала его волосы.

– Ладно, ладно, – прервал герцог Морис, – остался еще вопрос. Бакли, что ты узнал об этом подлом торгаше?

– О Хармоне Пауле, ваша светлость, я разузнал самое главное. Вот в этой книге, – Бакли извлек на свет учетный том со станции, – значит, куда именно он подался!

– И куда же?!

– Папенька, зачем он вам?

– Как – зачем?.. – герцог чуть не поперхнулся. – Он украл мою Светлую Сферу! Мою! Светлую! Сферу!.. Заменял дерьмовой подделкой!..

– Не такой уж дерьмовой, – отметила леди Магда. – Подделка – шедевр искусства... Папенька, зачем вы ищете пса, когда нужен хозяин? Мы прекрасно понимаем, что за Хармоном стоит Виттор Шейланд.

– Вот тут ты ошибаешься, дочь. Виттор послал Хармона продать Сферу. Если бы он сразу выдал ему подделку, то Хармон бы сразу и продал ее, верно? Однако этот шельмец-торгаш куда-то пропал на неделю перед сделкой с нами. Потом лгал, дескать, его выкрали и пытали. Так вот, в эту самую неделю он и подменил Сферу. А значит, был в сговоре не с Шейландом, но с кем-то совсем иным.

– А я бы начала с Шейланда, папенька... Шепнуть бы Северной Принцессе пару слов о том, откуда муженек берет деньги. Она возжелает увидеть Сферу, чтобы убедиться. Шейланд или покажет Сферу женошке, или нет. В первом случае мы точно будем знать, что это он оставил себе подлинник, а нам скормил фальшивку. Во втором случае, если Сферы у него не окажется, – хотя бы поссорим его с Ориджином. И то приятно.

Герцог поморщился:

– Дочка, в тебе есть разум, но, прости, мыслит он не всегда в нужную сторону. Учись направлять его куда следует. Торгаш сбежал из Южного Пути? Сбежал. А какого черта он бы сбежал, если бы не стоял за фальшивкой? Чего ему бояться, будь он чист?!

Морис Лабелин ткнул пухлым пальцем в грудь Бакли:

– Итак. Где Хармон Паула?

– На юге, ваша светлость.

– Конкретнее?

– В Лаэме, королевство Шиммери.

– Как ты узнал?

– В этой книге, ваша светлость, имя Хармона не упоминается. Но отмечен странный тип, который трижды, проезжая через Фаунтерру, раздал одежду привокзальным нищим, а себе купил новую. Поскольку время событий совпало с подделкой Сферы, то я предположил...

– Ага, ага. И дальше?

– В последний раз этот неизвестный купил билет до Маренго. Я тоже поехал в Маренго и пошел в морской порт. Подумал так, ваша светлость: Хармон имел с собой деньги, и он купец. Вероятно, он бы...

– Боги! Что с вами двумя! Как же вы любите разжевывать и класть в рот кашу!! Да, Хармон – купец при деньгах, да, он не поплыл бы на Юг порожняком, закупил бы товара. Да, ему нужно было нанять корабль. Я понимаю это не хуже твоего!

– Простите, ваша светлость.

– И ты нашел это судно?

– Да, ваша светлость. По счастью оно как раз стояло в Маренго, и я поговорил с капитаном. Торгаш назвался славным Хорамом и зафрахтовал судно до Лаэма. Там, в Лаэме, не составит труда отыскать его: Хармон так отличился, что весь город его запомнил.

– Это как же?

– Он купил на торгах самую дешевую и скверную рабыню, какую только нашел. А потом, ей в подарок, купил небесный корабль.

– Что купил?

– Небесный корабль, ваша светлость.

– Что за штука?!

– Ну, вроде как шар, в котором горячий воздух. Он, якобы, взлетает вверх и может поднять человека.

– Серьезно? Поднимает человека прямо в небо?!

– Не тебя, папенька, – подмигнула леди Магда. – С тобой он не справится.

Тучный герцог уставился на дочку... и вдруг расхохотался, потрясая щеками.

– Это точно! Ха-ха-ха. Но и тебя тоже не поднимет. Ха-ха-ха-ха! Даже не мечтай, дочурка!

Теперь засмеялась и свинка Магда. Отец и дочь на пару тряслись от хохота, Бакли скромно улыбался, боясь позволить себе большее.

– Ладно, – сказал герцог, отдышавшись и утерев слезы с глаз, – теперь о деле. Ты, дочка, поплывешь в Шиммери.

– Я, папенька?

– Шиммерийцы любят женщин – ты женщина. Для дела нужен ум – у тебя он есть. И я должен доверять своему послу, а два миллиона золотых я доверю только тебе. Сам же тем временем отправлюсь в Фаунтерру, где стану изображать побитого щенка, выклянчивать милости у ее, так сказать, величества и понемножечку интриговать против Ориджина. Короче, делать все, чтобы Ориджин не пронюхал о нашей задумке.

– Кто будет со мною в Шиммери?

– Барон Деррил и маркиз Уиндли с сотней кораблей и тысячей воинов. Нет, с полутора тысячами. Но никому из солдафонов не давай говорить – у них языки дубовые. Когда дойдет до беседы, говори сама, либо дай говорить Бакли. Он тоже будет с тобой.

– Благодарю за доверие, ваша светлость!

– Бакли, твоя первая задача – найти этого Хорама... тьфу, Хармона, и вернуть мне Сферу. Если тебе понадобятся воины – возьмишь их у Магды. Если Магде понадобится твой быстрый язык или твой нюх – она воспользуется тем и другим. Все ясно?

– Да, ваша светлость. Разрешите мне еще раз от всей души поблагодарить...

– Ага, ага. Я понял, хватит. И еще. С тобой был один головорез, как там его звали?..

– Шестой.

– Шестой?

– Такое его прозвище, ваша светлость.

– И куда он подевался?

– Он хотел уйти.

– Хотел уйти?

– Да, ваша светлость.

– Со всем, что знает?

– Да, ваша светлость.

Морис Лабелин снова рассмеялся:

– Хотел уйти, а?.. Ха-ха-ха! Вот шутник!.. Ну, ничего, Бакли, возьмишь себе Седьмого.

– Да, ваша светлость.

– А теперь довольно болтовни. Собирайтесь!

* * *

Портовый город Грейс понемногу таял в дымке. Два человека на корме флагманского судна «Величаявая» провожали город взглядами: уродливая толстая женщина в дорогом плаще и низкорослый мужчина с маленькими, сдвинутыми к переносице глазками. Мужчина, казалось, не находил себе места – переминался с ноги на ногу, прерывисто дышал, то выпрямлялся, то опирался на поручень локтями. Присмотревшись к нему внимательно, можно было понять:

он теряет покой от близости толстухи. Искося поглядывая на нее, он изо всех пытался уловить ее настроение, будто оно имело для мужчины крайнюю важность. То и дело облизывая губы и нервно сглатывая, мужчина словно бы собирался с духом, чтобы сказать нечто.

– Надеюсь, в Шиммери жарко, – сказала толстуха.

Ее слова странным образом придали мужчине решимости, и он, наконец, раскрыл рот:

– Прекрасная леди Магда, я хотел сказать о том, как меня переполняет радость от соседства с вами. Мысль, что я буду вашим спутником в этом путешествии, делает меня счастливейшим из...

– Ты любишь мою задницу? – спросила леди Магда.

– Простите, ваша светлость?..

– Отойди на два шага назад и посмотри внимательно на мою задницу. Ну!

Он вынужденно повиновался. Зад герцогской дочки был огромен и бесформен, словно две сгнившие тыквы. Вероятно, его сплошь покрывали прыщи, как и все остальные участки кожи миледи.

– И как, она тебе по нраву? – осведомилась леди Магда. – Если нет, то прекрати лизать ее, черт возьми!

– Ваша светлость, я ничего такого не имел в виду...

– Все эти «прекрасная», «великолепная», «радость от соседства»... Я знаю, какая я. Оставь свое вранье для безмозглых курей.

– Ваша светлость, простите меня, но я совершенно искренне...

– И «вашу светлость» засунь туда же, куда «прекрасную леди»! Я тебе не светлость! Папенька – светлость, за ним будет мой старший брат, а я – вряд ли.

Сконфуженный Бакли покраснел и не нашелся с ответом. Его глупый вид развеселил леди Магду:

– Хи-хи, какой ты потешный! Отними у щенка право подлизываться, и он не будет знать, что делать. Ладно, Бакли, если так уж хочешь лизать – лижи. Но делай это правильно. Говори то, что мне действительно будет приятно.

– Вы так умны, миледи!

– Угу, я это знаю. Придумай что-то поинтереснее.

– Меня восхищает прямота, с которой вы указали этим маркизам и баронам на их ошибки.

– Тогда почему ты такой скользкий, если любишь прямоту? Нет, Бакли, комплименты – не твоя стихия. Скажи то, что меня порадует, или помолчи.

– Ладно, миледи, порадуя вас, – сказал Бакли снисходительно, подражая ее собственному тону. – Я знаю, как сберечь миллион эфесов.

– Повтори-ка.

– Нам дали два миллиона золотых, чтобы купить у шиммерийцев очи, а затем распродать по дешевке. Добрый миллион мы потеряем на этой затее: купим дорого, продадим дешево. Так вот, я знаю, как его сберечь.

– И как же?

– Я скажу вам, миледи... Но не сейчас.

– Это еще почему?!

– Во-первых, миледи, вам будет интересно самой поразмыслить об этом и найти способ. Во-вторых, я хочу как следует обдумать все детали, чтобы не попасть впросак. И в-третьих, самое главное. Если скажу сейчас все сразу, то вы спросите: отчего не сказал об этом на берегу, вашему папеньке?

– И отчего же не сказал?

– Тогда он дал бы вам лишь один миллион, не два.

– То есть, ты украл для меня миллион золотых у моего же отца?

– Ни в коем случае, миледи. Я свято верю в родственные чувства и убежден, что вы отдадите деньги отцу, едва мы вернемся в Южный Путь.

Кривая ухмылка леди Магды отразила понимание:

– Но вернемся мы через добрых полгода. А за полгода человек с умом и миллионом золотых может сделать очень многое. Ты об этом, Бакли?

Он ответил поклоном.

– Вероятно, у тебя есть и мысль, во что вложить эти деньги?

Он многозначительно улыбнулся.

– Чего ты хочешь для себя?

– Крохотную долю прибыли... и счастья быть рядом с вами, прекрасная леди.

Дочь герцога усмехнулась:

– Вот теперь вышло уместно. Ладно, буду прекрасной, уговорил!

А Бакли подумал в который уже раз: как хорошо, что ты не умеешь читать мысли, жирная свинья. Если бы умела, то знала: под крохотной долей прибыли я понимаю все сто процентов. А также два миллиона золота, что сейчас лежат в трюмах, и все очи, которые мы купим. И ты будешь мне полезна, толстозадая. Дашь мне все, чего хочу, ведь ты заглотила крючок. Откуда я знаю? Просто: мы все еще плывем на юг, а не возвращаемся в Грейс.

И, умей ты читать мысли, знала бы еще одно. Сильней всего презираешь тех, перед кем ползаешь на коленях.

Кукла на троне

Спутники – 1

Окрестности Мелоранжа (герцогство Литленд)

– Лысый хвост, а не деревня, – сказал ганта Бирай.

Он даже не сходил с коня – знал, что на поживу нечего надеяться. Сидел на спине гнедого, жевал корень кислицы. Глядел, как его люди ходят с факелами от избы к избе.

– Обычная деревня, – ответил Неймир.

– Не хуже остальных, – прибавила Чара.

И то верно. Прошлые деревни ничем не отличались: дюжина глиняных мазанок, крытых соломой. Ни скота, ни зерна; серебра и золота – подавно. Люди ушли в джунгли, забрав все, что чего-нибудь стоило. Правда, в этой вот деревне осталась горстка стариков. Тупые или наивные, или жить устали – кто их разберет. Обшарив погреба и зверея от скудости добычи, шаваны Бирая сожгли деревню. Ползунов убили, вспороли животы, отрубили ступни – все, как велел вождь.

– Грязные обезьяны, – ганта Бирай сплюнул на труп крестьянина.

– Обычные литлендцы, – ответил Неймир.

– Везде такие, – кивнула Чара.

– Ни козы, ни лошади... Ни крошки хлеба! Чем только жили эти ползуны?

– Держали скот, а теперь угнали в джунгли, – пожал плечами Неймир. – Сам знаешь, ганта: нужно в джунгли идти.

– Я знаю?.. – Бирай пожевал корень, по бороде стекли бурые капли слюны. – Надо убираться отсюда, вот что я знаю. Мы ничего не находим в этих долбанных деревнях. А жрать-то хочется.

Он все жевал. От вида чужих работающих челюстей у Нея сводило желудок.

– И еще, чего доброго, в засаду влетим. Возвращаться надо, вот что.

– Ганта, Степной Огонь приказал...

– Я знаю, что он приказал! – взревел ганта Бирай. – Не тебе меня учить! Сам решу, что делать, а ты молчи!

Ней умолк. Не то, чтобы испугался, просто спорить смысла не было. Дерьмово все вышло. Это видели Неймир и Чара, и ганта Бирай тоже. О чем спорить, если каждый сам все видит ясно?

Пять степных деревень – без крохи добычи. В остальных селениях – тех, что в степи, – будет так же. А джунгли, что темнеют на горизонте, – это гибель для шавана. В той чаще под каждым кустом, на каждой ветке, в каждом чертовом дупле может сидеть ползун-литлендец с луком и отравленными стрелами. Сунуться туда – себе дороже. Даже Чара с Неймиром не пошли бы в джунгли без веской причины. А они из лучших всадников орды, куда там ганте Бираю.

– Чего стоите, парочка? – прикрикнул на них Бирай, будто услышал, что о нем думают. – Возьмите трупы, унесите из деревни. Сказано: ползунов скормить шакалам. Так и заберите, чтобы не сгорели.

Неймир пожал плечами и взял мертвеца за обрубки ног, Чара – под руки. Когда отошли на дюжину шагов, Чара сказала:

– Плохо, что Бирай стоит над нами.

– Да, – согласился Неймир.

– Плохо ездить с чужим ганом.

– Да.

А что еще сказать? Опять же, всем все ясно. До битвы у Бирая был ган в сорок всадников. После битвы осталось тринадцать – мало для рейдового отряда. Чтобы послать в рейд, нужно усилить кем-то. Чара с Неймиром вдвоем считались за семерых воинов, вот их и передали в помощь Бираю. С ними выходило как бы двадцать всадников – достаточно для дела.

– Не ешь то, что жрет шакал. Не езд с теми, кого не знаешь.

– Да, – снова согласился Неймир.

– Бросай уже эту пададь!..

Чара отшвырнула труп ползуна.

* * *

В следующей деревне они угодили в засаду. Хуторок стоял у склона холма, поросшего жидким леском. Но как бы ни был он редок, а дюжина всадников сможет подъехать незаметно. Потому ганта Бирай послал Чару с Неймиром в лесок – если что, предупредить об опасности. То была ошибка: опасность крылась в самой деревне.

На вершине холма Чара услышала звон тетивы. Дернула Неймира, выбежали на открытую поляну, вместе глянули вниз. Бирай галопом скакал прочь из деревни, за ним – его шаваны. Уже девять, не тринадцать. За их спинами выбегали из хижин лучники, а из хлева выезжали рыцари в кольчугах. Первый, пятый, десятый... Летучий отряд – месть литлендцев за рейды.

Лучники спустили тетивы, и двое шаванов повалились в пыль. Остальные свернули, прикрывшись хижинкой от стрел. Ганта гикал и нещадно стегал коня. Шаваны гнали галопом. Рыцари преследовали их, быстро набирая ход.

Неймир вложил пальцы в рот и свистнул. Ганта Бирай услышал его, понял намек, повернул на холм, к леску. Чара спешила, выбрала позицию, сорвала с плеча лук, воткнула стрелы в землю перед собой. Ней прикинул путь, по которому пройдет погоня, и отъехал в сторону, укрывшись за кустами.

Когда люди Бирая проскакали мимо, Чара бросила им:

– Мы задержим, вы обойдите. Закройте капкан.

Она даже не глянула на них, только услышала, как бухают копыта и хрипят кони, задыхаясь от скачки в гору. Продышали мимо нее, пропали за спиной, утихли. Первый рыцарь погони въехал на склон, за ним другие. Сбавили ход, поднимаясь. Поравнялись с укрытием Неймира.

Чара спустила тетиву. Стрела еще летела, как лучница уже схватила следующую. Наложил на тетиву, выпустила, схватила новую. Новую. Новую. Чара дышала в ритме быстрого бега и на каждом выдохе пускала стрелу. Вдох – натянуть тетиву, выдох – спустить. Вдох – натянуть... Полвзгляда, чтобы поймать цель и выстрелить. Тут же найти новую цель, забыв о прошлой. Каждая стрела попадет – Чара знала это. Не каждая убьет – это тоже знала. Чертовы рыцари, чертовы кольчуги. Но убить и не обязательно, главное – смешать, напугать, сбить с толку. Задержать.

В гущу растерянного отряда сбоку влетел Неймир. С налету рубанул одного, другого вышиб из седла, третьего опрокинул ударом конской груди. Рыцари опешили под градом стрел и натиском меча. Рвануть вперед и зарубить лучницу мешал Неймир, а всей толпой задавить Неймира – значит, сунуться под стрелы. Они замешкались, укрываясь щитами. Чара слала стрелу на каждом выдохе и ждала: вот сейчас им в спину пойдет Бирай. Одна атака – и конец рыцарькам, доскакались. Выдох. А нам – добыча. Кольчуги, клинки. Выдох. И еда. Главное – еда! Не голодными же скачут! Выдох. Имеют с собой жратву. Не как мы!.. Выдох. Выдох. Ну, где же шаваны Бирая? Выдох. Когда уже?!..

Неймир уложил двоих рыцарей, под третьим убил коня. Но спасло его не мастерство, а бешеная прыть Чары, да еще голод, что придавал ей злобы. Рыцари Литленда не подумали, что такой град стрел обрушила на них одна всего лишь лучница. Они решили: отряд, засада. Да еще остальные шаваны вот-вот развернутся и обойдут с тылу. Опасно. Потеряв шесть человек и получив десяток ран, рыцари откатились с холма. Чара с Неймиром не стали дожидаться, пока они вернутся с отрядом лучников из деревни. Наспех обыскали трупы, взяли еду из седельных сумок, собрали стрелы. Эти воины были не ползунами, а всадниками, как Ней и Чара. Стоило бы сказать над ними: «Тирья тон тирья», и сжечь тела. Но времени осталось только на то, чтобы прыгнуть в седла и ускакать.

Когда опасная роща осталась позади, они, не сговариваясь, принялись жевать. Отличный вышел рейд! Добыли припасов как раз на двоих...

Ганту Бирая они больше не увидели. Тот дезертировал вместе с остатками своего гана. Чара и Неймир не говорили о нем. Что говорить, когда все ясно?..

* * *

Дело стало дрянью после Мелоранжа.

Прежде было хорошо, даже слишком. За одну осень – половина Литленда под копытами. Семь разграбленных городов, три добрых победы в полях. Полно еды, горы трофеев – каких угодно: оружия, серебра, одежды, людей. Потеря – всего ничего.

А еще была идея. Непривычная штука: воевать не только ради добычи, но – за саму свободу. За вольный Запад, за извечные права, за честные старые законы. За правду. За победу, от которой всем станет лучше: и нам, и родным, и детям. Неймир помнил, как крепко спал тогда каждую ночь.

Надо отдать должное: Моран Степной Огонь был тем, кто повел их в поход. Это он сумел собрать орду, он взял переправы через священный Холливел, он трижды нашел способ разбить литлендцев. Он вел всадников вперед так быстро, что герцоги Малой Земли просто не успевали сколотить большую армию. И это Моран научил шаванов верить в идею, заразил их своею жаждой свободы, своей ненавистью к владыке-тирану и литлендским шакалам. Тогда каждый всадник обожал его, как родного отца.

Но потом был Мелоранж. Степной Огонь снова швырнул всадников в битву, будто копьё в сердце врага, только в этот раз поспешность стала губительной. Император и шиммерийский принц Гектор поймали шаванов в ловушку. Четверть орды упала в пыль, еще четверть изнемогала от ран. Адриан и Гектор отрезали орду от лагеря, и она лишилась всех припасов, трофеев и невольников. Ее отбросили в степь – ту самую, в которой шаваны, наступая, выжгли и выели все подчистую.

Вот тогда стало плохо.

Тогда всадники начали спать на сырой земле, жевать ремни и коренья. Издыхали раненые в бою лошади, и шаваны, радуясь, жарили конину. Кто бы поверил, что когда-нибудь шаван станет радоваться смерти своего коня!.. Потом дохлые лошади кончились. А люди продолжали умирать – большей частью от гнили, попавшей в кровь через раны. Выли, стонали, плакали навзрыд... Вой умирающих и смрад гнилого мяса висели тучей над лагерем. Орда разлагалась, как мертвец, которого из ненависти бросили не сожженным. Чара ничего не говорила об этом, и Ней тоже. Что говорить, если все ясно. Но ночами они держались за руки – кажется, вой от этого становился тише.

Все ждали, что Степной Огонь соберет шаванов и скажет слово. Мол, мы задали перцу литлендцам, и довольно. Пускай не взяли Мелоранж, но отстояли Пастушьи Луга, спалили семь городов. Теперь эти шакалы будут бояться, больше не тронут того, что наше по праву.

Все ждали приказа отступить. Моран Степной Огонь собрал шаванов и сказал слово, но совсем не то, какого ждали.

– Это война, – сказал Моран. – Я слышу нытье, жалобы, щенячий скулеж. Это война! Вы что думали, будет легко? Вы думали, герцог Литленд сам скинет штаны и нагнется, чтобы мы его трахнули?! А с ним и Адриан, и Гектор Шиммерийский?! Нет! У нас крепкие враги, и они не сдадутся. Но мы вытащим их из-за стен Мелоранжа, поймаем их, как недавно они поймали нас. Мы растопчем их, поставим на колени, смешаем с пылью. Только тогда вернемся домой, и не раньше. Во имя великой степи, так будет!

По рядам прошелся ропот – сперва удивленный, потом недовольный. Вперед вышли двое жокаков: ганта Джантей и ганта Барок. Оба из крупных: Джантей привел на войну триста всадников, Барок – четыреста.

– Моран, ты погорячился, – сказал Джантей. – Как мы будем воевать, если нет жратвы? И как победим, если нас стало на треть меньше?

– Мы шли вернуть Пастушьи Луга, и вернули, – сказал Барок. – А биться насмерть и падать в пыль лишь затем, чтобы ты заработал славу – на это мы не соглашались.

– Мы уходим, – сказал Джантей. – А ты, Моран, хочешь – иди с нами, хочешь – бейся дальше, но без нас.

Степной Огонь ответил им, широко улыбаясь:

– Мы на войне, всадники. А на войне все решает сила. И я говорю: вам не хватит силы утащить меня обратно за Холливел. Но мне хватит сил притащить вас в Мелоранж, и я это сделаю.

– Интересно, как же? – хохотнул Барок. – Мы не пойдем с тобой.

Если быть совсем точным, он успел сказать лишь: «Мы не пойдем ссссс...» И засвистел, булькая кровью, а «тобой» так и не выговорил, поскольку в шее его торчал нож Морана. Джантей отпрыгнул и выхватил меч, но в три удара Моран уложил и его. Потом отрубил головы обоим мертвецам, поднял их за волосы и крикнул шаванам:

– Клянусь, что приведу к победе всех вас! Пойдете сами – хорошо. А иначе придется мне вас нести.

Он потряс мертвыми головами.

... Той же ночью восстали шаваны Джантея и Барока. Правда, не все – многие побоялись. Но целая сотня шаванов Барока атаковала шатер Степного Огня. Была лютая сеча, и всадники Огня победили. А сотня шаванов Джантея попыталась бежать из лагеря, но всадники Степного Огня догнали их и расстреляли на скаку в чистом поле. И мятежников, и дезертиров – всех, кто не погиб в бою, – притащили в лагерь, раздели и повесили на деревьях, перебив кости рук и ног. Три дня орда смотрела, как они умирали от боли и жажды, а вороны клевали их лица.

Сейчас, когда Ней и Чара вернулись из рейда, мертвецов стало больше. Вокруг лагеря деревьев не хватало. Ради новых казней откуда-то притащили стволы, вкопали в землю, к ним гвоздями приколотили дезертиров. Прибавилось больше трех дюжин – целая роща тел. Человек шесть еще стонали.

Чара долго смотрела на них, и не понять было, о чем думала. Неймир снял с плеча лук, наложил стрелу.

– Не нужно, – удержала его Чара.

– Не по-людски это, – сказал Ней. – Так волки делают, а не люди.

– А дезертировать – по-людски? Бросить спутников, как Бирай бросил нас?

– Тоже нет, – признал Неймир и опустил лук.

Они двинулись дальше и теперь оба думали об одном: по-людски было бы отступить. Волки Севера бьются ради смерти, собаки императора – тоже. А люди Запада дерутся за добычу и свободу, но не затем, чтобы убить любой ценой. В том и разница меж людьми и волками.

Ганта Корт – вожак их гана – встретил парочку в просторном шатре. Радушно поднялся им навстречу, каждого хлопнул по плечу, потрепал короткие волосы Чары.

– Мои лучшие! Как я рад вас видеть!.. Садитесь, дайте отдых ногам.

Они уселись, отложив в сторону оружие.

– Ты разжился шатром, ганта? Когда бежали от Мелоранжа, ничего у нас не было.

– Конские шкуры, – осклабился Корт. – От мертвой лошади бывает прок. А еще вот, угощайтесь.

Он протянул раскрытую суму, полную полосок вяленого мяса. Ней жадно схватил и принялся жевать, Чара улыбнулась с набитым ртом.

– Удачный вышел рейд? – спросил Корт с таким видом, будто сам уже все понял. Да и как не понять: рейдеры, посланные за припасами, вернулись голодными.

– Бирай дезертировал, – сказал Неймир.

– Следовало ждать, – кивнул Корт. – Бирай – ослиный хвост.

– Ты послал нас с ним, зная, что он сбежит?! – окрысилась Чара.

– Кого-то надо было, так Огонь приказал. Послал бы других – они сбежали бы вместе с Бираем. А в вас я уверен.

Они молча жевали.

– Раз уж о Степном Огне... – сказал Корт, помедлив. – Как вам все это нравится?

Неймир хотел честно сказать: хвосты. В смысле – скверно все: и трупы на столбах, и голод, и пустые деревни. Засада литлендцев – тоже скверно: значит, осмелели они, больше не робеют перед нами... Это Ней хотел сказать, но вдруг почувал: сама эта беседа – тоже какая-то неладная. Корт – ганта, вожак. Причем умный вожак, да еще такой, которому Чара с Неем крепко задолжали. С чего бы ему спрашивать их мнения? Если Корт считает, что орде пришли хвосты, то сам бы так и сказал, а не спрашивал.

Так что Неймир ответил осторожно:

– Течет река...

– Скачет конь, – поддакнула Чара с набитым ртом.

Это значило: все на свете меняется, в том и жизнь – в переменах.

– Вот как!.. – Корт нахмурился. – Хорошо же нас река принесла, если шаван шавану ломает ноги, шаван шавана прибывает к столбу! Мы теперь – как волки Севера: все подохнем, но с поля не уйдем? Так выходит?

– Война, – пожал плечами Неймир. – Легко победа не дается.

– Угу, брат, я это уже слышал. От Морана. Ровно перед тем, как он снес головы двум своим спутникам.

– Они хотели уйти.

– А почему нет? – спросил Корт. – Мы – вольные всадники. Воюем, когда хотим, а не когда прикажет какой-то долбаный лорд. Мы шли биться за свободу, а стали рабами Степного Огня. Как так вышло, расскажете?

– Коню нужна узда, – сказал Неймир.

– А войску – сильная рука, – кивнула Чара.

– Кроме руки, еще ум требуется. Куда ведет нас Степной Огонь? Он обещал, что возьмет Мелоранж, – нас разбили и отшвырнули. Он послал рейдеров жечь деревни, чтобы выманить врага из-за стен, – это не дало толку. Все, чем Литленд дорожит, осталось в джунглях. Все большие города – Мейпл, Ливневый Лес, Мелководье – либо в джунглях, либо дальше, на берегу. Литлендцы ни за что не примут бой в степи: здесь им уже нечего терять. Я предвижу вот что. Моран так жаждет битвы, что поведет нас в джунгли. Там нас поймают в ловушку и перережут, как свиней. Вот куда принесет река.

Все трое помолчали. Потом Корт добавил:

– И что самое дерьмовое. Ладно бы за свободу, как он обещал... Но штука в том, что все это – из-за бабы. Морану сильно приглянулась одна литлендская девка. Он хотел взять Мелоранж и ее заодно. А не вышло. Теперь у нашего вождя, – Корт положил руку между ног, – стержень зудит. Ради вождевого члена все мы и сдохнем.

Неймир хмуро сказал:

– Ганта, к чему ты ведешь? Я вижу, что дело – хвосты, и Чара видит. И Моран во многом неправ, это мы тоже понимаем. Но ты – наш вожак. Хочешь приказать – прикажи. Хочешь нашего совета – спроси ясно. А то я никак не возьму в толк, куда ты клонишь.

Ганта Корт закрыл суму с вяленой кониной и убрал в сторону. Мол, прежде была застольная болтовня, а теперь – серьезно.

– Степной Огонь ищет людей для сложного дела: хочет отправить разведку к Литлендам. Велел каждому крупному ганте прислать к нему пару хороших воинов, а он выберет, кто лучше подойдет. Я знаю: он выберет вас. Для такого дела никого лучше не найти.

– Ты хочешь, ганта, чтобы мы пошли в разведку?

– Под хвост разведку! – рявкнул Корт с неожиданной яростью. Выдохнул и сказал очень тихо: – Вы задолжали мне, помните?

Вот тут Неймир понял, насколько все дрянь. Раньше были только забавки. Даже трупы на столбах – мелочи. Настоящее дерьмо начинается теперь.

– Мы помним, – выщедил Неймир.

– Помним, – шепнула Чара.

– Задание на разведку будет тайным, – сказал Корт. – Чтобы сообщить его, Моран позовет вас в свой шатер, поставит перед собою. Рядом будут только два его шавана, может, три. Верните, что задолжали. Убейте Морана Степного Огня.

Они переглянулись. У Нея высохло во рту, Чара облизала губы.

– Наверное, потом и вас убьют, – сказал Корт. – Но думаю так. Три весны назад я вам обоим спас жизнь. Если сегодня ляжете в пыль, то выйдет, что я каждому подарил по три года. Выгодно для вас.

Искра – 1

Фаунтерра, Дворцовый Остров

«Империя в ваших руках. Радуйтесь, ваше величество».

Как меняется смысл слов от их повторения? Становится ли глубже? Яснее?..

«Вы остановите гражданскую войну. Вас примет Север, как ставленницу Агаты. С вами смирится Центр, как с законной наследницей. Коронация принесет мир. Ваше величество должны короноваться».

Ваше величество должны... Что конкретно значат слова о долге? Какие действия за ними стоят?

* * *

«Покои вашего величества... Мы просим прощения: здесь прохладно. Искровые машины вышли из строя, а печи не топились из-за осады. Но скоро мы все исправим. Немного терпения, ваше величество...»

Могу ли я пожить в городе? В гостинице, например?..

«Простите, невозможно. Обе стороны примут это за конфликт с Агатой. Ваше величество должны понять...»

Конечно. Должна.

«Дворец вашего величества. Извольте видеть, он слегка поврежден при осаде.»

Я вижу. Нет половины окон, крыша проломлена, в коридорах лежит снег вперемешку с битым стеклом, комнаты смердят мертвечиной.

«Будьте спокойны, к коронации все предстанет в лучшем виде. Храните спокойствие, ваше величество!»

Храню спокойствие. Что еще мне хранить?

«Слуги вашего величества. Секретари, камердинеры, церемониймейстеры, телохранители, лакеи, горничные – всегда к услугам вашего величества!»

Где вы взяли эту свору? Тут полсотни человек, не меньше!

«Большая часть штатной прислуги с радостью вернулась во дворец, чтобы служить вашему величеству.»

Ориджин убил дюжину слуг, а остальных разогнал. Почему теперь они вернулись? Их притащили силком? Или просто пообещали еду?..

Да и что мне делать с этими людьми?

«Распоряжайтесь ими, как будет угодно вашему величеству».

Распоряжаться?.. Стаей в полсотни голов?! Я в жизни не командовала больше, чем парой человек!

«Ваше величество не должны волноваться. Эти люди вышколены многолетней службой. Они сами знают все, что нужно делать.»

А что делать мне? Не посоветуете ли?..

«Вашему величеству следует готовиться к коронации. Церемониал сложен...»

Если коронация принесет мир, почему нельзя просто взять и надеть корону на мою голову? Сегодня же!

«...церемониал сложен, но нужно соблюсти его с высочайшей точностью. Любая поспешность или небрежность будет воспринята как признак шаткости новой власти.»

Признаки правды?.. О, как прискорбно! Конечно, мы должны избежать этого.

«Однако не беспокойтесь: мы каждую минуту будем сопровождать ваше величество, помогая во всяком деле.»

Каждую минуту? Каждую?! Минуту?!!

«Вашему величеству требуется полный гардероб. Костюмеры уже приглашены...»

Я хочу узнать состояние дел в стране. Мне нужны министры, а не костюмеры!

«Ваше величество, просим понять: сейчас ничего нет важнее, чем скорейшая и успешная коронация. Она принесет мир и процветание. Будьте благоразумны и сосредоточьте все усилия на подготовке к ней.»

Я понимаю это, но хочу знать, что происходит в Империи. Могу ли увидеть министров?

«Министры бежали из Фаунтерры, напуганные возможным сражением. Но не беспокойтесь, прилагаются все усилия, чтобы восстановить государственный аппарат. В скором времени мы уведомим ваше величество обо всех делах... А пока будьте так великодушны – примите костюмеров! Вашему величеству нужно только немножко постоять и потерпеть, пока мы снимем мерки... Еще немножечко, ваше величество... И еще минуточку...»

Платья? Костюмеры? Тьма, не тратьте времени на эту чушь! Ступайте в особняк Нортвудов – там полно моих нарядов... Если голодные мещане еще не разграбили дом.

«Ваше величество никак не может появляться в тех же платьях, что и летом! Они слишком скромны для императрицы, к тому же, вы надевали их, нося имя Глории Нортвуд. Весь ваш гардероб обязательно будет обновлен! Покой и благополучие двора зависят от этого. Придворные дамы крайне чутки к нарядам, настроению, внешнему облику императрицы!»

Вы шутите? Какие дамы?! Дворец набит кайрами Ориджина и перепуганными слугами!

«Ваше величество видят, как важно восстановить мирное течение жизни. И дамы, и министры вернутся, когда коронация успешно свершится. Итак, вашему величеству требуется: шестнадцать повседневных нарядов, восемь официальных на разные случаи, четыре чайных, четыре для занятий спортом, также утренние, вечерние, ночные, прогулочные, танцевальные... Общим счетом шестьдесят четыре комплекта. Лучшие мастерские Фаунтерры в кратчайшие сроки...»

Шестьдесят четыре?! Кто платит за это?

«Ваше величество не должны беспокоиться. Казна государства несет все расходы.»

О ней я и беспокоюсь!

«Не берите в голову, ваше величество. Пускай финансы не заботят вас, для этих забот будут назначены казначеи. Позвольте же обсудить первостепенную задачу: эскиз платья для коронации.»

Одно из официальных не подойдет?

«По традиции, коронационное платье надевается единственный раз, а затем сжигается. Будучи сохранено, оно станет напоминать об изменчивости власти и притягивать перевороты. Владычица Элоиза в четырнадцатом веке сохранила коронационный наряд и была свергнута спустя полтора года.»

Надо полагать, вид платья также закреплен традицией?

«Ваше величество, платье должно включать цвета династии: лазурный, алый и коричневый. В вашем случае лучше всего будет платье из синего атласа с рубинами и мантия с отделкой из соболя.»

Цвета династии, как носил Адриан... Насмешка, фарс. Я люблю зеленый. Хочу простое платье зеленого цвета.

«Никак невозможно, ваше величество. Зеленый – цвет Нортвудов, он станет напоминать об интриге графини Сибил. Лазурный с алым отражают преемственность и законность власти. Это сейчас самое важное. Ваше величество должны понять.»

Так вот в чем мой долг перед Империей? Носить синее платье и накидку из соболя?!

«Сегодня – цирюльники, ваше величество. Завтра – мастера красоты. Затем – ораторы, после них – парфюмеры.»

А когда – министры, лорды, военачальники? Я хочу знать, чем живет моя страна!

«Нижайше просим простить, но всему свое время. Когда насущные вопросы будут решены, ваше величество получит все сведения, какие пожелает. Но сейчас отвлекаться от подготовки будет преступной небрежностью с нашей стороны! Ваше величество должны понять!.. Цирюльники уже ждут, вы окажете милость всему государству, если примете их.»

«Традиционно при коронации императрица носит длинные локоны, как знак женственности и чистоты. А после церемонии она срезает их, показывая готовность к спортивным упражнениям и активной жизни. Волосы вашего величества недостаточно длинны, потому выход лишь один: мы изготовим для вас парик.»

Парик?.. Мертвая пакля, пристанище для моли?.. Мне нравятся мои волосы!

«Ваша стрижка напоминает монашек-ульянинок, что связывается в умах с мыслями о смерти. Только парик, ваше величество... Также необходимы пудра и румяна.»

Зачем?

«Нижайше прошу простить, ваше величество, но ваша благородная бледность может быть воспринята как знак болезненности. Нездоровье императрицы – признак шаткости власти, это недопустимо... Мы нанесем пудру, а затем румяна, чтобы придать вид здоровья...»

Я не хочу, чтобы меня красили, как куклу. В прошлый раз начинали с пудры, а кончили ядом в кофе.

«Ваше величество, пудра совершенно необходима. Нижние веки вашего величества имеют оттенок бессонницы. А также лучики...»

Морщины и синяки под глазами, хотите сказать? Мне они по душе. Я похожа на себя – бессонную и унылую. Чем плоха честность?

«Юлиана Великая спала как младенец накануне коронации, слуги едва сумели ее разбудить. Она стала самой могущественной из императриц Полари. Крепкий сон – знак уверенности в себе, бессонница – признак тревог. Тревоги государыни станут тревогами страны... Недопустимо, ваше величество. Вы должны понять...»

Я должна, конечно... Что еще я должна?

«Теперь обратимся к глазам. Ваше величество умеют плакать?»

Нет. Разучилась в монастыре. А зачем это нужно?

«На протяжении всего церемониала вашему величеству стоит держаться очень уверенно. Однако в конце вы прочтете молитву Янмэй Милосердной, и первосвященница дарует вам благословение. Тут будет очень полезно прослезиться – это покажет вашу душевность и кротость перед лицом Праматерей. Народ с большой любовью принимает владычиц, которые плакали после молитвы. Чтобы помочь вашему величеству, мы нанесем на ресницы порошок кислой ягоды. По завершении молитвы похлопайте веками и протрите глаза ладонью – немедленно появятся слезы.»

Меня волнует один вопрос. Позвольте? Благодарю!.. Страна истерзана войной, столица обескровлена, госпитали заполнены калеками, шаваны грабят Литленд, весь Запад откалывается от Империи. Так почему, тьма сожри, я занята румянами, пудрой и порошком для ресниц?!

«Ваше величество так благородны и щедры душою! Вы не можете не чувствовать: в трудную минуту главное для народа – вера в лучшее, надежда на спасение. Соблюсти все традиции, провести коронацию как следует – значит, показать людям, что власть снова крепка, а завтрашний день принесет стабильность. Народ вздохнет с облегчением, мужчины вернутся по домам, дети и матери смогут спать спокойно. Будьте же милостивы, ваше величество: не лишайте их этого счастья!»

Когда я займусь государственными делами?

«Вы уже заняты ими в полной мере! Извольте видеть, речь вашего величества – крайне важный элемент коронации. Существует традиционный список тем, которые должна затронуть речь наследницы престола. Это: любовь к Империи и народу, благодарность к прежнему императору, обнадеживающие слова о нынешнем положении дел, уроки, усвоенные наследницей из истории, обещание милостивого и справедливого правления. Речь занимает не менее двадцати минут и состоит, по крайней мере, из двух тысяч слов. Но ваше величество не должны волноваться: речь подготовят опытные мастера церемоний, ваша задача состоит только в том, чтобы заучить и произнести ее.»

Императрица не говорит своими словами?..

«Излишняя трудность, ваше величество. Не мучайте себя сочинением речи. Для ваших слуг будет счастьем написать ее для вас. Однако, к сожалению, читать речь с листа не принято, потому вашему величеству следует ее запомнить. Чтобы упростить запоминание, ораторы будут начитывать вам речь вслух. Это также поможет вашему величеству выработать верное произношение.»

Мое – неверное?

«Извольте видеть, ваше величество говорит с северным акцентом...»

Я и есть северянка до мозга костей! Народ должен знать, кто им правит.

«Нам следует думать не только о благе северян, но и о жителях Земель Короны. Им станет значительно спокойнее, если ваше величество произнесет речь со столичным выговором. Это неслощшно: достаатошно немношечко смяхшать соклаасные и чшуть протяакивать глаасные. Говорить будто немношшко фкраадчиво, с шепотком. Попробуйте, ваше велишестфо!..»

Я постараюсь.

«Ораторы помогут вашему величеству овладеть этим навыком. Вряд ли понадобится больше пяти тренировок. Также мы пригласим священников, которые научат вас правильной молитве.»

Молитва Янмэй Милосердной? Меня не нужно учить этому! Я – внучка Янмэй, вы забыли?

«Речь идет о парадной молитве Династии: «Твоя рука на моем плече». В ней тридцать две строфы, которые читаются нараспев, церковным канонем. Ваше величество обучится за десять уроков. Но нужно учесть кое-какие обстоятельства. Ваше величество будет читать молитву пред лицом первосвященницы Церкви Праматерей – архиматери Эллины. Встретив свое девяностолетие, ее святейшество Элина поступилась долей гибкости рассудка. Выполнение ею своей части ритуала находится под вопросом.»

Архиматерь выжила из ума? Что она сделает? Уснет посреди коронации? Забудет слова молитвы? Расхохочется, как ведьма?

«При ее святейшестве будет помощница Корделия, она поможет Элине во всем, кроме одного. Ее святейшество должна лично сказать вам слова благословения, когда вы окончите молитву. Если Элина забудет сделать это или скажет какие-то иные слова, или поведет себя непредсказуемо, ваше величество все равно должны сделать вид, что получили благословение. Ведите себя, как ни в чем ни бывало, поблагодарите Эллину и поцелуйте ей руку, прослезившись при этом.»

И для этого тоже есть свой урок?

«Конечно, ваше величество. Мать Корделия завтра прибудет к вам, чтобы отрепетировать получение благословения. А затем, с вашего позволения, обсудим парфюмы...»

Я никогда не пользовалась ими. Можем мы, наконец, обсудить хоть что-то важное?

«Что может быть важнее впечатления, которое вы произведете на двор? Извольте видеть, наряд и речь императрицы на коронации предназначаются для народа – простого люда, допущенного увидеть владычицу. Но запах парфюма почувствуют лишь самые близкие, потому он очень важен: несет намек на ту внутреннюю политику, которую владычица будет вести при дворе. Традиционно императрица выбирает один из четырех запахов. Фиалка – знак женственности, мягкости, покорности сильному мужчине: своему будущему мужу либо первому советнику. Это порадует герцога Ориджина, однако породит кривотолки, потому сам же герцог советовал взять иной аромат. Роза, в противовес фиалке, обещает жесткую политику с упором на военную силу, что в вашем случае вряд ли будет уместно. Фруктовые ароматы – апельсин, персик, манго – значат прицел на торговлю и финансовое преуспевание. Древесные оттенки – иланг-иланг, сандал – являют символ мудрости и справедливости, акцент на законотворчестве и юридических реформах. Парфюмеры предоставят восемьдесят образцов ароматов, ваше величество могут выбрать совершенно любой, но осмелимся порекомендовать седьмой либо девятнадцатый...»

Я согласна с вами. А теперь хочу выйти на улицу и увидеть, как идет реставрация дворца.

«Там совершенно не на что смотреть, ваше величество. Мастерские трудятся, слуги убирают парк...»

Стирают кровь с дорожек? Разбирают камнеметы? Сгребают ядра и обломки стрел? Я хочу взглянуть на это. Хочу увидеть, как хоть кто-нибудь делает что-то полезное!

«Всенепременно, ваше величество! Вы сможете гулять, сколько угодно вашей душе, но прежде извольте рассмотреть эскизы платьев...»

Шестьдесят четыре?

«Сто девяносто, ваше величество: каждый наряд – в трех вариациях. Мастера красоты помогут вам сделать выбор, однако вы должны увидеть все эскизы своими глазами. Выйдет конфуз, если однажды вам подадут неуютный вашему величеству наряд. А также нижайше просим вас взглянуть и на эскизы обуви. Всего семьдесят два варианта, все до единого достойны вашего величества. Некоторые представлены не рисунками, а натуральными образцами. Для наглядности приглашены девушки, телосложением и формой стопы немного похожие на ваше величество. Лучшие образчики обуви и платьев вы сможете увидеть в движении на живых моделях...»

Помилосердствуйте! Оставьте меня хоть ненадолго! Дайте хоть глоток уединения. Имейте каплю уважения к горю, позвольте мне оплакать Адриана!

«Ваше величество весьма мудры, что изволили вспомнить покойного владыку! Его кончина случилась столь внезапно и трагично, что до сих пор не удалось отыскать его августейшее тело. А отсутствие тела создает ситуацию опасного конфуза. Извольте видеть, вместе с трупом владыки был утерян Вечный Эфес – священный кинжал Блистательной Династии. Ритуал коронации включает в себя передачу Вечного Эфеса новому владыке и обнажение священного клинка в самую минуту возложения Звездной короны на чело. Отсутствие Эфеса породит тревожные роптания...»

Так вас волнует только Эфес?! Тело Адриана не найдено! Мы не можем предать его земле, прочесть молитвы, попроситься! Где-то в трижды проклятом Бэке рыбы гложут кости Адриана... а вас заботит ритуал?!

«Мы разделяем глубокую скорбь вашего величества. Вся столица, вся Империя скорбит о владыке! Но святые отцы заверяют, что душа его величества уже обрела полный покой на Звезде, откуда благостно взирает на нас. Душе владыки будет грустно видеть, если коронация пройдет шероховато. Наш долг перед ним – обеспечить идеальную гладкость церемонии! И

вот какое найдено решение в вопросе с Вечным Эфесом. Минуточку внимания – и ваше величество оценит все изящество выхода! Перед возложением на ваше благородное чело Звездной короны, вы изречете: «Страна устала от войны. Я клянусь беречь ее от новой крови, и, как знак этого решения, в первый день своей власти не возьму в руки клинок. Прошу не давать мне Вечный Эфес – символ воинской силы, но дать корону Звезды – символ мудрости и милосердия!» Тогда обоснованное отсутствие Вечного Эфеса не вызовет никакой тревоги у зрителей. Корону возложат на вашу главу, и голубой алмаз на ее зубце засияет звездой веры в грядущий мир и благоденствие!»

На что похоже одиночество? На черную крупицу среди белого песчаного пляжа. На голоса сотен людей, что звучат неразлично, как один-единственный голос. Парфюмы... будет неблагоразумно... традиция... нижайше просим... народ будет счастлив... извольте видеть... парадная молитва... согласно ритуалу...

Что стоит за громкими словами о долге? Бесконечная череда мелких, пустых, никому не нужных обязательных дел. Такая, что хочется бежать без оглядки: в Уэймар, в Стагфорт, в рытье пещер, в сгребание осколков, в страх, в отчаяние... Куда угодно, во что угодно, но никогда больше не делать бесполезного!

Как меняется смысл слов от бесконечного повтора? Ваше величество должны... Вашему величеству следует... Ваше величество должны... Вашему величеству следует... Становится ли смысл глубже? Острее? Яснее? О, нет! Он тупеет и тяжелеет, обретает неумолимую ритмичность водяного молота. Поднимается с оборотом мельничного колеса и рушится на заготовку. Должны! Поднимается, влекомый течением реки, – и падает. Необходимо! Поднимается – и вниз, сминая железо. Никак невозможно! С каждым оборотом – ваше величество! На каждый удар – должны!

Ни одиночество, ни страх смерти, ни потеря близких не могли сделать того, что легко сотворил механический повтор. За две недели подготовки наследница престола была выжата, расплющена, лишена малейших признаков своеволия. Государственная машина – даже такая искореженная и поврежденная, какою сделал ее мятеж, – без труда обтесала наследницу, придала ей нужную форму и вынудила вращаться в верную сторону от трех простых слов:

«Ваше величество должны».

* * *

Дня коронации Мира не запомнила.

Она все сделала как нужно. По крайней мере, никто не сказал: «Вашему величеству не следовало...»

В памяти остались лишь два эпизода.

Герцог Ориджин похвалил ее парфюм:

– Прекрасный аромат, миледи. Запах женщины, а не короны.

Герцог был наряжен в белое с серебром, блестел, как острие шпаги, и выглядел на десять лет моложе, чем в дни осады. Он вызвал у Миры глубочайшее омерзение... Но он говорил как человек, не механизм. Его голос она выделила бы из любой толпы.

А после парадной молитвы дряхлая архиматерь Эллина забыла благословить императрицу: молча пялилась бледными пустыми глазами. Минерва растерялась и, в свою очередь, забыла заплакать. Пауза все тянулась, мать Корделия шипела Эллине: «Ваше святейшество! Ваше святейшество!», – а та пряталась где-то в глубине себя и только шмыгала носом, сопливым от холода. Тогда Мира взяла ладонь архиматери и тронула ее пальцами свой лоб. Зачем-то сказала от имени Эллины:

– Долгих лет силы и власти. Рука Янмэй на вашем плече.

И сама же ответила:

– Всем сердцем служу Праматерям и народу.

Ночью, когда все кончилось, Мира напилась.

Была пьяна трижды в жизни. Первый раз – здесь же, во дворце, на летнем балу, тысячу лет назад. Второй – в Уэймаре, с нерадивыми солдатами графа Виттора. Третий – снова во дворце. Только в этот раз не по случайности, а целенаправленно, методично, с ясной целью: заглушить грохот механического молота. Ваше величество должны!.. Нет, не сейчас. А если и должна, то все равно ничего не могу, кроме жалеть себя и пить стопку за стопкой. И плакать – вот когда пригодился порошок на ресницах.

Минерва, ты – ничтожная плакса. Отец отрекся бы от тебя, Адриана бы стошнило. Да что там, меня и саму тошнит, еще как. Зато я знаю одного человека, кто оценил бы. Нора из монастыря Ульяны – вот кто умеет жалеть себя! Мастер слез, магистр самоуничужения! Тебе, Минерва, еще учиться и учиться. Но теперь ты знаешь верный способ расплакаться: надень корону – зарыдаешь.

Она пила, и становилось тепло. От хмеля, от жалости к себе, от собственной шутки, от того, что назвала себя по имени... Минерва!.. Как же красиво меня зовут! Хотя что-то есть во мне красивое. Минерва Джемма Алессандра!.. Ваше величество... В холодную тьму это величество! Я – леди Минерва! Самое прекрасное имя во всей Империи Полари! Леди Мне... тьфу! Язык заплетается. Нужно чрево... чередовать: вечер пафоса, затем вечер пьянства. Иначе подводит язык...

А теперь я выпью за свое чувство юмора. Ведь оно есть, несмотря ни на что! Имя, чувство юмора, склонность к пьянству – кое-что от тебя прежней осталось, а, Минерва? Не все расплю... распще... разбито о наковальню. Добавила бы еще любовь к кофе, но это глупость. Кофе помогал думать, а теперь к чему это? Я – императрица. Мое дело – носить платья и пахнуть. Мышление – для бедняков!

Дорогая Минерва, как же сильно я люблю тебя! За имя, за чувство юмора, за все, что не расплющилось.

И до чего же тепло...

* * *

Назавтра, вспоминая этот вечер, она думала: вероятно, нечто подобное чувствуют любовники, оказавшись в постели. Любовь, тепло, все возможно и никаких лишних мыслей. Если так, могу понять, почему им хочется этого снова и снова.

Похмелье, конечно, взяло свое. Если верить романам, оно и у любовников бывает: проснуться в одной постели – не всегда так же радостно, как вместе уснуть. Но Мира вспомнила один из житейских советов Инжи Прайса и потребовала, не вставая с постели:

– Принесите орджа. Сейчас же!

«Вашему величеству не следует», – ответила машина ртом кого-то из прислуги.

– Моему величеству не следует? Вы указываете императрице Полари?! Надеюсь, меня подвел слух!

Фраза вышла далеко не такой звучной, как хотелось: Минерву ужасно тошнило, через два слова она глотала слюну. Но слуга понял намек, улетел стрелой и за минуту вернулся с чашей. Она выпила. Тошнота улеглась, блаженное тепло заструилось в жилах. Как хорошо!.. Теперь я точно знаю, о чем любовные романы: это изысканная метафора для крепкой выпивки!

«Первый секретарь просит ваше величество принять его», – скрежетнул механизм, доставивший ордж.

– Пускай заходит.

«Но ваше величество в постели!..»

– Надо же, вы заметили...

К приходу секретаря Мира успела выбраться из кроати, облачиться в халат и усесться за туалетный столик. Спасительный кубок орджа она не выпускала из рук.

«Ваше величество, желаю доброго утра. Его светлость лорд-канцлер нижайше просит вас подписать указы о назначении...»

– Его светлость – кто?..

«Лорд-канцлер Эрвин София. Герцог Ориджин вчера произведен в это звание высочайшим указом вашего величества.»

– Неужели?..

«Вы поставили подпись под указом.»

– Но текст составил сам герцог? Надо же, он тоже любит красивые слова...

«Ваше величество, лорд-канцлер просит утвердить назначения.»

Секретарь сунул ей ворох бумаг. Мелькнула мысль: вот оно – важное. Государственное дело, о каком ты мечтала. Прочти, вникни: что за должности, что за люди? Встреться с каждым, опроси, проверь. Конечно, все они – ставленники Ориджина, тут нет сомнений. Но они могут быть умницами, мастерами своего дела, а могут – тупыми вояками, взятыми лишь за собачью преданность герцогу. Разберись, Минерва. Вычеркни тупиц, карьеристов, солдафонов. Если герцог хочет ставить своих людей, то пусть хотя бы выберет достойных.

Она хлебнула из кубка. Новая волна тепла разлилась по венам, напитала все тело, вплоть до пальчиков босых ног, утопающих в пушистом ковре. Как хорошо все это!.. Почему я раньше не додумалась?..

И вдруг она с полной ясностью представила себе весь день.

Я позвоню в колокольчик, прибегут служанки. Придется постоять, пока меня оденут, зашнуруют все завязки, застегнут пуговицы, нацепят украшения, расчешут волосы... Полчаса, никак не меньше. Зато все это время я не выпущу из руки кубок. Потом будет завтрак. Я улыбнусь герцогу и его волкам, ведь таков мой долг: безопасность Короны, крепость государства... Скажу комплимент братьям-Нортвудам, отчего нет? Разве они виновны в чем-то, кроме беспроектной глупости? Спрошу о здоровье Лабелина с его отпрыском... Право, это прелестно: Ориджин изнасиловал и унизил их на глазах всей Империи, а теперь Лабелины сидят рядом с Ориджином, говорят о погодке, как милые кумушки. Я найду в себе силы порадоваться этому абсурду.

После завтрака меня переоденут – еще полчаса времени впустую. Но я попрошу кого-нибудь почитать вслух любовный роман, это скрасит одевание.

Потом меня приведут в кабинет и подсунут ворох отчетов. Такое бывало и до коронации, так что я уже знаю: никакого смысла их читать. Там окажутся ничего не значащие списки гостей; бывлые герои, представленные к наградам посмертно; перечни прошений, в которых отказано; требования денег, которые казна не удовлетворит. Я не увижу отчетов о работе полиции, сборах налогов и пошлин, перемещении войск – ни о чем, что дает Короне силу. Нужно будет поговорить с герцогом. Вытребовать, выкусить у него нужные сведения... Но позже. К чему спешить?..

Затем, когда я сделаю вид, что прочла отчеты, секретари изобразят, будто им есть до этого дело и попросят моей оценки. Я скажу, что все идет наилучшим образом. Ведь если скажу иное, меня все равно убедят, что лучше быть не может.

Потом я приму откуда-нибудь послов с какими-то поздравлениями. Нужно будет поблагодарить со всей сердечностью, и я смогу. Я – чемпион по сердечности. Я растопила души Северной Принцессы и наемного убийцы.

Наступит обед: он официальнее завтрака, неуместно улыбаться, нужно царственно кивать. Смогу и это, ведь я – кладезь талантов, разве нет?

После обеда – прогулка, осмотр реставрационных работ, одобрительные слова. Легко найду их, ведь я буду в соболином манто! Дама в соболином манто просто не может сказать иных слов, кроме одобрительных, но с явною ноткой снисхождения. «Ваше трудолюбие достойно похвалы. Работы движутся быстрее, чем я ожидала...»

Затем чай в салоне, где кто-то из прихвостней герцога спросит моего совета в каком-то деле, чтобы герцог мог сделать наоборот. Затем переодевание и новая глава любовного романа. Так вот зачем императрице шестьдесят четыре платья – ради повода послушать чтение!..

Придет вечер, и дамы (надо же, они таки появились при дворе!) соберутся в музыкальном салоне, чтобы чем-нибудь блеснуть: крадеными остротами, фальшивым талантом, настоящими алмазами – хоть чем-то. Я буду царственно кивать (опыт, опыт!..) и расточать комплименты. Все это очень смешно, но шутить нет смысла. Мое величество не должны, мое величество будут благоразумны.

Потом наступит ужин, а за ним танцы – ведь нынче праздничный день, как никак. Я даже станцую с кем-то. К счастью, не с герцогом: «Ах, мы не должны, ведь это повод для криво-толков...» С Дональдом Нортвудом – пусть. Он хороший мальчик... дурак, но хороший. И у него сломана челюсть, танец с ним – все равно, что благотворительность. Мое великодушное величество. Ах!..

А потом...

Мира сладко улыбнулась при мысли о «потом».

Потом я вернусь сюда, прогоню всех, запру дверь. Начну с вина, а продолжу орджем. Начну в кресле, продолжу в постели – как полагается в романах. Разденусь сама, позволю себе такое удовольствие. После каждой снятой вещи – глоток наслаждения. Заберусь под одеяло и стану жалеть себя. Читать про любовь, пить и жалеть – поочередно. Порадую себя всеми остротами, что накопились за день. Истерзаю себя мыслями об одиночестве. Расплачусь над страницами – надо попросить порошка для глаз... Я одна за стеною тоски. Печальная императрица Минерва... Боги, как это красиво! Кто бы написал роман обо мне?..

Да, нынешним вечером я снова напьюсь. И завтрашним. И каждым, пока делаю вид, что правлю этой чертовой страной. Нужно находить удовольствие в своей работе!

Она кивнула секретарю с подлинно царственным видом и принялась подписывать назначения. Министр двора... Первый секретарь... Второй церемониймейстер... Начальник стражи... Не глядя в текст, она выводила слово и отшвыривала листы.

Минерва.

Какое красивое имя!..

Спутники – 2

Мелоранж и его окрестности (герцогство Литленд)

– Вот дерьмо же, – сплюнул Ней, когда они были далеко от шатра Корта. – Дранные хвосты. Гнилое мясо.

Чара не раскрывала рта. И чем больше Ней сквернословил, тем угрюмее она молчала. Странно, ведь это Ней всегда был спокойным и молчаливым, а Чара – вспыльчивой и гневливой.

– Что с тобой неладно? – спросил он.

– А с тобой – ладно? – огрызнулась Чара.

– И со мной неладно. Лысые хвосты – вот что со мной. Но почему ты молчишь?

Тут он сообразил, почему.

– Постой-ка. Ты что же это...

Ней развернул ее к себе и заглянул в глаза:

– Ты решила, мы сделаем то, что хочет Корт?

– А есть выбор?

Ган – это значит путь. Ган – это всадники, что ездят вместе, деля судьбу друг с другом. Ганта – вождь, человек, что указывает путь. Если ганта приказал, спорить – не дело всадника.

Но самое дорогое, что имеет всадник, – это свобода. Всадник идет за вождем, всадник уважает вождя, но всадник – не раб. И если приказ вождя – полное паскудство, то всадник может наплевать на него.

Неймир сказал об этом, Чара ответила:

– Не только в приказе дело. Мы должны ему, а я плачу свои долги.

– Я тоже. Но странно платить долг жизнью не врага, а собрата.

– Мы должны Карту жизнь. Ему и решать, чья нужна.

– Но мы – не наемные убийцы, чтобы идти на грязное дело. Я плачу свои долги в сражениях.

Чара тряхнула головой:

– Так ведь дело и не в долге. За Кортом правда. Моран обезумел от жажды мести и погубит орду.

– Он – хороший полководец. Он выиграл три битвы, а проиграл лишь одну.

– Ней, ты знаешь, о чем я. Моран хочет мстить Литлендам. Все дорогое, что есть у Литлендов, осталось в джунглях. Рано или поздно Моран прикажет идти в джунгли. Там и погибнем, как все прочие, кто туда сунулся.

Ней тяжело вздохнул.

– Чара, я понимаю тебя. И почти во всем согласен. Но не лежит душа к такому! Мерзкое дельце, шакалье. И паскудней всего то, что потом нас убьют. Жили всадниками, а умрем шакалами.

– Не умрем, – сказала лучница. – Многие в орде ненавидят Морана. Если убьем его и выйдем из его шатра живыми, то никакого суда не будет. Слишком многие скажут: «Правильно сделали!»

– Если выйдем. Вот только шатер Морана стерегут две дюжины лучших его всадников. Как пройдем сквозь них?

– Мы с тобой семерых стоим.

– Семерых обычных воинов, но не двух отборных дюжин!

Он видел, что не убедил ее. Если Чара вбила что-то себе в голову, то сложно переспорить. И хуже всего, сам Ней понимал: она почти права. Почти. Но все же, не полностью.

- Сделаем так, – решил Ней. – Сперва поговорим с ним.
 - С Мораном?
 - Да. Узнаем его планы.
 - Он не скажет. Когда это он с простыми всадниками делился!
 - Может, не скажет. Тогда убьем его. Может, скажет, и план окажется безумием. Тогда тоже убьем. Но может статься, у Морана найдется хороший, толковый план, который даст шансы на победу. Тогда ты согласишься со мной.
 - Вряд ли что-то выйдет. Глупо все это.
- Ней посмотрел ей в глаза:
- Чара, я ведь не спрашиваю. Я решил, что поговорю с Мораном. Ты мне не мешаешь. Он тоже бывал чертовски упрямым. Реже, чем Чара. Но тверже.

Как Ней и ожидал, вокруг шатра Морана Степного Огня несли вахту человек двадцать. Большинство сидели или лежали без дела. Кто чесал языком, кто жевал коренья, кто дремал, кто правил клинок, нашивал бляхи на куртку, чистил ножом под ногтями. Но оружие у всех было наготове. И Ней знал многих из них: всадники с именем, умелые, достойные. Если дело дойдет до драки, мало надежды пробиться сквозь этот отряд. Очень мало. Чара тоже оценила шансы и гордо вскинула подбородок.

А вот в шатре оказалось только четверо. Пара шаванов-телохранителей, ганта Гроза – правая рука Морана, и сам Степной Огонь. Синеглазый вождь был, на взгляд Нея, излишне беспокойным: все время находился в движении, расхаживал туда-сюда, перебирал пальцы на ремне. А если и замирал на минуту, то все равно чувствовалась в нем бурлящая сила – как кипятик под крышечкой. Неймир знал по опыту: слишком горячие да ретивые в бою гибнут первыми, а долго живут те, кто знает цену выдержке. Но Моран Степной Огонь нарушал правило: двадцать лет в седле и чертова уйма боев за плечами, а все еще живой. И все такой же бурлящий.

Сейчас Моран шагами мерил шатер и чеканил слова. Ганта Гроза, скрестив руки на груди, слушал приказы.

- ...их будет не меньше шестнадцати. У обезьян солдаты сложены в четверки, четверки – в святые дюжины. Поймаешь одного разведчика – знай, что всего их шестнадцать. Возьми всех до единого. Пришлют еще святую дюжину – возьми и ее. Вылови всех поголовно, кто следит за нами. Ни одного обезьяньего глаза на моей орде!

- Да, вождь.

- Выстрой из дозорных кольцо вокруг лагеря. Такой ширины, чтобы попались все, кто вздумает шпионить. Нужно пять миль – делай пять. Нужно десять – делай десять. Не хватит твоих всадников – я дам еще.

- Да, вождь.

- И найди мне птичника.

- Помню, вождь.

- Ступай.

Ганта Гроза кивнул и вышел. Осталось трое: Моран и пара телохранителей. Если мы действительно стоим семерых... и если сделать все быстро и тихо, чтобы не всполошились те, снаружи... Мысли Чары звучали так громко, что Ней ясно их слышал.

Моран Степной Огонь остановился, положил ладони на пояс – будто удерживал себя на месте. Вперил взгляд в Нея:

- Кто такие?

- Неймир и Чара, всадники ганты Корга.

- Неймир и Чара Спутники?

- Да, вождь.

– Вас зовут так потому, что уже пять лет ездите вместе и не расстаетесь?

– Верно, вождь.

– Прежде тебя звали Неймир Оборотень. Ты нанимался в Шиммери, Дарквотере, Мельничьих Землях, и везде считался своим. Ты знал нравы всех земель по правому берегу Холли-вела, умел говорить, как говорят местные, мог сойти за жителя любого края, кроме северного.

– И сейчас могу.

– А твою спутницу раньше звали Чара Без Страха. Говорят, она родилась с луком в руках и с восьми лет не встречала никого, кто напугал бы ее.

– С семи, – поправил Ней. – Чаре было семь, когда степной волк загрыз под нею лошадь.

– С-семь... – свистяще протянул Моран. – Говорят, вы двое стоите семерых воинов.

– Так говорят.

– И это правда?

– Не мне судить.

Моран сорвался с места, прошагал взад-вперед, кивнул сам себе.

– Семь – мое любимое число. Хорошо. Пошлю семерых разведчиков. Одну тройку, двух поодиночке, и одну пару. Парой будете вы.

– Куда, вождь?

– В самое логово – в Мелоранж.

Степной Огонь полоснул взглядом по лицам Спутников, ища тени страха. Чара и глазом не моргнула. Нея же пугал не Мелоранж, а то, что случится прямо здесь через какую-то минуту.

– Зачем?

– В Мелоранже стоят шиммерийцы со своим принцем Гектором. Они приплыли по морю. От Мелоранжа до моря далеко. Южане оставили корабли в каком-то порту. Выведайте, в каком.

– А зачем это тебе?

Моран моргнул, будто не понял вопроса.

– Повтори-ка.

– Я спросил, вождь, зачем тебе знать, в каком порту корабли шиммерийцев.

Моран подошел так близко, что Ней почувствовал жар от огня в его жилах.

– Ты хочешь услышать мои планы?

– Да, вождь.

– А если я не скажу?

– Тогда, боюсь, тебе понадобится другой разведчик.

Моран замер – руки на поясе. Ней видел, каких усилий стоит ему неподвижность. Как жаждет свободы рука: только отпусти – выстрелит. Дольше живут хладнокровные... Но, кажется, не сегодня.

– Ты уверен в своих словах? – спросил Моран Степной Огонь.

– Уверен, – не без труда ответил Ней.

Чара встала у его плеча:

– Мы не собаки и не северяне.

Моран побарабанил пальцами по поясу... и вдруг рассмеялся.

– Хороши! Ай, хороши! Люблю таких. В вас – душа Запада.

Чара холодно уточнила:

– Ты ответишь нам?

– Да. Слушай же, Чара Без Страха. Слушай, Неймир Оборотень.

Вождь снова принялся рыскать по шатру, словами размеряя шаги.

– Я думаю об одном человеке. Принц Гектор Шиммерийский – наш полувраг. Не так мерзок, как Литленды. Не так свиреп, как северяне, не так хитер, как император. Нам и делить-то с ним нечего: горы стоят между нашей землей и его. Но этот глупец зачем-то сунул нос в

чужую войну. Позволил тирану обмануть себя, а может, купить. Назвался нашим врагом легко, будто враждовать с нами – детская шуточка. Я хочу проучить его за глупость.

Моран шаркнул ногой по земле и презрительно скривил губы.

– Воины Гектора – ползуны. Две трети шиммерийского войска – пехота. Южане взяли с собой мало коней, поскольку плыли кораблями. Лиши их кораблей – они станут неповоротливы и жалки, как черви. Сожги флот – и южане будут прикованы к Мелоранжу. А Шиммери – их роскошное золотое королевство – останется без защиты.

Ней протер глаза, будто это помогало понять смысл.

– Вождь, мы пойдем в Шиммери?

Моран хлопнул его по плечу:

– По душе тебе задумка, Неймир Оборотень? Многие шаваны, как ганта Гроза, продают южанам своих пленников. В Шиммери идут корабли с людьми, а обратно везут золото. Это значит, золота у шиммерийцев хватает. Отчего нам не взять его?

– Отличный план, вождь, – выдохнул Ней, чувствуя, как с души падает груз.

– Тогда кончайте артачиться, слушайте задание.

Моран присел и расстелил на земле карту герцогства.

– Умеете читать?

Чара гордо задрала подбородок, как всякий раз, когда чувствовала в чем-нибудь свою ущербность. А Ней кивнул:

– Я умею.

– Смотри. Здесь мы, а вот Мелоранж. Ближайшие к нему гавани – в этих трех городах.

Неймир нашел взглядом морское побережье и три точки с якорьками, подписанные: Мейпл, Колмин, Ливневый Лес. Ближайшим был Мейпл – всего сорок миль от Мелоранжа, но дорога в него шла прямо через степь, то есть, была опасна для шиммерийцев. Ливневый Лес лежал в шестидесяти милях на северо-востоке, укрытый лоскутом джунглей. В джунгли шаваны не полезут – так считают враги.

– Думаю, вождь, они выберут Ливневый Лес.

– Я тоже так думаю. Но духам войны плевать, кто что думает. Нужно знать наверняка. Оденся южанином, а Чару представь своей альтиссой. Езжай в Мелоранж, смотри, слушай, говори с людьми. Выведай, в каком порту корабли принца Гектора и долго ли они там простоят, и сколько с ними охраны. Едва узнаешь, ветром лети ко мне.

– Сделаю, вождь.

– Возьми денег, пригодятся, – Моран сунул ему увесистый кошель. – И ступай.

Ней помедлил.

– Позволь еще вопрос.

– Позволю или нет, ты все равно спросишь. А вот ответить ли – дело мое.

– Говорят, у Литлендов есть дочка – наездница по имени Ребекка. Говорят, вождь, твое сердце о ней бьется.

Моран сверкнул глазами:

– А что еще говорят?

– Что она спасла тебе жизнь. Не будь ее, лег бы в пыль вместе с Дамиром Рейсом.

– И кто это говорит?

– Полагаю, ты сам. Ведь из засады у Литлендов вернулся ты один. Кто же еще мог рассказать, как было дело?

– Х-ха. Если я сказал, то можно верить. Так все и было. У шакалов-Литлендов дочь оказалась человеком. А что спросить-то хотел?

– Я слышал, ты зарекся: без нее не уйдешь от Мелоранжа. Но теперь говоришь, пойдем в Шиммери. Стало быть, в этом слухи ошиблись?

Моран Степной Огонь оскалил зубы:

– Не волнуйся за меня, Неймир. Рано или поздно возьму свое. У Запада долгая память.

* * *

Королевство Шиммери, тонущее в богатстве, всегда было лакомым плодом. Но никогда вожди степей не покушались на него. Тому было три причины. Во-первых, вековые традиции мира меж Западом и Югом, укрепленные обильной торговлей. Во-вторых, внутренние распри между шаванами, мешающие дальнему походу. И, в-третьих, крутые горы на пути. Горы сами по себе не пугали западников, но преодоление их требовало много времени. А если шаваны так надолго покинут родные степи, то не нагрянут ли в это время извечные враги? Не станет ли Запад колонией ненавистных Ориджинов?..

Но сейчас все три помехи устранены. Северные волки заняты войной с тираном и выйдут из нее обескровленными. Шаваны в кои-то веки сплотились под сильной рукой единого вождя. И шиммерийцы сами открыли тропу войне, встав на сторону врагов. Моран Степной Огонь великолепно выбрал время для атаки на южное королевство. Учитывая настрои внутри орды, план Морана удачен вдвойне. Суровая дисциплина злит шаванов, голод разрушает боевой дух, орда вот-вот взбунтуется. Но бескровная победа и богатые трофеи быстро поднимут настроение, всадники вновь полюбят вождя.

Скача на север от лагеря, Неймир думал о том, как хорошо все обернулось. И, думая, то и дело посматривал на спутницу. Чара не выдержала, огрызнулась:

– Да, знаю, ты был прав. Хватит уже!

– Я ничего не говорю.

– Хватит думать, как ты был прав!

– Ладно, не злись.

Но если Чара вздумала позлиться, то сложно отговорить ее.

– Мне все это не по нраву. Гнильем пахнет.

– Что?

– Все! Моран сказал нам план, и ты обрадовался. А почему он ганте Корту не сказал? И остальным шаванам? Пол-орды против него. Сказал бы – все бы мигом успокоились!

– Думаешь, в орде нет шпионов? Скажи Моран всем – узнают и враги.

– А в нас он так уверен, что душу распахнул?

– Так мы же – Спутники! Нас весь Запад знает!

– Ну, конечно! Мы хотели убить Морана, не забыл? Я держала руку на поясе, когда он тебя запугивал. Одно его движение – проткнула бы насквозь. Так почему он нам доверился?

– Он же не знал, что у нас на уме.

– Мог почувствовать! Неужто мы его обманули?

– Я – Неймир Оборотень, не забывай. Я обману любого.

– Ну, конечно!..

Чара стеганула ни в чем не повинного коня.

– Кончай свирепеть.

– Почему?

Ее вопрос был резонным. Чара любит злиться. Если их убьют в Мелоранже, она лишится этого удовольствия. А если не убьют, то Моран поведет орду в Шиммери, все станет очень хорошо, и поводов для злости не будет. Похоже, сейчас – самое подходящее время.

– Ладно, злись.

– Благодарю за разрешение, мой повелитель!

Она рванула в галоп и оставила Нея за спиной. Он нагнал спутницу, когда над горизонтом уже маячили стерженьки башен.

Мельвилль.

То был торговый городок на развилке путей. Жители оставили его, когда приближалась орда. Однако Моран Степной Огонь провел войско южнее, и лишь несколько фланговых отрядов наведались в Мельвилль. Всадники нахватали кое-каких трофеев – спешно, по верхам, оставив в городе много ценного. Покинутый Мельвилль сделался приманкой для мародеров. Они-то – мародеры из южного войска – и были нужны Спутникам.

Чара с Неем въехали в город на закате. Живыми людьми здесь и не пахло. Дома зияли выбитыми окнами, распахнутыми дверьми. По улицам пестрели осколки посуды, обломки мебели, лохмотья. В опрокинутой бочке шарил серый зверь – не то пес, не то шакал, кто его поймет. Подняв голову, удивленно тявкнул на всадников: мол, что вы тут забыли?

– Вряд ли мы кого встретим, – сказала Чара. – Из города все уже вынесли, что стоило хоть гроша.

– Не все, – ответил Ней. – В городе много вещей, так быстро не вынесешь. А если и все, то не все мародеры об этом знают. Кто-нибудь придет убедиться...

Они выехали на центральную площадь – между разоренным храмом и сожженной ратушей. Огляделись. Грабить своими руками Спутникам давно не приходилось. В орде бытовал такой порядок: после штурма младшие воины и рабы проходились по домам, сгребали все ценности в одну большую кучу, из которой трофеи делились между шаванами. Бывалые же всадники рук не марали, трудились в бою, а не после него.

– Скажи мне, Оборотень, Знаток Нравов: будь ты южным мародером, куда бы пошел?

– Ну... – Ней поскреб щетину. – Сперва, конечно, в церкви и дома богачей. Потом в ратушу. Но это все разграбили еще в первые дни. Тогда пошел бы в кабаки да постоялые дворы. Но и там всюду уже побывали. Так что, пожалуй, просто ехал бы по улице, выбирал не самые разбитые дома.

– Поехали.

Они двинулись от площади по самой широкой дороге. Серый пес-шакал бежал следом, держась на расстоянии.

– Вот этот на что-то похож, – Чара показала трехэтажный дом, который сохранил несколько целых стекол.

Ней оглядел другую сторону улицы. Напротив трехэтажного и чуть впереди стояла неприметная лачуга.

– Наше место, – сказал Ней.

Они спрятали лошадей, отпугнули шакала, чтоб не крутился под ногами, и вошли в лачугу. Здесь была гончарная мастерская: каменный круг на оси, пятна глины, черепки. Полки на стенах зияли пустотой – кто-то смел на пол всю посуду. Из мастерской дверь в кухню. Туда не хотелось заходить, до того смердело протухшей пищей. Поднялись наверх. Весь второй этаж занимала одна комната: скамья, опрокинутый шкаф, большая кровать, детская колыбелька. Это жилище – сырое, грязное, тесное – дышало нищетой и убожеством. А на кровати горкой белели подушки – единственное пятнышко уюта. Какая-то женщина, покидая дом в страхе перед ордой, все же потратила секунду, сложила подушки одну на другую. И мародеры их почему-то не тронули...

– Гнездышко, – бросила Чара.

Часто Ней без труда читал ее мысли. Чара презирала людей, привязанных к жилищу: рабы вещей, пленники в четырех стенах, заложники такого вот убожества. Неймир разделял ее чувства, но мог понять и тех, кто жил в этом доме.

– Скажи, Чара, когда мы захватим Шиммери и поделим трофеи, что ты сделаешь со своей долей?

– Пф! Захочу ли я купить домик с кроваткой и складывать подушки стопочкой? А сам-то как думаешь?

– Дом теплее шатра, а постель мягче земли. Когда-нибудь нам будет столько лет, что это начнет иметь значение.

– Ага. Помню, ты хочешь дожить до старости. Никогда не понимала этой чуши.

Она оборвала неловкий разговор: с жутким скрипом вытащила скамью на середину комнаты. Встала на нее, глянула в окно, убедилась, что хорошо видит вход в богатый дом на той стороне улицы. Воткнула полдюжины стрел в доску скамьи. Перешла к окну, подняла раму. Выснулась, глядя вдоль дороги.

– Никого не видать... Возможно, твоя мечта сбудется: заночуем на подушечках.

Ней смотрел не на дорогу, а на спутницу. Женщина прогнулась вперед, ее ягодицы в кожаных штанах смотрелись так, что про все забудешь.

– У нас, похоже, есть немного времени... – Ней схватил ее за задницу.

Она обернулась с притворным возмущением:

– Ты о чем это мечтаешь?

Он притянул Чару к себе и сунул ладонь ей в штаны.

– Не мечтаю, а делаю.

Она задышала горячо и часто, подалась к Нею, стала расстегивать ремень. Он стянул с нее куртку и сорочку, смял ладонью грудь. Чара лизнула его в губы, укусила... И тут пес-шакал удивленно тьякнул на улице. Мол, а вы-то зачем явились?..

Чара отдернулась. Не тратя времени на одежду, сразу схватила лук, вскочила на скамью. Стоя в глубине комнаты, она оставалась невидима с улицы, но держала под прицелом вход в богатый особняк. Ней поднял меч, понимая, что он вряд ли пригодится. Звуки копыт приближались, и Ней мог различить число. Три всадника двигались по улице. Всего-то.

Наложив стрелу на тетиву, лучница замерла. Сощурились глаза; заиграли, напрягшись, мышцы плеча; ровно вздымалась грудь в такт дыханию – быстрому, но глубокому. Глядя только на Чару, не на врагов, Ней мог сказать, сколько секунд жизни им осталось. Вот она слегка склонила голову, поймав цель. Повела назад локоть. Вдохнула чуть глубже. Сейчас.

Выстрел. Вдох. Выстрел. Вдох. Выстрел.

Первый мародер еще не успел закричать, даже боли еще не почувствовал, когда стрела уже летела в последнего. Все трое свалились одновременно, как по команде. Чара опустила лук.

Сотни раз Ней видел, как она стреляет. Но все же...

– Красиво, – сказал он с чувством.

Чара и бровью не повела – как всякий раз, когда ей было чем гордиться.

Собираясь на дельце, мародеры-южане оделись в мещанское платье. Никаких мундиров, никаких кольчуг, чтобы по возвращении не попасться на глаза какому-нибудь офицеру. Простая южная одежда – именно то, что нужно.

– Тирья тон тирья, – сказал трупам Ней перед тем, как начал раздевать. Они были мародеры, но все же воины.

* * *

Мелоранж походил на три города один в другом. Герцогский замок – первый город, самый крепкий и высокий, но крохотный. Вокруг него второй – дома вельмож, купцов, священников, успешных мастеров, охваченные каменной стеной. Вокруг – третий город: лабиринт лачужек городской бедноты. Этот третий город оборонялся лишь земляным валом да деревянным частоколом, но размеры его впечатляли: понадобился бы не один час, чтобы обскать по кругу.

Ворота были раскрыты настежь. Странная беспечность, когда орда стоит в неделе пути. А может, в том и дело: Литленды показывают, что не боятся шаванов. Убеждают в своей смелости то ли простых горожан, то ли самих себя. Тъхе.

Подъезжая к воротам, Ней вспомнил Шиммери. Оркаду – город, в котором прослужил три года. Убийственное солнце; искристое море, словно усыпанное алмазами; мраморные дома в узорах; крытые мостики над улицами; двуногих мясистых птиц, запряженных в повозки; водоносов и чистильщиков сапог; уличные сладости и чайные дома; холеных дам под зонтиками... Он сказал стражникам в воротах:

– Тенистого дня вам, уважаемые.

И те не подумали спрашивать, кто он такой. Поговору ясно – славный торговец из Шиммери. А вот у Нея возник вопрос:

– Скажите-ка, отчего на ваших копьях черные ленты? Не случилось ли беды?

– Случилась, славный. Великая беда.

И стражник рассказал о смерти владыки Адриана.

– Что думаешь? – спросил Ней у спутницы, ибо подумать было о чем.

– Поделом ему, – ответила Чара.

– Ясно, поделом. А что вытекает из его смерти?

– У нас теперь на одного врага меньше.

– Ага. Но хорошо ли это? С одной стороны, хорошо: владыка больше не поможет Литлендам. Да и тот имперский полк, что остался в Мелоранже, глядишь, и не захочет теперь сражаться. Но с другой стороны, есть риск. Мы шли бить тирана, а теперь он мертв. Шаваны захотят разойтись по домам. Морану еще сложнее будет удержать в руках орду.

Чара скривилась:

– Ты же знаешь, Ней: мне политика – темный лес. Имеем дело – вот и давай его делать. О политике пускай думает Моран.

– А вдруг наше дело уже никому не нужно? Может, теперь, после смерти Адриана, принц Гектор – больше не враг? Или, может, Литленды теперь сами сдадутся?

– Они сдадутся еще быстрее, если сожжем шиммерийский флот. Узнаем, где он, и расскажем Морану. Не морочь меня своей политикой.

Порою Чара слишком простодушна. Мир сложнее, чем ей хочется. Но сейчас она, пожалуй, права.

– Угу... – кивнул Неймир.

Они шли вглубь города, присматриваясь к людям. Смерть владыки потрясла литлендцев. Траурные ленты чернели на большинстве окон, люди горестно опускали глаза, некоторые без стеснения плакали.

– Малые дети, – фыркала Чара.

Но Ней понимал, что их равнодушие вызовет подозрения, потому нацепил на лицо печальную гримасу. Встречаясь взглядом с людьми, сокрушенно качал головой:

– Боги, какая утрата...

Это давало и повод разговориться. Ней начинал с соблезнования, потом невзначай спрашивал о жизни, о городе. Так он узнал, где можно вкусно поесть и недорого заночевать, а также и о том, где квартируются шиммерийские полки. Спутники перекусили в трактире, но комнату пока не брали: вдруг удастся быстро все вывести и до ночи покинуть город? Направились в район, занятый шиммерийцами.

Чара была лучницей, сколько себя помнила, однако никогда не служила в регулярной армии. А вот Нею довелось послужить, и он знал: в любом регулярном войске есть парень, который все обо всем знает. И это – отнюдь не полководец, а главный кладовщик. Какую амуницию выдать, на сколько дней похода готовить припасы, какие отряды оснастить в первую

очередь, от кого и какие трофеи принять на склад – по этим черточкам толковый кладовщик узнает о боевых действиях все, что только можно.

Потому Ней, оставив Чаре лошадей и оружие, принял самый беззаботный вид и вошел в расположение шиммерийского полка. Когда часовые остановили его, Ней сказал:

– Любезные воины, я – Ней-Луккум, славный торговец из Оркады. Я очень хотел бы повидать главного кладовщика вашего войска.

Часовые озадачились:

– Стало быть, ты не знаешь имени майора Клай-Колона, но все же хочешь его повидать?

– Совершенно точно.

– Ты даже не знаешь, что должность по-военному зовется не кладовщик, а каптенармус, но все равно хочешь на прием?

Ней виновато развел руками:

– Откуда же торговцу знать военные слова? Спроси я вас, чем кредит отличается от профита, вы бы, небось, тоже стали в тупик. Но каптернаруса Клай-Колона я все же очень хочу повидать, ибо имею к нему выгоднейшее предложение.

– Убирайся, – часовой оттолкнул Нея. – Ничего ты майору не продашь. Торгашей тут столько вертится, что майор приказал: кто придет продавать – сразу гоните.

– Вы ошиблись, славные воины: я пришел покупать. – Он вложил гладиаторскую доспехи в руку часового. – Продайте мне пять слов о том, где найти майора Клай-Колона.

– Вон в том белом доме, – указал часовый.

Попасть к майору оказалось нелегко. Хотя он и квартировался в доме, указанном часовым, но на месте его не было. Когда вернется? Никто не знает. Важное дело, генерал вызвал, или не генерал, а кто-то еще. Когда-нибудь вернется, жди. Майор вернулся через час, но за это время к нему собралась очередь, и многие в ней были важнее торговца – лейтенанты, капитаны, даже один полковник. Снова пришлось ждать, а когда дождался, каптенармус снова исчез – у него обед. Надолго? Да кто же знает. Господин майор обедают не торопясь, от спешки желудок портится.

По двум причинам Ней терпеть не мог регулярную армию. Первая – низкое жалованье, а вторая – вот это болото: никто ничего не знает и вечно нужно ждать. Но сейчас проволоочки были на руку: дали время пройтись, посмотреть, побеседовать с солдатами. Ней увидел больше хаоса и суеты, чем ожидал. Когда войско долго стоит на одном месте, солдаты тупеют от праздности – много играют и пьют, слоняются без толку, ковыряют в носу, приказы выполняют для виду, не для результата. Сейчас же было ровно наоборот: многие суетились, куда-то спешили с беспокойными лицами.

Ней поговорил с одним, вторым, третьим. Понял, в чем дело: солдаты не знали, что их ждет. Готовились к чему-то, не понимая, к чему. Император умер, и все изменилось. Шиммерийцы сражались за Адриана, но Адриана теперь нет, да и орда почти разбита. Принц Гектор хочет отвести армию назад в Шиммери. Герцог Литленд умоляет союзника остаться – боится орды, хоть и раненой. Принц, как подобает шиммерийцу, требует денег, и много. У герцога денег обмаль, потому он ищет аргументов, но пока не нашел.

– Вот и не знаем, чего ждать, – говорили солдаты. – Если вельможи затянут переговоры, то будем и дальше торчать в Мелоранже. Если герцог убедит принца, пойдём добивать орду. Не убедит – сядем в корабли и поплывем домой.

Ней спрашивал невзначай:

– А корабли ждут вас или где-то ходят?

– Да ходят... Накладно такой флот держать у берега. Но, говорят, через недельку-другую куда-то причалят...

– Куда?

– А кто их знает?.. Только принц Гектор, да еще наш каптенармус.

У шиммерийцев хватало своих хлопот, они почти не интересовались личностью Нея. Иногда кто-то спрашивал, и Ней представлялся торговцем из Оркады. Тогда солдаты оживлялись и предлагали ему что-нибудь купить у них. В основном, бесполезный мещанский хлам, украденный где-то: лампадки, зеркальца, кухонные ножи, чашки, краску (якобы, для волос), щипцы (якобы, подкручивать усы). Один предложил сапоги – хорошие, из мягкой кожи, снятые с мертвого шавана. У Нея сильно зудели руки придушить мародера. Другой показал браслеты и цепь – вот их Ней купил, чтобы солиднее выглядеть при встрече с майором.

Наконец, каптенармус соизволил его принять. Майор оказался именно тем человеком, какой и был нужен: влюбленным в деньги. Ней понял это с первого взгляда: заказной мундир в золоте, толстые кольца на пальцах, богато обставленная комната – майор, видать, выбрал лучшую в квартале. Неймир не стал тратить времени, а сразу брякнул на стол горку серебра. Потом, конечно, объяснил, что он, Ней-Луккум, славный торговец из Оркады, что хотел нажиться на войне и преуспел – заработал денег на торговле целебными снадобьями, закупил по дешевке благовоний, что сейчас хранятся в Ливневом Лесу. Теперь перевезет товар в Оркаду и продаст втрое дороже, вот тогда можно считать, что война прошла не зря. Он изложил свою легенду по-южному многословно, пересыпая сладостями да красотами. И пока Ней говорил, кучка серебра заманчиво блестела на столе, притягивая взгляд майора. Под конец тот не выдержал:

– Что тебе от меня нужно, торговец?

В смысле, что мне сделать, чтобы забрать, наконец, эти деньги?

Ней ответил, что не хочет доверять ценный груз глупым морякам из Литленда. Куда лучше поплыть добрым шиммерийским судном. Но все шиммерийские суда конфисковал для военных нужд принц Гектор. Так не знает ли господин майор, когда вернется южный флот? В Ливневый Лес он причалит, или в другое место? И с кем договориться на счет того, чтобы кораблик взял на борт не только солдат, но и его, Нея, товар? Ведь часть солдат погибла в бою, и место в трюмах, поди, освободилось...

Майор первым делом сгреб монеты в ящик стола. Потом буркнул:

– Да, в Ливневый. Двадцатого января. Со мной договоришься, я ведаю погрузкой. Найди меня в Ливневом и денег еще принеси. Эти – только за сведения, а перевозку оплатишь отдельно.

– Премного благодарю, славный повелитель армейских складов, – поклонился Ней. – Имею еще один маленький вопрос. Я слышал, жадный герцог Литленд жметесь, не желает достойно оплатить дружбу его высочества принца Гектора, и переговоры сильно затягиваются. Что, если войско не успеет в Ливневый Лес к двадцатому января?

– Тогда подождешь.

– Я не о том, господин майор. Я-то подожду, а вот корабли – будут ли они в безопасности? Ведь война идет, все отребье рыщет в поисках наживы: и пираты, и мародеры, и контрабандисты. А флот в гавани – лакомая добыча...

– Две роты стерегут гавань. Успокойся.

– Нижайше вам кланяюсь за столь сладкие моим ушам слова.

– Иди уже, торгаш. Я занят.

Ней ушел, не скрывая улыбки. Две южные роты – ха-ха! Один ганта Корт со своим отрядом разделает их, если нападет внезапно.

Чара, встретив его, не стала расспрашивать – по лицу поняла, что все хорошо. Поговорить лучше позже, не у врага под носом. Сели на коней, двинулись к воротам. Уже вечерело, но еще вдоволь времени, чтобы покинуть Мелоранж и заночевать в степи под Звездой. Чтобы не привлекать внимания, ехали неспешно, глазели по сторонам, как и подобает приезжим в

большом городе. Спешились у лавки, купили еды в дорогу. Немного прошлись вдоль торговой улочки, поглядели, что продают ползуны. Одежда ли, посуда, домашняя утварь, женские штучки – все было какое-то пестрое, яркое, напоминало детские игрушки. Ради шутки Ней надел на голову спутницы розовую шляпку с лентами.

– Очень, очень хорошо! Красивая, как девочка!

Продавец захлопал в ладоши и дал Чаре зеркальце. Она негодуяще фыркнула и отшвырнула шляпку.

– Ай-ай-ай, нехорошо... Снова стала как мужчина...

Чара позлилась немного, но быстро успокоилась. Встала у посудного лотка, взяла медное блюдо, наполированное до блеска.

– Купи, хозяйка! Всю семью накормишь – детки счастливы, любимый счастлив!

Лучница на полном серьезе принялась разглядывать блюдо, водя по нему пальцем. Что это с нею?..

– Тут вот царапина, – сказала Чара.

– Быть не может! Весь товар сам проверял! Все гладкое, как кожа младенца!

Она отмахнулась от продавца и показала блюдо Нею:

– Гляди-ка. Вот здесь царапина, где палец...

Он увидел, на что указывала Чара. В полированном блюде отражалась улица с прохожими. Старикашка в мещанском сюртуке стоял у одежной лавки и смотрел не на товар, который перебирал руками, а на них, Спутников.

– И вот еще...

Парень на той стороне улицы. Этот искуснее: пялится не прямо, а через отражение в окне. Но тоже явный соглядатай.

– Нам не подходит, – бросил Ней и вернул блюдо.

Как на зло, прыгнуть в седла и ускакать нельзя: улица слишкомлюдна, коней можно только вести под уздцы. Чара поискала глазами какую-нибудь подворотню и постучала пальцами по поясу, на котором висел нож. Ней мотнул головой в знак запрета.

Пошли вдоль улицы. Он зашептал спутнице на ухо:

– Убивать нельзя. Поймут, что мы – разведчики.

– И что? Ускачем, нас не догонят.

– Я спрашивал о кораблях, мне сказали: Ливневый Лес. Если узнают, кто мы такие, сменят гавань.

– Лысый хвост! Что тогда делать?

– Я назваля торговцем, сказал: мой товар на складе в Ливневом Лесу. Спокойно уедем отсюда в сторону Ливневого. Шпионы доложат об этом хозяевам, подозрений не возникнет.

– Тогда не спеша к воротам?

– Нет. Вечер уже. Торговец и женщина на ночь глядя едут в степь – это странно. Лучше заночуем в гостинице, как обычные мещане. Утром поедем.

– Хм... Ладно.

Не торопясь, прошли улицу до конца, сели на лошадей, но двинули не рысью, а шагом. Спросили дорогу до хорошей гостиницы, поехали по указке. Сняли комнату – не лучшую, но и не дешевую, а достойную южного купца. Сытно поужинали, выпили, поболтали с людьми. Ней говорил с южным акцентом и не вызывал подозрений. Чара говором, цветом кожи, формой глаз походила на шаванку, но и это никого не удивляло. Покупная альтисса, что тут такого? Обычное дело для Шиммери. Кто-то из мужиков, подвыпив, даже стал выспрашивать у Нея, какова Чара в постели и где можно приобрести такую.

Старик-соглядатай разок забрел в таверну, для виду поклонился выпивки, нашел взглядом Спутников. Убедившись, что они сидят-пьют, никуда не собираются, вышел на улицу.

Позже Ней выглянул в окно и заметил его поодаль. Вторым шпион, наверное, стерег задний выход. Значит, точно ночевать в гостинице. Среди ночи никто, кроме воина, не выедет в степь.

В комнате легли на мягкую перину, положив под головы подушки в белых наволочках. Привычная к твердой земле Чара все не могла уснуть, ворочалась, ругалась шепотом. А Ней спал сладко, как никогда: казалось, только закрыл глаза – и уже утро.

Встали с рассветом, спустились в харчевню, встретили слугу.

– Чего изволите, господа?

Спутники пожелали квасу и седлать лошадей. Квас им налили, а с лошадьми вышла заминка. Слуга, уйдя в конюшню, вернулся перепуганный:

– Господа, ваш жеребец артачится, чуть руку мне не откусил. Очень прошу, господа, успокойте его...

– Который конь?

– Гнедой.

– Мой...

Чара вышла, Ней остался потягивать квас. Что-то было не так с этим слугой, нечто странное... Ней не мог понять, что именно. Больно уж крепко он спал, сладкая дрема все еще заполняла голову. Мысли еле ворочались... Крепко спал... А почему слуга не спал? Рассвет, пустая харчевня. Мог подремать. Какого хвоста он на ногах?

Когда Ней вбежал в конюшню, там было четверо мужчин. Один держал Чару, придавив к шее нож. Другой натягивал тетиву, целясь в грудь Нея. Третий сжимал топор, четвертый – меч.

– Брось оружие, парень, – сказал мечник.

– Беги, – рыкнула Чара.

Из оружия Ней имел только кинжал. Остальное спрятал в степи – странно выглядит торговец с мечом и луком. Но и кинжал – это немало. Прыгнуть к тому, что с топором, перекачаться. Лучник стрельнет – промажет. Полоснуть по ногам, топорщик упадет – заколоть. Лучник выстрелит снова – закрыться трупом, в ответ метнуть кинжал. Схватить топор, пойти на мечника... Шансы есть, и большие. Но тот, что держит Чару, поймет: дело плохо. Захочет бежать, а с Чарой не побежит – бросит, вспоров горло. Ней выживет, Чара погибнет, план Морана рухнет.

Или – сдать. Тогда, скорее всего, порешат обоих. Но есть шанс – крохотный, полногтя – спасти Чару, себя и план. Одна участь на двоих. Да, выбор ясен.

Ней заставил руку дрожать – на радость врагам. Двумя пальцами вытащил трясущийся кинжал, бросил на пол. Проблеял, чуть не плача:

– Добрые, славные разбойники!.. Я – успешный торговец, дружу с деньгами... Не делайте нам больно, я хорошо заплачу...

Мечник подошел к нему и ударил стальным навершием по затылку.

Искра – 2

Фаунтерра

Нельзя не признать: после коронации жизнь Минервы сделалась терпимей.

Исчезла бешеная спешка: срочно готовиться, наряжаться, короноваться – скорее, скорее, ради мира в стране! Теперь, кажется, мир. И корона, вроде бы, на голове. Куда спешить?

Пропал океанский вал заданий, что накатывал и захлестывал с головой. Причем каждое из них было совершенно бесполезно, но упаси Праматерь не сделать хоть одно! Нарушатся традиции, сорвется коронация, пошатнется Империя, полетят головы!.. Мира помнила, как просыпалась ночью в холодном поту от ужаса и начинала зубрить стихи парадной молитвы – ведь страшно представить, что будет, ошибись она хоть в одном слове!

Теперь и это позади. Дела, конечно, остались, и, разумеется, они были столь же бесполезны. Правление Миры сводилось к присутствию в различных местах: на трапезах, открытых приемах, праздничных молитвах, награждениях, вступлениях чиновников в должность. Вмешательства во что-либо от владычицы не требовалось, нужно было лишь появиться, важно кивнуть в подходящий момент, сдержанно похвалить кого-нибудь. Деревянный манекен легко справился бы с должностью владычицы, если бы некий колдун заставил деревяшку говорить комплименты.

Но очень радовало то, что теперь число дел пошло на убыль. Каждый день Мира вполне успевала побывать всюду, где нужно, и сохранить вечер свободным. Редко кто теперь говорил жуткую фразу: «Ваше величество должны...» Каждое утро ей подавали график, из коего ясно следовал план на день. Мира выполняла его, и никто не требовал большего. Казалось, кто-то – секретариат или сам лорд-канцлер – так дозирует поток дел, чтобы владычица все успевала, но не имела излишков свободного времени.

Миру это устраивало. Устраивали планы на день: выполняя их, она чувствовала гордость – пускай мишурную, картонную, но хоть какую-то. Устраивали переодевания и причесывания: всякий раз, как становилось скучно, один из секретарей развлекал ее чтением вслух. Радовали трапезы: было много вкусных сладостей, и она всегда велела подавать десерт как можно раньше. Своя прелесть имела и в протоколах, руководящих всею дворцовой жизнью. Они отнимали свободу, а со свободой вместе – и ответственность, необходимость решений, мучительные сомнения. В чем сомневаться, зачем решать? Достаточно просто заглянуть в дневной распорядок...

Радовало Миру даже одиночество. Ведь большинство народу вокруг – серая масса, винтики машины, о чем с ними общаться? Редкие живые люди – враждебны либо просто неприятны. Ориджин с его вассалами, Лабелины, Нортвуды, Аланис Альмера – век бы их не видеть. Была еще крохотная горстка старых друзей – Итан, лейтенант Шаттэрхенд с лазурными рыцарями. Почему-то теперь Мира сторонилась их. Пожалуй, потому, что в абсолютном одиночестве есть поэтическая красота, величие трагизма. А вот императрица с десятком воинов смотритя попросту жалко. Мира сама составила бумаги – свои единственные указы о назначениях. Итан сделался главой выездного отдела секретариата, Шаттэрхенд обрел чин капитана и командование лазурной ротой. Оба получили повышения и большие жалования, однако Итан теперь вовсе не попадался на глаза Мире, поскольку покинул столицу, а Шаттэрхенд сопровождал владычицу лишь в особо важные моменты, уступая повседневную вахту более низким чинам.

Порою мелькала шальная мысль, что не любовь к одиночеству причиной этому поступку, а главным образом – стыд. Трудно смотреть в глаза тем редким союзникам, кто берег ее как зеницу ока, возлагал на нее надежды, а теперь видит на троне говорящую куклу... И от этой мысли, как от искры, загорелась другая: нужно что-то поменять. Вникнуть в настоящие дела,

взять в руки хоть кусочек власти, обрести хоть долю реального влияния. Но эта мысль тут же разбивалась о неподъемную, несокрушимую громаду государственной машины. Она – как искровой тягач, а Мира – как испуганный котенок на шпалах. Даже герцог Ориджин, штурмом взявший дворец, не развалил эту машину. Едва кончилась война, колесики вновь закрутились ровно так же, как раньше, с прежней убийственной четкостью. Так что может сделать восемнадцатилетняя девчонка?..

Зато теперь она знала, ради чего проживает день за днем: ради вечеров. Они наполняли ее теплом и радостью, как и тогда, в ночь после коронации.

Быстро уловив вкусы ее величества, слуги поставляли каждый день новый сорт вина, либо чего-нибудь покрепче. Каждый напиток был по-своему великолепен, не зря же удостоился места в императорской коллекции. Мира с полудня начинала фантазировать о вкусе нынешнего вечера, и никогда не разочаровывалась. Приправую к вину служили насмешки над абсурдами прошедшего дня – Мира ни с кем не делилась остроумием, бережно хранила весь сарказм для вечера наедине с собой. Еще было чтение: слащавое, отупляющее, безо всякого проблеска мысли, зато очень забавное – отличная мишень для шуток. Еще – самоуничтожение или самолюбование в некоем балансе. Уважая точность, Мира даже высчитала нужную пропорцию: пять издевок над собою к двум похвалам.

Та мерзкая мыслишка, что днем говорила о стыде перед союзниками, вечерами снова приходила на ум. Не только стыд, но и бегство. Ты спряталась за своей печалью, за одиночеством, за бессилием. Спряталась в кубке вина, как мышь в норе. Что скажешь, императрица?

Мира пропускала это мимо мысленного слуха. Она все больше овладевала дивным искусством: не думать лишнего.

На третьей неделе после коронации в ее приемную явился неожиданный человек. Генерал Алексис Смайл – уродливый, изрытый оспинами, еще и с черной тоскою в глазах. Зато – в безупречном парадном мундире, при наградной шпаге.

– Ваше величество...

Серебряный Лис отчего-то замялся, и Мира подумала: а ведь его не было на коронации. И потом при дворе не появлялся ни разу. Она знала, что оставшиеся войска Лиса перебазированы в пригороды. Сама же подписала приказ, состряпанный Ориджином.

Зачем он пришел, интересно? Проиграл решающую битву, потерял три четверти армии, а теперь вот пришел...

– Говорите, генерал.

– После коронации искровое войско присягает на верность новому правителю. Ваше величество должны принять присягу у моих полков.

А зачем? Еще один фарс...

– Этого нет в моих планах на сегодня.

– Планы вашего величества составляют слуги лорда-канцлера, а они препятствуют мне изо всех сил. Стоило больших трудов попасть к вам на прием. Я сумел встретиться с генерал-полковником Стэтхемом, он оказал мне долю уважения как... – генерал сглотнул, – ...разбитому противнику. Лишь благодаря милости бывшего врага я стою перед вами.

– Стэтхем нарушил дворцовый протокол. Ему не следовало этого делать.

– Ваше величество, примите присягу ваших верных воинов. Ни о чем больше не прошу.

Дело идет к вечеру, на улице мороз, а полки эти – в пяти милях от дворца... Ехать куда-то, мерзнуть... Зачем? Ради пустых слов, которые ничего не стоят? Я согласна играть комедию в тепле и сытости, но на морозе – увольте. Да и скоро вечер... Мой вечер!

– Генерал, обратитесь в секретариат. Вашу просьбу запишут в протокол и внесут в мои планы.

– Ваше величество... – военный покачал седой головой и не нашел, что еще сказать.

– Имеете другие вопросы?

– Никак нет... – он поклонился. – Служу Янмэй Милосердной.

Развернулся на каблуках и зашагал к двери. А тот ехидный внутренний голос сказал: ставь кавычки, Минерва. Только что ты говорила от лица государственной машины. Не при-
творайся человеком. Бери слова в кавычки.

Мира ощутила, как от стыда загораются щеки.

– Генерал, постойте. Простите меня. Я еду с вами.

Внеплановый выезд из дворца вызвал замешательство среди машинных шестеренок. Командир караула, оба секретаря, церемониймейстер и помощник министра двора один за другим заявили протест: «Ваше величество не должны...» Но открыто задержать ее никто не посмел. Карета императрицы промчала по Дворцовому мосту в сопровождении наспех поднятого лазурного конвоя.

Час дороги до казарм Мира спрашивала себя: зачем я еду? И находила лишь один ответ: для очистки совести. Чтобы не пришлось потом вписать бездушие в длинный реестр своих недостатков. Иных причин для поездки не имелось. Присяга – точно такая же формальность, как все прочие дела императрицы. Конечно, лорд-канцлер уже запланировал присягу в своем графике, и устроит ее, согласно традиции, прямо на Дворцовом острове. Мире достаточно было подождать – и полки пришли бы к ней сами... Но нет, она мчится за город по морозу, откладывает ужин и начало вечера, а что самое скверное – даже не догадалась прихватить с собой вина. И все потому лишь, что ее попросил никчемный солдафон, проигравший войну. Глупо, Минерва. Не царственный поступок.

Однако час миновал, и вот она стояла на плацу спиной к казармам, а перед нею маячило императорское искровое войско. Точнее – его остатки: неполных три полка из бывших когда-то пятнадцати. Зимой легендарная алая пехота выглядит до смешного невзрачно: бурые телогрейки, темные плащи, красные – лишь нашивки на рукавах, да еще поблескивают кровью очи в копьях, остриями торчащих в небо. Армия выстроилась тремя большими квадратами: впереди каждого – гвардейские роты под гербовыми знаменами, за ними искровая пехота, в тылу стрелки, по флангам узкими колоннами легкая кавалерия. Из глоток солдат взлетают облачка пара, кони всхрапывают, переминаясь с ноги на ногу.

Мира взошла на помост, за нею стеной встала четверка лазурных рыцарей. Знаменосец поднял на мачту личный императорский вымпел, горнист протрубил сигнал. Войско затихло, окаменело, уставилось на владычицу тысячами глаз. Мира осознала: она понятия не имеет, что делать. Как же плохо без протокола! Когда его нет, все идет кривь и вкось. Что теперь говорить? Откуда солдаты вообще узнали, что нужно построиться? Серебряный Лис послал вперед вестового?..

– Как это делается, генерал? – тихо спросила Мира.

– Ваше величество могут не утруждаться словами. Я отдам приказ, полки зачитают присягу: сперва офицеры, а рядовые за ними повторят. Потом все отсалютуют и трижды крикнут: «Слава Янмэй». Вам стоит ответить: «Служите верно». Больше ничего.

Ну, конечно. И как сама не догадалась? Ничего не делать, молчать с величавым видом. Этим навыком я уже овладела.

Мира кивнула, соглашаясь. Генерал почему-то не отдал приказа: глядел на нее и ждал. Чего? Наверное, нужно сказать: «Начинайте?»

Она открыла рот, чтобы выронить слово, – но не смогла. Странное чувство сбило ее. Чем-то особенным, непривычным дышала эта минута. Нерешительность генерала, хмурые солдатские телогрейки, могильная тишина над плацем – даже кони забыли шевелиться... Все по-особому. Не так, как должно.

Мира присмотрелась к лицам солдат. Скользнула взглядом: один, другой, четвертый, двадцатый... На каждом будто лежит отметина: усталость ли, траур, горечь – не понять... Но в любом случае не то, что следует. Мира ждала увидеть тысячи молодцеватых болванов – ведь так положено по протоколу.

Вопрос сам собой вылетел изо рта:

– Что с ними, генерал?

– Ваше величество знают. Эти полки понесли тяжелые потери, которые до сих пор не восполнены. Потому подразделения построены неполным составом.

– Я не об этом... Солдаты выглядят... правдиво.

Звучало глупо, но Мира не смогла найти иного слова. Правдиво – именно так.

– Воины помнят, что ваше величество сделали для них.

Предала? Забыла об их существовании? Краска бросилась в лицо.

– И что... я сделала?

– Ваше величество знают: рискнули собой ради их спасения. В одиночку пошли на переговоры к мятежнику, чтобы заключить мир. Не сделайте вы этого, началась бы безнадежная битва. Большинство моих солдат легло бы в могилы.

Мира захлопала ресницами. Такого точно нет в протоколе! Генерал не должен был говорить этих слов. Солдаты не должны так думать. Все это – не по правилам!

– Воины!.. – крикнула Мира и осеклась. Она хотела переубедить их. Сказать: все чушь. Сказать: забудьте. Заорать: присяга – формальность, разве вы не видите? Все вокруг – театр, не верьте ничему, не будьте дураками!

– Воины!.. Я...

Что же ты скажешь, Минерва? Я – марионетка лорда-канцлера, вашего врага? Я – безвольная пьяница? Я ничего для вас не сделала, я кукла, не верьте мне, не смотрите так, будто я что-то значу?

Нет, не то. Близко, но не в точку.

– Верные воины Короны!.. Я, ваша императрица...

Снова осеклась.

А солдаты ждали продолжения. Ловили каждое слово. Даже белые облачка выдохов стали реже.

Я не хочу нести за вас ответственность!!! Вот оно! В яблочко, Минерва. Умница.

Она глубоко вздохнула. Сглотнула комок, судорожным кашлем прочистила горло.

– Воины Короны. Вы бились за Адриана. Я буду до смерти благодарна вам. Вы сделали для меня больше, чем кто-либо. Вы сражались за Адриана.

И я недостойна принимать у вас присягу. Вот еще один факт для этой правдивой минуты.

– Для меня честь – говорить с вами. Вы – гордость Империи. И я хочу...

...прикинуться чем-то вроде настоящей владычицы? Не опозориться сильнее, чем уже успела?

– Я хочу принять присягу отдельно у каждой роты, чтобы увидеть все ваши лица.

Обернувшись к генералу, она запоздало спросила:

– Это можно устроить?.. Так делается?..

– Вы – государыня, – ответил Серебряный Лис. – Только прикажите.

Церемония затянулась на несколько часов. Чтобы не держать солдат на морозе, Мира распустила два полка, оставив на плацу лишь один. Рота за ротой выстраивались перед нею и произносили слова присяги. Затем то же проделал второй полк, за ним – третий. Рано стемнело. Выполняя приказ владычицы – «Хочу увидеть все ваши лица» – факельщики шагали перед строем, освещая солдат. Смотрелось глупо, но и торжественно до дрожи. Пятно света выхватывало лица одно за другим, поочередно. Слитная масса войска распадалась на отдель-

ных людей – живых, уставших от войны, потрясенных и раздавленных поражением. Миру терзал стыд. За то, что мучает солдат, затягивая ритуал. За то, что так молода и ничего не видела в жизни, особенно – в сравнении с этими людьми. Даже за то, что мерзнет, стуча зубами, и думает не столько о присяге, сколько о горячем вине и теплой постели. Стыда она хлебнула полной ложкой.

Мира не смела надеяться, что солдатам пришлось по душе ее выходка. Однако генерал, как ни странно, выглядел довольным. Когда церемония окончилась, сказал:

– Благодарю, ваше величество, – хотя никакие протоколы не требовали от него слов благодарности.

Мира спросила – больше из вежливости:

– Скольких людей не хватает?

– Каждого шестого. По факту, ваше величество, у меня не три полка, а только пять батальонов.

– Очень печально...

– Да, ваше величество.

– А что с другими частями? Корпус генерала Гора?

Серебряный Лис, кажется, хотел сплюнуть под ноги, но удержался и только чмокнул губами.

– Генерал Гор заключил сделку с лордом-канцлером. Теперь назначен верховным главнокомандующим армии Земель Короны, и я должен ему подчиняться. Два полка его корпуса стоят на южной околице Фаунтерры, таким образом, чтобы никогда не контактировать с моими людьми. Зато герцог Ориджин или кто-то из его вассалов через день устраивают смотр солдатам Гора. Искровиков приучают подчиняться кайрам.

– А генерал Уильям Дейви?

– Он до сих пор в Мелоранже со своим единственным полком. По правде, ваше величество, мои пять батальонов – все, что у вас есть.

Мира не смогла скрыть выражение лица, и генерал хмуро кивнул:

– Да, ваше величество, это ничто. Мы не выдержим ни единого боя против войск лорда-канцлера. И нет среди моих парней такого, кто не молился бы, чтобы вы как можно дольше хранили мир с Агатой. Но, что бы ни случилось, мы есть у вас.

Этой ночью Мира особенно тщательно глушила мысли вином. «Мы есть у вас... Воины помнят, что вы для них сделали...» Я ничего не решаю. От меня ничто не зависит. У меня никого нет. Я одна в красивой и блаженной печали!

К моменту, когда ноги стали ватными, а в глазах начало двоиться, Мира почти смогла убедить себя в этом. Да, присяга – фарс, пустая формальность. А если и нет, то пять батальонов абсолютно ничего не меняют. И сам генерал сказал: «Солдаты молятся, чтобы я хранила мир». Это я и делаю, не так ли? Я прекратила войну, разве этого мало? Чего еще можно хотеть от восемнадцатилетней девушки?

Мира уснула, почти успокоившись.

А утром даже сквозь похмелье почувствовала: что-то в ее душе встало наперекосяк. Что-то мешает, будто гвоздь, вколоченный в грудь.

* * *

Герцог опоздал на тридцать минут. Мира вызвала на шесть, он явился в половине седьмого. Стоило бы отчитать и отослать его, а вызвать в другой день. Но тогда придется снова лицезреть его агатовскую ухмылочку. Лучше уж поговорить сегодня.

– Вам следует объясниться, милорд.

– Нижайше прошу простить, ваше величество, – ни следа раскаяния в голосе. – Меня задержало очень радостное событие. Надеюсь, оно порадует и вас: моя сестра едет в столицу.

– Леди Иона прибыла в Фаунтерру?

– Из-за сильной непогоды в Южном Пути сестра не успела на коронацию, о чем невероятно сожалеет. Но сейчас она в землях Короны. Прислала весточку из Излучины, за несколько дней будет в столице и выскажет вам свои поздравления.

– Я приму их, милорд. Однако я позвала вас не затем, чтобы обсуждать леди Иону.

– Да?.. – герцог округлил глаза в деланном удивлении. – Что же еще достойно обсуждения?

– Вопросы власти, милорд. Государственные дела.

Ориджин хмыкнул.

– Коль так, ваше величество, не предложите ли сесть? Никак невозможно стоя обсуждать вопросы власти.

Она не предложила, он сам отодвинул кресло и уселся. Не лицом к Мире, а вполоборота – этак расслабленно, по-хозяйски.

– Какой конкретно вопрос волнует ваше величество?

– Не какой-то конкретный, милорд, а все вопросы в целом. Точнее – ваш подход к их решению.

Герцог невинно пожал плечами:

– Мой подход в том, что вопросы решаются, не так ли? И без малейшего беспокойства с вашей стороны.

– Именно это меня волнует. Вопреки нашим договоренностям, вопреки данному слову лорда, вы устранили меня от управления Империей. Ваши люди забрасывают меня пустыми и малозначимыми делами, в то время как существенные решения принимаются без моего ведома.

– Рискну отметить, что ваше величество неправы. Ваши подписи стоят подо всеми весомыми указами: назначения высших чиновников, передислокация войск, организация восстановительных работ в столице, оповещение лордов о новом созыве Палаты Представителей, выделение средств госпиталиям и выходных пособий ветеранам войны – каждый документ завизирован вами.

Мира досадливо поморщилась. Да, все верно: ей подсовывали бумаги – она подписывала.

– Ваши люди не дали мне времени как следует ознакомиться с документами.

– О, простите им такую поспешность! Они лишь стараются как можно быстрее выполнять свою работу.

– И, что гораздо хуже, я не владею нужными сведениями, чтобы принимать решения. Вы назначаете людей, которых я не знаю. Как понять, достойны ли они должностей? Вы выделяете три тысячи эфесов на ремонт мостов и набережной. Как понять, много это или мало? Да и есть ли в казне эти три тысячи? Я не видела бюджета Империи, финансовых отчетов, состояния казны! Вся значимая информация скрывается от меня! Зато меня пичкают эскизами платьев, значениями парфюмов, тонкостями церемоний, протоколами, ритуалами!

Герцог лукаво улыбнулся:

– И ваше величество прекрасно справляется с этими тонкостями. Коронация прошла великолепно, все гости тронуты вашей душевностью. «Голос Короны» написал о вас: «Императрица Минерва – подлинное воплощение милосердия и благородства. Она послана Праматерью Янмэй как лекарство, что исцелит тяжкие раны, нанесенные стране войною». Красиво, правда? Очерк составил придворный комментатор, искренне восхищенный вашим величеством. Разумеется, я проверил и утвердил текст перед выпуском в печать...

Мире стоило труда сохранить спокойствие и продолжить ровным твердым голосом:

– Милорд, я прекрасно понимаю, зачем все это делается. Вы отвлекаете мое внимание, тратите мое время и силы на мишуру, чтобы я не мешала вам захватывать власть. Я осознаю важность коронации, однако теперь она позади. Больше нет причин держать меня в стороне от государственных дел. Я желаю знать все, что знаете вы. И требую участия во всех решениях, которые вы принимаете.

Столь жестко высказанная позиция ничуть не смутила герцога.

– С удовольствием, ваше величество. Вот как раз сейчас меня заботят три вопроса. Думаемся, мы успеем обсудить их до ужина.

– Сейчас?.. – поразилась Мира. Неужели так просто?!

– Вы возражаете? Можем отложить на удобное вам время...

– Нет, милорд, извольте сейчас.

– Как прикажете, ваше величество. Вот первый вопрос. К великой печали, при осаде погиб мой славный кузен – Деймон Ориджин. На его старшего брата, Роберта Ориджина, смерть Деймона произвела тяжкое впечатление. Роберт – бесстрашный кайр, опытный полководец, герой войны – пришел ко мне и попросил отставки, так он был опечален. Роберт сказал: «У моего отца было трое сыновей, я – последний из них, кто все еще жив. Мне необходимо обзавестись потомством, ведь без этого наша ветвь прервется. Потому, Эрвин, как ни горько говорить это, но я хочу отложить меч и зажечь мирной жизнью. Я готов верой и правдой служить тебе в любой должности, но только не военной». Так сказал мне Роберт Ориджин.

– К чему вы ведете, милорд? Снова пытаетесь свернуть в сторону?

– Мой кузен Роберт, к вашему сведению, шесть лет прослужил казначеем в Первой Зиме. Надо заметить, все это время Первая Зима беднела, а казна пустела, поскольку Роберт не имел понятия о том, как ее наполнять. Но за шесть лет не было украдено ни единой агатки – в этом я ручаюсь. А имперская казна в данный момент не имеет головы. Верховный казначей еще при осаде бежал в неизвестном направлении, распахав по карманам несколько дюжин векселей по тысяче эфесов каждый. Полиция ищет его – пока безуспешно. Заместитель казначея также бежал, но был настолько глуп, что взял не векселя, а сундучок золота. Его с этим сундучком арестовали на станции люди Бэкфилда, но вот незадача: заместитель предстал перед судом, а сундучок куда-то исчез из числа улики. Был – и не стало... Теперь, ваше величество, мы подходим к сути вопроса. Пятеро чиновников имперского казначейства наперебой просят занять место начальника. Нет причин верить, что они будут хоть каплю надежнее прежнего главы. Зато они – мастера финансов, ведут учет, знают бюджет Империи, как свои пять пальцев, смогут составлять для вашего величества понятные отчеты. С другой стороны, есть мой кузен, ничего не знающий об имперском бюджете и верящий, что доходы казны – дело Праматерей, а не смертных. Да и ваше величество наверняка против его кандидатуры: ведь Роберт – мой ставленник. Зато он – честнейший человек, ему я доверил бы и миллиард эфесов. Что посоветуете, ваше величество? Быть может, у вас имеется подходящий казначей на примете?

Мира опешила. Желая скрыть замешательство, сказала:

– Я должна обдумать это, милорд. Пока изложите второй и третий вопросы.

– Извольте, вопрос второй. Есть при дворе некий господин Дрейфус Борн. Вы видели его не раз, но вряд ли обратили внимание: круглый щекастый человечек в дорогом камзоле. Меж тем, при владыке Адриане – мир его душе – Дрейфус Борн был очень важной птицей: руководил налоговой службой. То есть, пропускал через свои руки больше трети всех поступлений в казну Империи. Сбор податей – дело крайне непростое. Налоговая служба – это своего рода пирамида. Крестьяне, ремесленники и торговцы платят подать рядовым сборщикам, изо всех сил стараясь недоплатить. Рядовые сдают выручку уездным сборщикам, но часть прикарманивают. Уездные переправляют доходы окружным, но занижают числа в отчетах, а разницу оставляют себе. Окружные отчитываются перед столичным ведомством и делят с ним свою часть пирога. Только то, что осталось после всех этих махинаций, поступает в имперскую

казну. Легко видеть, задача управителя налогов – так надавить на нижние ступени пирамиды, чтобы до казны добралась сколько-нибудь заметная сумма денег. И Дрейфус Борн настолько владеет данным искусством, что даже не потрудился бежать из столицы. Он был абсолютно уверен, что пригодится любому государю, кто бы ни занял престол. Сразу после коронации Борн пришел ко мне и сказал с бесстыдной прямоотой: «Лорд-канцлер, я – мастер своего дела. Гарантирую, что казна будет получать миллион золотых налогов в год, и ни агаткой меньше. Но ни ваша светлость, ни ее величество не станут вникать в подробности моей службы и требовать детальных отчетов». Иными словами, мы не узнаем, сколько сотен тысяч крадут сборщики налогов, и смирился с этим фактом. Зато получим миллион в год – исправно, как по часам. Хорошее ли предложение? Что скажет ваше величество?

– Какая мерзость! – не сдержалась Мира.

– Полностью согласен с вами. Первым моим желанием было заколоть Борна на месте. Но вот вопрос: нет ли у вас на примете опытного мастера сбора налогов? А если есть, то справится ли он? Деньги раскрадут еще в округах, и глава столичного ведомства окажется бессилён. А деньги, простите, сейчас нужны больше, чем справедливость.

Мира вновь предпочла уйти от ответа.

– Что за третий вопрос, милорд?

– Х-хе! Третий вопрос особенно щекотлив, ибо касается нас с вами лично. Видите ли, майор Бэкфилд так старался выжить меня из дворца, что вербовал воинов повсюду, в том числе и в полиции. Шериф отказывался лезть под мои мечи: мол, полиция борется с преступностью, а Ориджин хоть и враг, но не преступник. Тогда Бэкфилд сумел договориться с верховным судом, и тот срочно вынес мне приговор. А заодно – не поверите – вам также! Я приговорен к сожжению, а ваше величество – к вырыванию языка и обезглавливанию. Приговоры до сих пор в силе, что порождает абсурдный казус: высший суд Полари подчиняется императрице и лорду-канцлеру, которых сам же осудил на смерть.

– Пускай суд отменит приговоры.

– Во-первых, смена решения подорвет доверие к суду. Во-вторых, мне в принципе не нравятся эти судьи. Ладно, я – мятежник... Но вы-то ни в чем не виноваты, и не были в сговоре со мною, и Адриан даже не думал вас казнить. Только полный кретин не понял бы этого, а зачем Империи верховный суд, состоящий из кретинов?

– Тогда переназначим состав суда.

– Это повредит нашей репутации. Верховный суд – единственный орган власти, оставшийся нерушимым после войны. Судьи занимают места уже много лет, среди них пятеро янм-эйцев, лорды и чиновники уважают их. Если мы спешно назначим других судей, то уважение рухнет. Каждый приговор нового суда будет порочить не осужденного, а нас с вами.

Мира нахмурилась, потирая виски.

– Лорд-канцлер, вы же и не думали советоваться со мною. Вы изложили вопросы лишь для того, чтобы отпугнуть меня их сложностью.

– О, нет! Я имел целью показать вам: чтобы править, нужно иметь влияние и доверие подданных, которого у вас нет. Нужны преданные люди, которых вы также не имеете. Наконец, требуется опыт, а вам недостает и его. Зато вы прекрасно умеете производить впечатление. Видя вас, подданные верят в благородное великодушное милостивое дворянство, – то есть, в ту сказку, в какую и должен верить народ. Так делайте же то, к чему талант у вашего величества, и не...

– Не суйте нос в чужие дела? Вы об этом, милорд?

– Что вы! Никогда не посмел бы сказать подобное владычице Полари! Я хотел лишь просить вас побережь цвет лица и нервы. Политические дела бывают слишком грязны и болезненны для человека с тонкой душой.

– Не смейте указывать мне, лорд-канцлер!

– Ни в коем случае, ваше величество! Не указываю, а ограждаю вас от тягот и печалей. Забочусь о вас, как и моя леди-сестра Иона. К слову, она беспокоилась о вашем здоровье. Не пора ли нам выйти к ужину? Согласно заветам Сюзен, трапеза около полуночи крайне губительна для фигуры...

* * *

Этой ночью, оставшись наедине с собой, Мира положила на стол чистый лист бумаги и начала составлять план. Что действительно хорошо в дворцовых традициях – так это планы и графики. Они очень полезны.

Конечный пункт своего плана – самую отдаленную, заветную мечту – Мира знала еще в день смерти владыки. Найти преступников с Перстами. Сурово покарать всех, кто посеял смуту. Продолжить реформы Адриана.

Но это – в дальнем туманном будущем. А что прежде? Очевидно, установить реальную власть в Империи. А как? Придется вступить в соперничество с лордом-канцлером – и выиграть. А это как сделать? У лорда-канцлера – лучшее войско в мире, громкая слава, верные вассалы, друзья, союзники; к тому же, политический и военный опыт. У Миры – ничего, кроме ума. Как выиграть? Что вписать более ранними пунктами плана?

Она улыбнулась, подумав: хорошо, что герцог сам помог мне. Он так упивался своим превосходством, что и не заметил, как дал мне урок. Чтобы выиграть, нужно быстро учиться. Если враг дает уроки – я буду учиться и у врага.

Ориджин хотел ошеломить меня сложными проблемами и выбрал те, что волнуют его самого. Теперь я знаю, в чем его слабости. Герцогу недостает верных и честных людей в столице – значит, у меня они будут. Герцога волнует репутация, он хочет смыть с себя пятно мятежа – значит, я сумею это использовать. Люди герцога не умеют зарабатывать деньги – это лучшая новость из всех. Великий Дом Ориджин бессилен перед нищетой. Прекрасно, значит, в этом я буду сильнее. Чтобы выиграть, нужно учиться. Лучше всего учиться тому, чего не умеет соперник.

А теперь – план.

Мира смочила перо чернилами и стала записывать план в том порядке, в каком представляла его: начиная с последних пунктов.

- Продолжить реформы Адриана.
- Найти Персты Вильгельма, наказать инициаторов смуты.
- Поставить на место лорда-канцлера и установить...

Чем ближе к началу плана, тем сложнее становилось формулировать пункты. Далекие сияющие вершины виделись хорошо, но с чего начинать? Дорога в тысячу миль начинается с одного шага... но какого?

Наконец, она поняла ответ и вписала третий пункт плана, затем второй, затем и первый.

Перечла то, что получилось. Вставила пункт 4.5, которого явно не хватало. Добавила ремарку к пункту 7. Вышло следующее.

1. Выпить кофе.
2. Одиночество, самоуничтожение, любование тоской отложить до лучших времен.
3. Заменить ближайших слуг: люди вместо шестеренок.
4. Найти источники знаний: учителей, документы, книги.
- 4.5. Выпить очень много кофе.
5. Разобраться в политике, государственном устройстве, финансах и законодательстве Империи. Всего-то.
6. Найти преданных людей, назначить на нужные посты.

7. С лихвой наполнить казну.

* Понять бы, как.

8. Создать репутацию великой владычицы. Говорите, я умею производить впечатление?..

Согласна, умею.

9. Привлечь союзников из лордов, чиновников, военачальников.

10. Восстановить искровое войско.

11. Наказать Сибил Нортвуд и Мартина Шейланда.

12. Отобрать власть у лорда-канцлера.

13. Вернуть достояние Династии, найти Персты Вильгельма, казнить зачинщиков смуты.

14. Возобновить реформы Адриана.

Мира поняла, что план выглядит незавершенным, в конце списка кое-чего недостает. И она дописала:

15. Вернуться к тоске и самоуничижению.

Теперь план идеален, без изъянов. Запомнив его дословно, Минерва сожгла лист.

Раскрыла любовный роман, позвонила в колокольчик, капризным тоном потребовала вина. Пускай шпионы лорда-канцлера не сразу заметят перемену.

Перо – 1

Фаунтерра

Одному человеку нелегко жилось в горном селе. Он пришел в церковь и спросил священника:

– Отчего Праматери мне не помогают?

Святой отец дал ответ:

– Оттого, что тебе недостает веры.

Человек подумал и сказал:

– Не одолжите ли мне, отче, свою веру? Пару деньков ею попользуюсь, вымолю помощи у Праматерей, и сразу же верну.

Священник прогнал его, выбравив за глупость.

Человек взял денег и подался в монастырь, что стоял неподалеку. Пришел к аббату, сказал:

– Ваше преподобие, священник в нашем селе – мошенник и плут. Я просил у него веры взаймы, а он не дал и выбранил последними словами. Вот я и понял: не имеет он никакой веры, а только похваляется.

– Зачем же ты пришел ко мне? – удивился аббат.

– Я собрал вот немного денег и прошу: продайте мне веры, ваше преподобие! Без веры не жизнь – не помогают Праматери!

Аббат ответил:

– Вера не продается и не покупается. Нужно самому верить. Если веры не имеешь, то нигде и не купишь!

Человек вернулся домой, распродал соседям все, что имел, собрал целый кошель денег и с ним пошел аж в Первую Зиму, к епископу. С трудом попал на прием и сказал:

– Ваше преосвященство, спасите меня. Священник в моем селе – обманщик и плут, аббат в монастыре – тоже не лучшие. Оба говорят: нужно иметь веру. Просил одолжить мне веры – прогнали. Просил продать – тоже ни в какую. Выходит, сами не имеют ни крошки этой веры, а только людей поучают!

Епископ покачал седой головой и сказал:

– Да, непростое у тебя дело. Но скажи, чего от меня-то хочешь?

Человек положил на стол кошель с деньгами:

– Ваше преосвященство, я точно знаю: у вас-то веры полным полно, на целый город хватит. А я много не прошу – лишь горстку-другую. Без нее-то совсем погибаю, никакой помощи от Праматерей. Возьмите вот этот кошель на нужды храма, а мне дайте веры, сколько вам не жалко!

Епископ строго ему ответил:

– Моя вера – штука дорогая. За нее страданием, опытом и мудростью плачено. Что твои монеты в сравнении с такой ценою? Забирай свой кошель и ступай. Тебе не хватит денег и на унцию веры!

Пригорюнился человек, поник головою и побрел прочь, бормоча под нос:

– Нигде правды нет. Всюду или плуты, или скряги...

Епископ же посмотрел ему вслед, подозвал юношу, который зажигал в храме свечи, и шепнул мальцу пару слов.

Под вечер юноша разыскал человека из села и сказал:

– За глаорию покажу тебе, где епископ прячет веру.

Человек удивился:

– А зачем оно мне?

– *Проберешься в собор и украдешь пару горстей. У епископа ее, веры, целый сундук. Он не заметит пропажи, если взять немного.*

Человек сперва отказался: красть из храма – большой грех! А потом подумал: у епископа целый сундук веры, но для крестьянина даже унции пожалел. Экий скряга! Проняла человека обида, и он согласился, дал мальчишке глаголю. Тот повел его в собор, завел по лестнице на хоры и показал громадный сундучище. Человек поковырял гвоздем в замке и отпер. Ничего особого он не увидел, но и не удивился: всякий знает, что вера невидима для глаза. Так что он осторожно зачерпнул горсть и прижал к своей груди, чтобы вера впиталась в сердце. Подумал, зачерпнул еще полгорсточки и прижал ко лбу, чтобы и в голову попало. Тогда захлопнул сундук и убежал из храма.

С тех пор Праматери всегда ему помогали.

Имени Деда Марк не знал. Когда впервые увидал его, то представился:

– Я – Марк Фрида Стенли. Раньше звался Вороном Короны... а теперь, пожалуй, стану просто Вороном.

Дед пригладил седые усы и ответил:

– Ты прав, Ворон. Имя нужно выбирать с умом.

Марк спросил:

– А тебя как зовут?

– Да по-всякому, – был ответ, – хотя бы парнем.

– Не обижайся, парень, – сказал Марк, – но ты больше на деда похож.

– Тогда зови Дедом, – согласился седой.

Дед любил играть на дудке. Не обычной, а особой: прикладывал ее боком, водил вдоль губ туда-сюда и дул в разные отверстия, закатив глаза. Дудка издавала звуки, похожие на песню ветра, сквозь которую пробивался то шум дождя, то овечье бляенье, то женский плач. Дед играл в разное время, и неважно было, слышит ли кто.

Марк спросил:

– Тебе что, с дудкой лучше думается?

Дед ответил:

– Это не дудка, а чимбук – инструмент горных пастухов.

Кроме игры на чимбуке, Дед любил рассказывать истории. Всякие: про крестьян и епископов, моряков и воинов, старух и младенцев. Знал он их несчетное множество, и в любой момент – даже совсем для того не подходящий – мог пуститься в рассказ.

К примеру, однажды Марк загрузил. Пил на подоконнике, а снаружи шел снег. Не такой, чтобы пурга или метелица, а вялый и редкий, как волосы старухи. За снегом – та сторона улицы. Чье-то окно, размалеванное красками в честь нового года. Барашек, звездочка, конфетка, детская мордашка, а надо всем прилеплена дурацкая корона из фольги – видать, ко дню коронации. Один зубец отлепился и болтается на ветру: шлеп... шлеп... шлеп... Почему-то очень тошно сделалось – накатило. Марк спросил:

– Долго мы тут еще просидим?

И Дед ни с того ни с сего выложил:

– Джек-плотник очень любил поспать после обеда. Жена его за это пилила: не спи, а работай, деньги в дом неси! Но он все равно спал. Жена поставила в кухне банку меда. Слетелись мухи, она изловчилась и наловила целых две дюжины. Принесла в спальню, выпустила над головой у мужа. Подумала так: ночью мухи спят – и муж будет спать. А днем он и глаз не сомкнет от их жужжания! Довольная, потеряла ладони и ушла. Вернулась через час – видит: муж храпит себе, а все мухи сидят у него на груди и не шевелятся. Она ему: «А ну вставай,

лентяюга!» Джек-плотник отвечает: «Я бы встал, да не могу: перед друзьями неловко. Они только-только уснули, пошевелюсь – всех разбужу».

Имелась у Деда и еще одна странность. С ним был помощник – белобрысый юноша при мече. Марк любопытствовал:

– Как зовут твоего грея?

– Я не кайр, – ответил Дед.

– То есть как это?

– В мире есть кайры и все остальные люди. Вот я – из остальных.

– Я думал, на Севере серьезные дела поручают только кайрам.

– Герцог Эрвин Ориджин – не кайр.

Марк признал правоту.

– Кстати, о герцоге... Не знаешь ли, Дед: чего он ждет? Собирается ли принять меня и выслушать? Или навечно оставит торчать в этом домишке?..

Дед приложил ко рту чимбук и заиграл нечто похожее на прибор осенним вечером. Не сказать, что такой ответ устроил Марка, но другого не предвиделось.

* * *

Больше месяца заняла дорога из Первой Зимы в Фаунтерру. Опытные люди говорили, что это еще быстро. Ползком на санях через долины и перевалы, по ложбинам среди холмов, по замерзшему руслу реки, Торговым Трактом через поля...

В Лабелине задержались на несколько дней. Столица Южного Пути практически не изменилась: та же суэта и повсеместное торжище, те же красномордые мужики и дородные купцы в мехах. Смена власти сказалась лишь на флагах: над замком и ратушей трепыхались черные нетопыри Ориджина. Еще выросли цены на харчи, да прибавилось по углам попрошаек.

В замке бывшего герцога Лабелина дождались Северную Принцессу, что ехала из Уэймара со своим эскортом. Дальше двинулись вместе. Леди Иона выглядела не то грустной, не то озадаченной. Мужа с нею не было. Марк немного пофантазировал о том, какая кошка пробежала меж Ионой и Виттором. Банкир завел любовницу? Но леди Иона не похожа на ревнивую женку. Принцесса завела любовника? Тогда она сияла бы, а не грустила. Размолвка из-за политики? Очень странно со стороны Виттора – собачиться с Ориджинами после их победы. Иона никак не забеременеет? А вот это, кажется, близко к истине...

Но намного больше, чем личные дела Северной Принцессы, Марка занимала Фаунтерра. Одна мыслишка крутилась в голове, не давая покоя. Хозяин Перстов Вильгельма спровоцировал гражданскую войну, чтобы ослабить два сильнейших рода – Янмэй и Агату. Обескровив обоих, он попытается захватить трон. Весьма логично, и согласуется со всеми известными фактами. В таком случае, хозяина Перстов может кое-как устроить владычица Минерва в роли марионетки, но отнюдь не Эрвин Ориджин в роли кукловода. Значит, хозяин попытается убить герцога. Последует новая атака, и, вероятно, очень скоро. Ведь чем больше времени пройдет после войны, тем лучше Ориджин восстановит войско, усилит оборону столицы, укрепит власть. Все это не на руку хозяину Перстов.

Прибавим другой тревожный факт: хозяин выманил старших Ориджинов из Первой Зимы в столицу. Не для того ли, чтобы одним махом уничтожить всех – родителей и детей? Не едет ли герцогский кортеж напрямиком в капкан? И ладно бы только герцоги, но ведь, что обидно, и Марк с ними вместе, и друзья-моряки!

Он поделился тревогами с леди Софией и леди Ионой. Леди София не приняла всерьез: она просто не могла представить силу, способную уничтожить четверых Ориджинов разом. Леди Иона сказала, что почтет за счастье разделить с братом любую участь, будь то триумф

или смерть. Ища хоть в ком-нибудь проблеск здравомыслия, Марк изложил свои страхи кайру Джемису. Тот ответил:

– Успокойся, парень. Под конец осады герцог Эрвин сидел во дворце с двумя сотнями солдат. Если бы хозяин Перстов хотел ударить, ударил бы тогда. А сейчас в столице десять наших батальонов, да еще пять полков медведей. Полезет – расшибется.

– Тогда зачем он сказал леди Софии ехать в столицу?

– Да кто его знает... Может, он сам в столице? Может, правда, вылечит лорда Десмонда в обмен на говорящий браслет?

Марк схватился за голову:

– Как же вы, кайры, правите Севером при вашей-то наивности?! Вылечит он – конечно! И императора оживит! И Козленка человеком сделает!..

– А сам-то что думаешь, умник?

– Думаю, если подонок зовет вас в столицу, то последнее дело – ехать в столицу. Думаю, его план – перехватить нас в дороге и взять живьем. Невероятное предложение для герцога Эрвина! Отдадите трон, милорд, – получите сразу шесть заложников! Славный кайр Джемис со здоровущей овчаркой, совсем не старые лорд-отец и леди-мать, ненаглядная обожаемая сестричка, да еще – самое ценное – Ворон Короны собственной персоной! Шестеро пленников по цене одного – какой герцог откажется?..

– Ох, и паяц же ты!.. – покачал головой Джемис. – Думаешь, зря полдюжины саней с гербами Ориджина ушли вперед, а мы отстаем на день? Думаешь, почему конные разведчики рыщут на мили вокруг нас? А зачем мы взяли из Первой Зимы целую сотню кайров – догадываешься?.. Знаем об опасности, не ты один умный.

Марк сомневался, что сотня мечников (даже усиленных овчаркой) – серьезная защита от бригады с Перстами. Не сказать, что в дороге к столице он показывал чудеса храбрости. Напротив, старался держаться подальше от лордских повозок и поближе к морячкам, чтобы, в случае чего, никто не принял его за вассала Ориджинов...

Но все обошлось. Какими бы ни были планы неведомого Хозяина, атака на кортеж леди Софии в них не входила. А в столице разделились: дворяне и кайры отправились во дворец, морячки и несколько воинов – в порт. Ворона же доставили в трехэтажный дом на Млечном проспекте и передали заботам странного Деда с белобрысым Внучком. Кроме них троих здесь была лишь повариха да старичок-привратник. Интерьеры – некогда роскошные, а ныне выцветшие, серые от въевшейся в обивку пыли. В углах сырость, на потолочных балках – клочья паутины. В былые зажиточные годы кто-то из Ориджинов приобрел богатую виллу для красивой столичной жизни, но те годы, по всему, давненько миновали.

В этой вот стареющей вилле Марк провел уже пять дней.

– Что мы тут делаем? Чего ждем? – спрашивал он Деда.

Вместо ответа получал очередную притчу или мелодию на чимбукке.

– Я – пленник? – спрашивал Марк.

– Это как сам решишь...

Ворон проверял входные двери – все заперты на ключ; окна первого этажа – зарешечены.

– Так заперто же! Как я уйду?

Дед пожимал плечами:

– Однажды Джек-плотник...

– Стой, не заводи шарманку! Не сейчас. Я, знаешь ли, очень щепетилен в вопросах свободы – не выношу неясности. Я числился пленником Ориджинов, но леди София Джессика обещала мне свободу, едва приедем в столицу. И вот мы в столице.

– Хочешь свободы – так бери.

– Двери и окна заперты. Отопри, я пойду.

– Не в том дело, Ворон, что заперто, а в том, что ты не очень хочешь. Хотел бы – стянул у меня ключ или вылез из верхнего окна, где нет решетки...

Марк опешил:

– Это что, проверка на лояльность? Герцог смотрит, не попытаюсь ли сбежать, а попытаюсь – шкуру спустит? Так ты ему, Дед, передай: я ему ничего не обещал! Родителям его клялся, что съезжу в Запределье, кое-что узнаю, – и съездил, и узнал. А теперь я ихнему семейству ничего не должен, пускай герцог не думает!

– Что ты все: герцог да герцог? Он сам о себе подумает, а я – о себе, а ты – о себе размышляй.

– То бишь, если я захочу сбежать и вылезу в окно, твой Внучок не станет за мной гнаться и махать мечом?

– Ты, Ворон, за себя думай. Хочешь – так беги, а не хочешь – оставайся. А побежишь – тогда уже Внучок свое подумает: бежать ли следом, али нет.

– Ладно, черт. Скажи хотя бы: долго еще ждать?

– Вот ты все-таки послушай. Как-то Джек-плотник пошел напиться воды и упал в колодец. Через час жена вышла его искать, глянула – а муж-то в колодце. Она в крик: «Ой, лишенько, ой, горюшко!» Джек ей отвечает со дна: «Да не голоси, я живой-здоровый». Жена спрашивает: «Почему же не вылезешь?» Джек-плотник и говорит: «Я тут думаю: зачем же я в колодец упал? И пока не найду ответа, не вылезу». Жена стала его убеждать, даже веревку принесла, но Джек ни в какую: пока не пойму, мол, наверх ни ногой. Досидел он до вечера, взошла луна, отразилась в водичке – колодец будто наполнился серебром. Джек хлопнул себя по лбу: «Вспомнил! Я давеча сюда две агатки уронил! Вот за ними сегодня и упал!» Стал шарить по дну, нашел монеты, с ними выбрался из колодца. Говорит: «Вот я какой молодец – упал со смыслом!» Жена ему: «Ты дурачина! Зачем деньги в колодец ронял?» А Джек-плотник в ответ: «Раз уронил, значит, и в том был смысл. Вот поразмысли часок – пойму, какой».

Марк злился. Смысл?.. Это ты, Дед, отлично выдумал: смысл! Сидеть в занюханном старом доме и размышлять невесть о чем, пока в мире дела творятся!.. Кстати, а что творится-то?

– Дед, мне позволено узнать новости?

– А ты хочешь?

– Ясно, хочу! Или мне за новостями тоже вылезти в окно?

– Вылези, коли желаешь. Но можешь и не лезть, а вот эти листки прочитать. Я Внучка грамоте учу. Он каждое утро приносит новый «Голос», мы с ним разбираем...

Марк получил шесть листов бумаги, сложенных, будто книжные развороты. То был новый «Голос Короны». Он сильно изменился после войны: содержал теперь не сотню страниц, а всего несколько, зато выходил ежедневно, а не ежемесячно, как раньше. И стал, соответственно, в десятки раз дешевле. Пожалуй, это было правильно: в тревожное время люди жаждут новостей, и не раз в месяц, а как можно чаще. Ежедневный дешевый «Голос» успокаивал столицу, ибо в нем не было ни слова о войне.

Главной темой была новая владычица и коронация. Первые страницы неизменно посвящались Минерве Стагфорт: почтила своим присутствием, удостоила назначения, одобрительно отозвалась о, высказала глубокие мысли по поводу... Комментаторы называли Минерву образцом благородства, светочем ума, зарею новой эры мира и процветания. Все приводимые цитаты подтверждали это. Портреты Миры дышали одновременно невинностью и аристократизмом.

Что ж, следовало признать: Дом Ориджин преуспел в пропаганде не меньше, чем в военном деле. Адриан был велик, умен и любим народом. После него мало кто выдержит сравнение, о новом владыке скажут: «Уже не тот... В подметки не годится... Вот Адриан был голова, а нынешний – эх...» Но герцог Эрвин создал прекрасный образ для своей марионетки – практически непогрешимый. Адриан был умен и благороден – Мира не уступает ему в этом. Адриан был суров и тверд, но это кончилось войной. Мира юна и гибка – такая владычица и нужна

для мирных лет. Адриан был смел, редкий мужчина выдержит сравнение. Но Мира – девушка, ей не нужно состязаться в смелости. Наконец, Адриан был рода Янмэй, как все величайшие правители. Но Мира – еще более Янмэй! Она смогла надеть Перчатку Могущества, что сотни лет никому не удавалось! И не просто надела, а остановила войну и спасла две армии от взаимного истребления. «Минерва Несущая Мир» – так прозвали ее в какой-то статье. Будущая защитница народа, новая Юлиана Великая. А может, и новая Янмэй!..

Помимо сведений о владычице, «Голос Короны» пестрел и другими радостными новостями. Двор шумит празднествами – стало быть, война позади, лорды примирились и не жалеют денег на совместные попойки. Войска отведены на околицы: полки Алексиса – на юг, полки медведей – на запад, батальоны кайров – на левый берег. Стало быть, столица хорошо защищена, но в городе солдаты не шастают, не пугают мещан своим видом. Назначения чиновников совершаются редко, без спешки – значит, владычица тщательно взвешивает все кандидатуры. В Литленде покой: орда изгнана в степи, Мелоранж защищен шиммерийскими полками. В Альмере покой: больше не пахнет вассальным мятежом, герцогство сплотилось под рукой приарха Галларда. Но скоро он передаст власть леди Аланис Альмера – она жива и здорова, несмотря на пережитую тяжкую рану. На Севере, в Беломорье, крохотный мятеж: граф Флеминг восстал против Первой Зимы. Конечно, он обречен: Эрвин-Победитель сотрет его в порошок, едва уладит дела в столице и поможет ее величеству окрепнуть. Герцог Эрвин – надежный защитник, помощник и советчик юной императрицы. При этом остается только ее другом, не набиваясь в женихи – как благородно с его стороны!..

Народ не умел читать между строк. В народе мало кто хотя бы знал азбуку. Видать, собирались под вечер целыми семьями, кто-то грамотный зачитывал новости вслух, а прочие ахали от умиления и радости... Но Ворон отлично видел истинный смысл событий.

Герцог проматывает казну на видимость благополучия, чтобы успокоить народ. Тот самый народ, который позже будет умываться потом, чтобы наполнить казну.

Герцог расставил войска вокруг столицы: верного владыке Алексиса вытеснил на юг; медведями, как щитом, прикрылся от угрозы из Альмеры; кайров поставил за рекой – как будто далеко, но на реке-то лед! Щелкни пальцами – и красно-черные наводнят столицу.

Герцог не спешит с назначениями – значит, тщательно подходит к делу запугивания и подкупа чиновников.

Герцог упоминает мятеж Флеминга затем, чтобы «Голос Короны» не выглядел ура-пропагандой. Да, жизнь есть жизнь, проблемы случаются. Мятеж вот... Но далеко-оо! Аж приятно читать, как далеко!

Но почему герцог не послал батальоны задавить предателя? Или добить остатки орды, что изранена, но еще жива? Да потому, что батальоны нужны ему здесь, у дворца! Потому, что всеми зубами и когтями Ориджин вцепился в престол! Как клещ в собачий загривок... Эх, нет, если бы! Клещ высосет каплю крови и незаметно отпадет. Впился, как рысь в шею лани – вот правильное сравнение!

Одно упущение Ориджина: до сих пор не обручился с Мирой. Как так вышло? Быть может, Перчаткой Могущества и своим умом Мира смогла отстоять кроху свободы?.. Но даже если так, это мало меняет картину.

К слову сказать, герцог Ориджин теперь всюду именовался лордом-канцлером. Он взял себе новый титул, одним звучанием подчеркивающий власть. Лордов много, советников много, герцогов несколько... А лорд-канцлер – один во всем мире. Более уникален даже, чем сама императрица.

Марк также пытался выловить из «Голоса» какие-то сведения о протекции. Но не нашел ничего, кроме пары упоминаний вскользь. Бэкфилд больше не начальник тайной стражи, что, конечно, радует. И замены ему Ориджин до сих пор не подыскал. Что это значит?.. Хм. Что-то да значит. Всякое-разное, если подумать...

– Ну, что уразумел? – спросил его Дед.

Ворон уразумел две вещи.

Первая: Ориджин – хитрец, интриган и властолюбец. Но хозяин Перстов – несравненно хуже. Марк многое бы отдал, чтобы эти двое вцепились друг другу в глотки. И, пожалуй, болел бы за победу герцога.

Вторая: чего уж там лукавить, хочется обратно свою должность. Пусть хотя бы затем, чтобы помочь лани выжить в рысжих когтях. Впрочем, почет и деньги – тоже приятные штуки.

Но то и другое вряд ли стоило говорить вслух, так что Марк ответил:

– Не хочу я от вас убегать. Вон тот диванчик у камина мне по нраву.

– О!.. – сказал Дед, как будто бы удовлетворенно. – Раз так, то послушай историю. Жил был в графстве Закатный Берег один трубочист. Как-то вызвали его в старый дом. Трубочист приехал, глядит – а на месте камина стоит бык! Ну, парень и спрашивает...

Следующим днем в заброшенную виллу пожаловал герцог Ориджин.

* * *

– Дорогу лорду-канцлеру! Дорррогу лорду-канцлеру!

Марк услышал кортеж издали – да и трудно было не услышать. Подковы звенели на квартал, грохотали колеса, орали всадники. Восемь конников в черно-красных плащах, карета с шестеркой лошадей, за нею – еще восемь кайров. Прохожие шарахались с дороги, вжимаясь в стены, жители домов распахивали ставни – поглазеть. М-да, победа в войне не прибавила герцогу скромности.

Ворота распахнулись, впуская кортеж. Карета остановилась у дверей виллы – роскошная до невозможности, даже с трубой! Внутри экипажа, значит, установлена печурка, чтобы герцог, упаси Праматерь, не продрог. Он вышел из кабины, высокий и худой, одетый в черное с серебром. Наряд не слишком яркий, но до того благородный, что режет глаз. Хоть бы голубь его обосрал...

Отвлекившись на Эрвиново самодовольство, Марк не успел задуматься: отчего, собственно, лорд-канцлер сам приехал в гости? Почему не вызвал к себе во дворец?

Внизу стукнули двери, зашаркали шаги. Раздались голоса: пара незнакомых, Эрвин, Дед. Дед звучал как всегда – с философским спокойствием. Эрвин – вроде, приязненно. Перед тем, как зашвырнуть Марка в камеру пыток, Эрвин тоже был сама любезность.

Потом шаги заскрипели ступенями лестницы. Марк имел время, чтобы причесаться, заправить и застегнуть рубаху, но не стал: много чести – прихорашиваться еще ради каждого встречного герцога.

Эрвин Ориджин вошел в комнату Марка, сопровождаемый лишь одним воином. Кайр остался у двери, Эрвин деловито прошел к столу, сел, положил перед собой толстую папку, весьма похожую на следственное дело. Указал на второй стул:

– Присаживайтесь, Марк.

Его повадки никак не вязались с пафосной внешностью. Да и внешность имела изъяны, невидимые издали: проседь в волосах, кривой изгиб рта, синяки под глазами. Приглядеться – блеску-то поменьше, чем казалось. Марк улыбнулся:

– Желаю вам здравия, милорд.

Эрвин нетерпеливо кивнул:

– Да, и вам... – Он раскрыл папку. – Шестого декабря, как вы знаете, я взял штурмом дворец Пера и Меча. Первым делом я постарался захватить Предметы Династии, полагая, что найду среди них пресловутые Персты Вильгельма. Но бургомистр Фаунтерры барон Эшер был

так расторопен, что вывез Предметы из Престольной Цитадели и погрузил в поезд. Под охраной одной гвардейской роты достояние Династии отправилось в Маренго, чтобы попасть на хранение в летний дворец императора. Состав должен был идти без остановок. Однако спустя шесть часов после отправления – на рассвете восьмого декабря – у многих воинов охраны проявились пугающие признаки отравления. Судороги, резкие боли в желудке, рвота (у некоторых – с кровью)... Здесь изложено.

Герцог хлопнул по стопке листов дела.

– Сначала гвардейцы грешили на несвежую пищу: состав снаряжался спешно, запасы харчей не обновлялись. Но спустя два часа поняли: отравлен запас воды в поезде. Ситуация стала критической. До Маренго оставалось никак не меньше двенадцати часов ходу, а больше половины воинов страдали тяжелым отравлением и требовали скорейшей медицинской помощи. Нужно было принять решение. Капитан роты – сир Дерек Уитмор – воин старой закалки, и, что особенно важно, янмэец. Вероятно, он поступил бы так, как сама Праматерь: приказал бы идти дальше без остановок, игнорируя болезни и смерти; передать Предметы дворцовой охране в Маренго, и лишь затем обратиться за помощью. Но на беду сам сир Уитмор был отравлен, и командование принял лейтенант Август Мейс – человек более мягкотелый. Он приказал остановить состав в ближайшем крупном городе – Оруэлле. Первые пути оруэлльского вокзала занимали пассажирские поезда, задержанные из-за боев в столице. Гвардейский состав был отправлен на запасный путь, проходящий в тени за складами. Август Мейс приказал немедленно начать выгружать хворых из поезда, а сам с дюжиной воинов поскакал за лекарями и транспортом. Таким образом, боеспособная охрана снизилась числом до неполных двух дюжин, из коих львиная доля была занята ранеными. В этот момент и случилась атака. Неизвестные применили арбалеты и искровые копья, и в считанные минуты уложили половину здоровых воинов. Остальные организовали оборону, стараясь в первую очередь защитить беспомощных товарищей. О, милосердие... Говорят, капитан Уитмор приказывал им: «Предметы, Предметы!..» Но из-за рвотных спазмов его голос был плохо слышен. Пока гвардейцы защищали раненых, преступники подогнули искровый тягач, отцепили от состава вагон с Предметами и укатили. Позже этот вагон был найден в десяти милях за городом – пустой, если не считать трупов четырех стражников, несших вахту внутри запечатого хранилища. Предметы исчезли.

Эрвин потерял толстый ворох бумаг.

– В общих чертах, это все, что смог установить шериф Фаунтерры со своими констеблями. Тут имеется масса имен и подробностей, протоколы допросов выживших гвардейцев, результаты осмотра тел погибших нападавших... Весь этот бумажный мусор, который производят чиновники, когда хотят изобразить деятельность. А вот главного недостает – ответов на вопросы: «Кто взял?» и «Куда увез?» Я хочу, Марк, чтобы вы занялись этим.

– Хм-ммм...

Марк потер подбородок, почесал грудь. Занятное предложение, но не то, которого он ожидал. Хозяин Перстов – вот главная цель. А Предметы, пускай даже в числе трех сотен, – не опасность для Империи.

– Милорд, вы просите меня найти для вас достояние Династии...

– Не разобрал вашу интонацию: после какого слова знак вопроса?

Вообще-то, после каждого. «Вы просите» – не тот вы человек, чтобы просить. «Найти» – тут ведь проблема не только найти, а еще и вырвать из рук неведомой силы. «Для вас» – отчего не для Минервы Стагфорт? У нее всяко больше прав на эти Предметы! «Достояние Династии» – вот сами и признаете, что оно не ваше.

– Просите?.. – сказал Марк.

– Вы правы, не прошу. Но и не приказываю, – Эрвин брезгливо отпихнул следственную папку. – Вот что выходит, когда работают по приказу, а не на совесть. Я предлагаю честную сделку: вы мне, а я – вам. Если не подходит, вольны отказаться.

Ворон качнул головой:

– Простите, милорд, но прошлые сделки с Домом Ориджин были не очень-то выгодны... Я рисковал жизнью, выполняя поручение вашего отца. Спас голову кайра Джемиса, и не раз. Нашел нить, ведущую к хозяину Перстов. А взамен, – он обвел глазами комнату, – подземная камера сменилась светлой комнатой, да еда стала чуток получше. Вот и вся моя прибыль.

Тон герцога стал сух и холоден:

– Вы нахамили моей леди-матери. Говорили дерзости леди-сестре, а после болтали с матросней о вашей с нею встрече. Пустили слух о моей связи с Сибил Нортвуд. По законам Севера, за любое из этих деяний вам нужно выбить зубы молотком. Так что ваша награда за службу – не только вкусная пища, но и орган для ее потребления.

Марк развел руками:

– Я простолюдин, у меня худо с манерами...

– Это не оправдание! – рявкнул герцог. – Вы – мужик, а позволяете себе то, что непростительно и лордам!

– Виноват... – пожал плечами Марк, не особо стараясь изобразить вину.

– Ладно, – Эрвин махнул рукой, – черного ворона не отмоешь добела... Неважно, что было. Важно то, что я хочу вернуть Предметы. Чего хотите вы?

Марк помедлил минуту, чтобы все взвесить, и заговорил:

– В шестьдесят втором году, милорд, при дворе расследовалось одно маленькое дельце. Владыка Телуриан собирался в Дарквотер с визитом к своей кузине – Леди-во-Тьме. Незадолго до отъезда слухок достиг протекции: якобы, один секретарь из императорского эскорта спит с горничной министра ремесел. В самой по себе этой связи крамолы не было: на то и горничные, чтобы... Но министр ремесел вел род из Дарквотера, более того – из прим-вассалов Леди-во-Тьме. Что, если любовнички – мостик между заговорщиками в Дарквотере и при дворе? Нужно проверить. Трое агентов протекции допросили секретаря, и тот выдал: горничная не просто так с ним спала, а ради подкупа, чтобы склонить к преступным действиям, но он – молодец, мужик! – не поддался. В смысле, любовным утехам поддался, конечно, а преступным действиям – ни в какую, кремень. Улик против него не имелось, содействие он оказал, при дворе был на хорошем счету – вот секретаря и отпустили, а горничную жестко взяли в оборот. Однако...

Марк воздел к небу палец:

– Однако среди трех агентов протекции был молодой паренек, который заметил: что-то не то с секретарем. Зацепок никаких, говорит логично, смотрит в глаза... но все ж не то, выражение на лице какое-то... не как должно быть. Тогда паренек подговорил другого паренька, тот встретил чинушу на попойке и стал заливать: ищу, мол, концы в секретариате, дело плевое, заплачу хорошо. Не желает ли кто из секретарей заработать?... И чинуша клюнул! Выяснилось, он не раз уже промышлял продажей тайных документов. Потому на допросе в протекции он струхнул и, едва зашло о политических делах, тут же обвинил горничную – лишь бы от своего промысла отвести глаз. Вот и получилось, что паренек из тайной стражи по своей инициативе поймал жулика, а главное, спас невинную девушку от пыток и каторги.

– Этим пареньком, надо полагать, были вы?

– Да, милорд, но важно другое. Человеком, кто заметил это, был наследный принц Адриан. Дело-то ничтожное: мелкий продажный чинуша – этим старший дознаватель занимается, даже не помощник шерифа. Однако его высочество вычитал в сводках и полюбопытствовал: какой смысленный агент все разгадал? И не побоялся же парень обвинить секретаря-дворянина, чтобы спасти девку-мужичку, – вот что особенно понравилось принцу. С тех пор и

пошла вверх моя карьера. Восемь лет я служил владыке Телуриану, но за моими успехами всегда присматривал Адриан. Не стану утомлять вас, милорд, перечетом всего, чем я ему обязан. Скажу просто: для меня дело чести – найти того, кто его подставил. Хотите, чтобы я служил вам – дайте мне голову хозяина Перстов.

Теперь настала очередь Эрвина выдержать паузу.

– Знаете, Марк... Вы сумели обворожить всех, с кем встречались. Вас любят матросы, уважает капитан, моя леди-мать считает умным и достойным человеком, кайр Джемис – своим другом. Даже граф Флеминг прислушивался к вам. Но, видите ли, я знавал немало лжецов и интриганов: Айден Альмера, принц Гектор Шиммерийский, леди Сибил, граф Рантигар, наша, с позволения сказать, императрица... Каждый из них по-своему обаятелен и наделен харизмой. Честные же люди – отец и Роберт, барон Стэтхем и кайр Джемис – напротив, суровы, хмуры, поскольку честность дорого дается. Но вы не из таких, о нет!

– Вы обвиняете меня в чем-то конкретном, милорд?

– Не обвиняю, но... Вы принесли яд в мой дом. В ход не пустили, но принесли. Вы говорили с Флемингом наедине, а после он меня предал. Вы не склоняли его к измене напрямую – ясно, что нет. Но некую мысль подкинули – и он предал... Вы – скользкий парень, Марк. Положим, я поручу вам поиски хозяина Перстов. Положим, однажды вы ткнете пальцем: «Вон тот граф – преступник! Убейте его, милорд!» Положим, вы даже бросите на стол пачку улик, наподобие этой... Как я смогу вам верить?

– Улики – чушь, милорд. Не в них доказательство, а в логике событий. Я вижу три зацепки, одна из них приведет к хозяину Перстов. Найдя его, я изложу вам свою цепь умозаключений. Если найдете ее убедительной, то обрушите на гада всю мощь агатовских мечей.

Эрвин заинтересованно подался вперед:

– Какие три зацепки?

Марк подумал: сказать ли?.. А отчего бы и нет? Это поможет протекции вновь обрести начальника, а хозяину Перстов – подохнуть. То и другое заманчиво.

– Первая зацепка: трофейный Предмет, который сейчас у леди Софии. Я не питаю ни малейших надежд, что хозяин Перстов честно выполнит условия сделки. Уж простите, но леди София дала себя обмануть. Однако зачем-то он сказал ей ехать в столицу. Зачем? Затем ли, чтобы бросить тень на кого-то из лордов, кто сейчас при дворе? Либо – сделать какую-то гадость в Первой Зиме, пользуясь ее опустением? Либо – вправду вылечить лорда Десмонда и тем самым пошатнуть вашу власть? Эти возможности следует осмыслить.

– Второй путь?

– Вербовка новобранцев. Бригада несла потери: нескольких парней убили вы с Джемисом, дюжина погибла в Эвергарде. Их требуется восполнить. Откуда?.. Нужны люди, не обремененные моралью, без малейшего трепета перед Праотцами, но – с умением сражаться. Хорошо подходят пираты, банды дезертиров, а также – шаваны. Пиратство сейчас в упадке, но дезертиров – пруд пруди: из армий Лабелина, из бывших искровиков, а также из шаванов. Я уверен, когда Адриан разбил орду, многие всадники покинули ее и подались в степи – грабить кого попало. Они верят в духов, а не в Праотцов, так что Персты для них – не табу. Будь я вербовщиком бригады, сейчас рыскал бы в степях к западу от Мелоранжа.

– Умно...

– И третья зацепка – оружие. Бригада оснащена не только Перстами, но и искровыми копьями имперского образца. Где их взяли? Самый простой и быстрый способ – купить из-под полы на военном складе. Значит, где-то случилось хищение примерно сотни комплектов амуниции. Сейчас это сложно отследить: половина имперской армии уже на Звезде... Но кладовщики, вероятно, уцелели – эти парни редко ходят в атаку.

Марк умолчал о том, что был и четвертый путь – самый, на его взгляд, перспективный. Смотреть вперед! Лишь одна цель стоит такой масштабной интриги: власть над миром – что же

еще! Хозяин Перстов почти сломил Янмэй, а Агату ослабил, но не уничтожил. Чтобы довершить дело и сесть на престол, ему нужен еще один ход: как-то устранить кайров, хотя бы выманить из столицы. Значит, важно все, что может заставить герцога увести кайров из Фаунтерры. Атака на Первую Зимую? Бесчинства орды? Упрямство Галларда Альмера?.. Если случится нечто подобное – за этим будет тень хозяина.

– Марк, вы отчего-то не назвали тот путь, с которого я начал. Атака на поезд, кража достояния Династии.

– Данный путь, милорд, не ведет к хозяину Перстов. Точнее, вряд ли к нему. Хозяин хочет сесть на трон. Если это удастся, он получит все Предметы Династии по праву нового владыки. Зачем же красть свое собственное имущество?..

Герцог Эрвин развел руками:

– Я об этом не подумал... Что доказывает мою правоту: ваш нюх острее моего, ваша логика – стройнее. Вы сможете доказать что угодно, и я не замечу изъяна в цепи аргументов. Потому мое решение неизменно: найдите Предметы Династии – или ступайте свет за очи. Агата поможет вашей мести, но Агата не поверит словам. Принесите Предмет из сокровищницы Адриана – и Агата будет на вашей стороне.

После паузы Эрвин добавил:

– Люди говорят, между вами и Минервой Стагфорт имелось нечто вроде симпатии... Флиртовали с нею в карете, заезжали в пансион разузнать о ее судьбе, убедили графа Шейланда спасти ее из монастыря... Если найдете Предметы, я позволю вам лично отдать их ее величеству.

Марк уловил неприятный акцент на «если».

– Но до тех пор путь во дворец мне заказан?

– Естественно! Само собою разумеется! Минерва – тщеславная интриганка. Едва она бросит горевать по Адриану, как сразу начнет плести заговор против меня. Пускай же трудится сама, без помощи Ворона Короны и агентуры тайной стражи. Попытка с нею связаться будет стоить вам части тела. Какой именно – решу по ситуации.

– Погодите, милорд! Стоп, стоп, стоп! То есть, я не могу использовать протекцию? Говоря, что я должен найти Предметы, вы имели в виду – я один?!!

– Отчего же?.. Получите двух помощников, уже знакомых вам.

– Дед и Внучок?!..

– Зовите их так, коли угодно. Если понадобятся деньги, информация из дворца, контакт со мною – обращайтесь к Деду.

– Милорд, мы втроем должны разыскать похищенные Предметы? Втроем?! Я, пастух с дудкой и безграмотный юнец?! Это невозможно!

– Говорят, вы – лучший сыщик Империи. Для вас нет ничего невозможного.

Герцог поднялся с видом, пресекающим всякие возражения.

– На этом все, Марк. Я не терплю торгов. Вы хотите убить хозяина Перстов Вильгельма – я единственный, кому это под силу. Вы хотите обратно место главы протекции – только я могу вам его дать. Потому сделайте то, чего я хочу. На этом точка.

Однако он задержался в дверях, чтобы сказать еще кое-что:

– Да, забыл упомянуть. Есть другое дело... Я поручил его своим людям, но если вам попадутся полезные сведения, готов их оплатить. Скажем, небольшое поместье, постоянный доход...

– Какое дело, милорд?

– Достояние Династии – не единственная пропажа. Леди Сибил Нортвуд содержалась в каземате, ожидая приговора верховного суда. Сейчас ее там нет. Пропала без следа в последний день осады.

– Соболезную, милорд.

– Отчего же?

Марк состроил очень печальную мину:

– Слухи о вашем... ммм... душевном родстве с графиней Нортвуд – отнюдь не моя выдумка. Придворные стали фантазировать про это, едва насытились сплетнями о Нексии Флейм. Потому медведицу считали вашей союзницей. И, полагаю, по-тихому отправили на Звезду сразу, как только запахло вашей победой. Ее тело найдется где-то в Ханае, когда сойдет лед.

– Надеюсь, что вы неправы. Жаль будет потерять... ммм... родственную душу. Найдите мне леди Сибил. Но главное – найдите Предметы!

Лорд-канцлер вышел, не закрыв за собой.

Ворон услышал, как Дед просит герцога:

– Ваша светлость, останьтесь на чай и пару историй.

– С большим удовольствием, милорд, но в другой раз. Нынче – неотложные дела...

Потом Дед зашел к Марку и сказал:

– Что ж, поленились – а теперь немного поработаем...

– Ты знаешь, что нам поручили? – спросил Ворон.

– Вернуть Предметы Династии и леди Сибил Нортвуд.

– Тогда какой тьмы ты говоришь: «немного поработаем»?! Немного поработать – это хлеб маслом намазать! А вернуть Предметы – это... это... хрена с два мы справимся, вот что это!

Дед уселся поудобней, огладил усы и непонятно к чему рассказал историю про сельчанина, епископа и сундук с верой.

Марк проворчал:

– У меня нет ни единой догадки, что ты хотел этим сказать. Мы в полной заднице – вот все, что я понял.

Дед развел руками:

– Ты хотел понять именно это, вот и понял. Что еще тут скажешь...

Он собрался уходить, и Марк одернул:

– Постой, Дед. Лорд-канцлер назвал тебя милордом, или я ослышался?

– Назвал, было дело.

– Так что же, ты – северный лорд?

– Разве дело во мне?.. – удивился седой. – Тебе приятно, чтоб я был Дедом, вот я и Дед.

Герцогу важно видеть во мне лорда – с ним я милорд.

– Хм... А сам-то ты как хочешь зваться?

– Сегодня?.. Пожалуй, вот так...

И Дед взял несколько нот на чимбуке.

Искра – 3

Фаунтерра

«Есть восемь врагов правителя. Первый – и самый незаметный из них – праздность. Владыка может выполнять множество рутинных дел, тратить остаток времени на забавы, и не знать ни минуты покоя. Тем он скроет от себя плачевный факт: в действительности, он не делает ничего».

Так предостерегала Янмэй Милосердная. Мира очень гордилась тем, что сумела избежать этой опасности.

Придворная жизнь являла собой фейерверк развлечений, калейдоскоп забав, гудящий улей праздных людей. Приемы, игры, танцы, пиршества, гости, подарки, поклоны лились каждый день обильным майским ливнем. Мира словно кружилась в хороводе, из которого ее выхватывали в положенный по графику час, переодевали, подрумянивали, украшали новой россыпью драгоценностей – и пускали в новый хоровод, чтобы спустя несколько часов сменить его третьим. Великая Янмэй, конечно, была права: очень сложно сохранить курс в этом водовороте. Тьма, сложно сберечь даже ясность мыслей, хотя бы вспомнить то, о чем думал час назад! Но Мира, кажется, это удавалось.

Она начала со встреч с ключевыми людьми и через секретарей вызвала их к себе на прием. Это принесло мало успеха. Каждый важный чиновник тоже кружился в водовороте дел, вырвать его оттуда было сложно. Да и Мира почти не имела времени сидеть в кабинете, принимая чиновников, – всякий ее день был расписан почасово. Но она поняла: нужно не противиться течению, а использовать их. Танцы, приемы, карточные игры, музыкальные салоны, даже переодевания – все можно применить для дела, если действовать с умом.

Слугами императрицы заведовала камер-леди Моллия – полная зрелая дама с бородавкой на шее, так сильно запудренной, что не оторвешь глаз. Мира призвала ее к себе во время вечернего туалета:

– Леди Моллия, помогите мне советом по очень важному вопросу. Это платье подчеркивает мои ключицы – не слишком ли откровенно для полуофициального вечера?

Камер-леди пришла в восторг от оказанного доверия. Покойная императрица Ингрид не раз обсуждала с леди Моллией свои туалеты, и леди Моллия будет счастлива поделиться опытом. Ваше величество совершенно правы: ключицы – интимная и женственная часть тела, особенно когда они так выразительны, как у вашего величества. А полуофициальный ужин подразумевает яркий искровый свет, который подчеркнет откровенность платья. Так что стоит укрыть плечи накидкой – лучше легкой, полупрозрачной, это принесет ноту загадочности...

Мира позволила камер-леди выбрать накидку. Пока дама скрепляла ткань алмазной брошью на ее плече, Мира задала менее важный вопрос:

– Я хотела бы сама принимать участие в подборе слуг... Как можно это устроить?

Камер-леди была весьма удивлена. Зачем подбирать слуг, если полный штат уже подобран? Все люди проверены многолетней службой и прекрасно вышколены. Их предки служили Династии не одно поколение. Какой смысл менять столь прекрасных слуг? И если даже вашему величеству угодно их заменить, то зачем делать это самой? Владычица Ингрид никогда не занималась таким, всегда поручала это заботам камер-леди!

Мира пояснила, виновато краснея, что ее тонкая душа страдает от вида немиловидных слуг. Все работают прекрасно, спору нет, но внешность некоторых ранит эстетизм императрицы... Нельзя ли назначить им достойную пенсию и подобрать несколько новых? Причем так, чтобы сама Мира предварительно их осмотрела?

Лицо бородавчатой дамы прояснилось:

– О, конечно, мне так понятны чувства вашего величества! Императрица Ингрид, бывало, тоже злилась на лакея за то, что он некрасив. Завтра же похлопочу о замене. Позвольте узнать, какие слуги вам немилы?

Так Мира избавилась от самых твердолобых шестеренок машины и набрала полдюжины юношей и девушек, в чьих глазах увидела проблески ума. Как бы между прочим она велела каждому прочесть отрывок из дневников Янмэй и пересказать своими словами. «Достаточно милovidными» для глаз ее величества оказались те слуги, кто уловил смысл текста хотя бы наполовину. Теперь во время переодеваний Мира слушала не любовные романы, а труды об управлении государством.

«Разнородные стремления множества людей порождают хаос. Праздная суета, свойственная высшему дворянству, усугубляет его. Первейшая задача правителя – своею волей противостоять хаосу, заменить беспорядочное движение поступательным. Для этого он должен ясно, будто красную ленту, видеть путь к своей цели».

Иногда Мира теряла цель из виду. Но, сфокусировав мысли чашкой крепкого кофе, она ловила кончик ленты.

Большинство министров Адриана бежали из столицы, бросив все дела. Один был убит кайрами – якобы, случайно. Свои должности сохранили трое: министры науки, путей и двора.

Министр науки почти безвыездно обитал в Университете Фаунтерры – министерство занимало один из корпусов. Чтобы повидаться с ним, Мира использовала течение водоворота. Университет торжественно открывал новый учебный год, высшая знать собралась на традиционное празднество. Министр науки – магистр Айзек Флевин – конечно, участвовал в событии. Это был высокий очень тощий мужчина – жердь. Возрастом едва старше Адриана, но прежде времени седой. Мира испытала к нему симпатию, как только заметила: министр тяготеет церемонией. Он произнес короткую сдержанную речь для студентов нового набора и был откровенно рад сойти с трибуны. Пока дворяне соревновались в красноречии, выдумывая заковыристые поздравления, Айзек Флевин переминался на месте и нервно потирал ладони. Мира поздравила студентов буквально тремя фразами. Когда начался банкет, она улучила возможность перемолвиться с министром.

В ответ на вопрос о жизни Айзек Флевин нашел только два слова:

– Ваше величество...

Она попыталась разговорить его. Успешно ли ведутся исследования? Каковы успехи студентов? Достаточно ли финансирования? Много ли потеряла наука в результате войны?

Магистр Флевин отвечал вежливо, но очень кратко и поверхностно. Успешно, ваше величество. Нет поводов для жалоб. Скорбим о владыке Адриане. Наука неустанно развивается, ваше величество.

Мира сменила тактику:

– Магистр, летом я была на демонстрации первой действующей «волны» между Фаунтеррой и Алериданом. С тех пор не дает покоя вопрос: возможно ли протянуть «волны» между всеми большими городами Империи? Наверное, это потребует многих лет и сотен тысяч эфесов, но результат того стоит, вы согласны? Все земли и народы сплотятся, станут ближе, получив такой быстрый способ связи.

Магистр пожал плечами:

– Ваше величество, постройка рельсовых дорог, искровых цехов и «волн» – забота министра путей. Я не ориентируюсь в стоимости работ. Но могу сказать, что «волны» обойдутся значительно дешевле между городами, которые уже связаны рельсами.

– Почему так, магистр?

– «Волна» может использовать для передачи информации тот же провод, который питает движение поезда. Где проложены рельсы – там, считайте, уже проложена и «волна». Нужно лишь установить аппаратуру на ее концах.

– Как может и искра, и «волна» идти по одному проводу?

Флевин поморщился:

– Стоит ли вашему величеству забивать голову научными тонкостями?..

В его гримасе читался истинный вопрос: поймете ли вы хоть слово из моего объяснения? Мире захотелось обидеться. Но вместо этого она выложила министру науки все, что успела понять летом об устройстве «волны». Отрывистые сигналы передатчика, кодирующие буквы; приемник, что по силе и количеству сигналов определяет, какая буква закодирована. Питая слабость к красивым словам, Мира даже помнила термин «амплитуда».

– Но вот чего я не понимаю. Силовая искра, питающая поезд, и сигнальная искра «волны» смешаются, если окажутся в одном проводе. Как же разделить их в приемнике?

– Вашему величеству действительно интересно?..

Выражение лица Мира не оставляло ни малейших сомнений.

– Ваше величество, я зайду издалека. Позвольте сначала объяснить, что такое частота...

За следующие полчаса Мира узнала все о частоте сигнала, способах ее задать, измерить и отфильтровать от других частот. У магистра Флевина горели глаза, он не замечал никого вокруг, за исключением слушательницы. Мира же, при всем своем уме, чувствовала, что голова вот-вот лопнет, как каштан на огне. Магистр Флевин окончил монолог, перевел дух, похлопал веками, удивленно огляделся – будто вернулся с небес в подлунный мир.

– Простите, ваше величество, что мой ответ бесполезен для вас. Конечно, вас больше волнует практическая сторона дела: стоимость машин и сроки работ, а в этом я – профан. Запросите министерство путей, они владеют всеми нужными данными...

Министр ошибался. Минерва мало что поняла из объяснений, но разговор был очень полезен. Она уловила главное: Айзек Флевин – идеальный человек на свою должность. Чрезвычайно умный фанатик науки, равнодушный к практическому миру. Ум и одержимость были залогом его успеха. А безразличие ко всему, кроме чистого знания, давало защиту: лорд-канцлер никогда не заподозрит Флевина в интригах и не снимет с должности. Прекрасно! Осталось проследить, чтобы министерство науки получало достаточно финансирования – и за эту сферу можно быть спокойной.

Министра путей Мире повидать не удалось: он ездил по стране со срочной инспекцией разрушенных рельс и мостов. Что косвенно было хорошим признаком: он предпочел нелегкую зимнюю поездку дворцовым праздникам – значит, ответственно подходил к делу. Мира запланировала встречу, едва он вернется, и перешла к министру двора.

С ним увиделась среди цветов. Зала для танцев была повреждена попаданием из требушета. «Дамский праздник» – чудесная потолочная фреска со змеями – к счастью, не пострадала. Но в стене возникла немалая дыра, которую сейчас, наконец, заложили камнем. Сырая штукатурка зияла темным пятном и требовала маскировки. Решено было закрыть пятно цветами. Но цветы лишь на одной стене смотрелись бы нелепо, потому стали украшать всю залу. Управлял работами главный декоратор, министр двора приглядывал за ним, а ее величество проявила естественный для девушки интерес к цветам – и тоже оказалась рядом.

Десятеро слуг были наряжены в ливреи под цвет стен – чтобы стать незаметными и своим видом не мешать восприятию композиции. Они таскали с места на место цветочные горшки и вазы, расставляли по полу, поднимали на разную высоту. Главный декоратор гонял их взмахами указки и нервными покряками:

– Азалии – туда! На фут выше, на ярд правее. Белые хризантемы – справа у портьеры. Желтые хризантемы – слева от окна... Нет, левее, точно под песчаной змейкой! Вот, верно...

Нет, не то, гармония отсутствует... Замените азалии на... ммм... попробуем пионы в лазурной вазе.

Цветы, ждущие своей очереди на пробу, тянулись четырьмя шеренгами от стены до стены. Они напоминали пехоту перед боем. Нет, скорее, знатных рыцарей: все разномастные, каждый в геральдических доспехах своего дома.

Министр двора – гордый старичок с бакенбардами – прохаживался вдоль шеренг, прищипывая ногами в остроносых туфлях с пряжками. Он говорил с таким сильным столичным акцентом, что не оставалось сомнений: министр родился в Фаунтерре, вырос в Фаунтерре, умрет в Фаунтерре и после смерти попадет обратно в Фаунтерру.

– Ваше величество, как видите, фсе идет прекрасно! Зала станет гораздо, несрафненно лучше, чшем до войны! Ушше зафтра ваше величество будет плясать среди этой крассоты! Ла-лай, ла-лай, ла-лай-та-та...

Он напел несколько тактов и мелодично пошаркал каблуком по паркету.

– Очень хорошо, я довольна, – молвила Мира, немного сбита с толку. – Но не скажете ли...

– Кхонешно, вы доффольны! – воскликнул старичок. – Кхакая девушка не порадуется танцам? Кафалеры – там, дамы – напротиф, все в блеске и злате! В трепетном ошидании – кто ше подойдет, кто пригласит?.. А огни сверкают, музыка поет – ла-ла-ла-лай, ла-лай, ла-лай-та-та!..

Он крутанулся на месте, опрокинул горшок с фиалками, выдохнул:

– Прелесс-сно!

– Простите, сударь, не скажете ли: во что обошлись казне все эти цветы? Наверное, очень недешево: ведь зима! Их закупали в парниках или доставляли с крайнего Юга... Сотни эфесов?.. Тысячи?..

– Ах-хх! – старичок взмахнул рукой. – Разница ли?.. Не берите ф голоффу, ваше величество! Я не думаю о цене, и вы не думайте. Только красота идет в расчет! Деньги – пф-фф!..

– Но где вы их берете?

– Лорт-канцлер велит мне делать красоту, и я делаю. Лорт-канцлер знает толк в красоте – да! Я беру счета и передаю лорту-канцлеру – фсе, будет оплата.

– А откуда лорд-канцлер берет деньги на оплату счетов? Вероятно, из казны?

– Разница ли, ваше величество?..

Мимо них рысцой пробежала четверка слуг.

– Треноги по сторонам двери!.. – кричал главный декоратор. – Из треног – вьющиеся розы. Пустим их по откосам...

Споро зазвенели молотки, вбивая в косяк крохотные гвоздики.

– Сударь, я согласна: красота – важнее денег, красота – фсе. Но голодные мещане на улицах, солдаты, гниющие от ран в госпиталях, – разве это красиво? Меня коробит, когда вижу...

– Так не смотрите, вашше величество! В госпиталь – зачем? Вы молоды, здоровы – не надо в госпиталь! Там ф-фу, не место для девушки! А нищие – кто же виноват, што не имеют денег? Они сами! Кто умеет жить – тот имеет деньги.

– И тем не менее, сударь, я прошу вас ограничить затраты на содержание двора. Лорд-канцлер не знает никакой меры!

– Лорт-канцлер – мудрый челоффек! Война кончилась – люди хотят мира. А мир – што? Мир – красота, цветы, танцы, музыка!.. Ай-ла-ла, ай-ла-ла, ай-ла-ла-лай!.. Мир – роскошь и блеск! Не будет роскоши и блеска – люди решат: жестокий северянин, немудрая императрица, плохая фласть. Не нужна такая фласть, не нушен такой мир!

– Я признаю ваши аргументы, но мы могли бы тратить меньше денег на забавы и празднества. Делайте свое дело, сударь, только более экономно.

– Ах, зачшем?! Ваше величество молоды! Наслаждайтесь жизнью, радуйтесь, а не думайте. Экономия – пфф!.. Она для тех, кто стар душою!

Декоратор прервал их криком досады:

– Не то, не то! Розы – плохо, нет души. Срывайте их во тьму, давайте плющ и эустомы!

Слуги оторвали розовые стебли с той же сноровкой, с какою только что привязывали их. Вбежал секретарь – и чуть не влип головой в шипастые заросли. Его спас поклон, вовремя отвешенный в адрес императрицы.

– Ваше величество, смею напомнить о графике. Необходимо переодеться, чтобы через час быть в посольской анфиладе, где произойдет...

Мира покинула залу, а старичок кричал ей вслед:

– Вы молоды! Танцуйте, пойте, радуйтесь! Ах, жифите с красотой!..

Не сразу, но после вечернего кубка вина Мира сумела найти светлую сторону и в этой встрече. Да, министр двора не принимает ее всерьез, прожигает средства и потакает мотовству лорда-канцлера. Но, по крайней мере, он – не подлый царедворец, вор или интриган. Он всего лишь глуп...

Янмэй Милосердная писала:

«Нельзя построить пирамиду власти из одних лишь умных людей, ибо они – всегда в меньшинстве. Но правильно устроенный государственный аппарат терпит к известной доле дураков – от одной до двух третей среди общего числа чиновников. Дурака невозможно обучить или заставить думать, но можно адресировать, подобно собаке. Главное – никогда не возлагать на него задач сверх привычного набора трюков».

* * *

Кстати, о собаках. Вряд ли Праматерь Янмэй когда-либо видела гонки собачьих упряжек. Значит, кое в чем Мира уже превзошла великую предшественницу.

Гонки были затеей лорда-канцлера – одной из многих, нацеленных на знакомство столицы с культурой Севера. Она культура представляла смягченной, приглаженной, вылизанной – будто медвежонок с розовым бантиком. Например, в январское новолуние северяне традиционно купаются в проруби, чтобы смыть печали минувшего года. Окунаются с головой, невзирая на морозы, и нагишом, безо всякого стеснения. Придворные же под руководством лорда-канцлера устроили умывание снегом. В полночь выбежали во двор, наряженные в меха, бросили себе в лицо пару горстей снега, повизжали, похохотали, кто-то кого-то к общей радости опрокинул в сугроб. Затем стали пить горячее вино в полном восторге от приключения. «Ах, лорд Эрвин, вы так чудесно придумали!..»

Теперь вот собачьи бега. Настоящих ездовых псов при дворе не нашлось. Они и на Севере-то в наши дни редкость, Мира видела их лишь несколько раз: громадные серо-белые зверюги на голову выше волка, шерсть длиной в ладонь, тело – сплошные мускулы, а дышат так, что из глотки рвется пар. Красавцы!.. Вот только для придворных гонок мобилизовали обычных служебных собак: догов да овчарок. Недели две псари обучали их тому, как вести себя в упряжке, а собаки протестовали изо всех сил: лаяли, выли, грызли постромки и друг друга, просто ложились на снег. Наконец, их убедили, что с лордом-канцлером и его затеей придется смириться, как с неизбежным злом. Чувства собак были очень понятны Минерве. Для полноты унижения, их еще и нарядили: каждой псине накинули попону с гербом герцогства, такой же маячил на вымпеле над нартами. В гонках участвовали четыре упряжки: от Короны, Нортвуда, Альмеры и, конечно, Ориджина – куда же без него.

Настроенная скептически, владычица пришла с единственной надеждой: выпить горячего вина. Но атмосфера праздника увлекла ее: сияло солнце, искрился снег, гомонили люди, псы возбужденно подскакивали, рвались с места, подвывали. Им не терпелось: давайте уже, ну скорее, ну бежим! Погонщики едва их сдерживали. Азарт передался Мире, и она спросила соседа:

– Как вы думаете, кто победит?

– Надеюсь, Корона, ваше величество. Но боюсь, что Ориджин – вы только взгляните на этих страшных овчарок!

Овчарки Ориджина действительно смотрелись жутковато: лохматые настолько, что даже глаз не видно, – лишь горы меха да клыкастые пасти! Молодой кайр дразнил их, теребя «зайкой» перед мордами, овчарки свирепели.

– Бойтесь, что Ориджин? – Мира с улыбкой глянула на соседа.

Конечно, это был столичник – и важный столичник, первый дворцовый секретарь. Собственно, она оказалась рядом не случайно, надеялась перемолвиться с ним, да только отвлеклась на собак.

– Хватит с Ориджина и одной победы... Не так ли, ваше величество?

Первый секретарь был молодым парнем – лишь лет на семь старше Миры. Первородный янмэец, как и она. Судя по изгибу рта, самоуверенный нахал. Судя по глазам, отнюдь не дурак.

– Я знаю вас, сударь, – сказала Мира.

– Баронет Дориан Эмбер, род Янмэй Милосердной, к вашим услугам, – первый секретарь взмахнул косматой шапкой, будто шляпой.

– Вы – тот, кто планирует все на свете.

– Не на свете, а только во дворце, ваше величество.

– С меня и этого довольно. Вы решаете, когда мне есть, когда спать, с кем встречаться, куда ходить. Даже мой отец-рыцарь давал мне больше свободы!

– Смотрите, ваше величество: сейчас начнут!

Мира хлопнула ресницами:

– Вы проигнорировали мое замечание?!

– Голос вашего величества звучал кокетливо. Простите, я не нашелся, как среагировать.

– Вам почудилось. На самом деле, я очень, очень зла!

Наездники встали в упряжках, взяв одной рукой поводья, а другой – длинные шесты с заячьими шкурками. За Нортвуд ехал младший сын графа, за Ориджин – кайр со странным прозвищем Сорок Два, за Альмеру – какой-то рыцарь, за Корону – знакомец Миры, капитан Харви Шаттэрхенд. Лорд-канцлер вышел вперед с флажком в руке, рядом с ним была Аланис Альмера.

– Во имя Короны и Севера... – начал лорд-канцлер, Аланис ввернула:

– Во славу Янмэй и Агаты!..

– Ради дружбы между землями Империи... – Ориджин подмигнул ей, передавая слово.

– ...и ради всеобщей любви к собакам, – подхватила Аланис, – объявляем гонки...

– ...открытыми! – вскричал лорд-канцлер.

Приняв возглас за сигнал к старту, три из четырех упряжек тут же рванули с места, лишь альмерская осталась стоять.

– Нет, нет! – Ориджин замахал флажком. – По слову «старт!»

Но псов было не остановить – они уже всю сверкали пятками, швыряя снег в лица наездников.

– Не стойте, езжайте, езжайте! – Аланис накинулась на гонщика под гербом Альмеры. – В погоню!..

Альмерские доги – сильные, но спокойные – стали вальяжно набирать скорость.

– Ленивые твари!

Аланис хлестнула ближайшего пса, как коня. Но песий нрав – не конский. Вместо бежать быстрее, дог рванул к Аланис, чтобы укусить. Нарты опасно накренились, грозя опрокинуться. Ориджин, видя это, завопил:

– Ааа! Не бегите ко мне! Ненавижу песьи слюни!..

Явно сказано на потеху, и толпа пришла в восторг:

– Да, хватай его! Куси северянина!..

Сообразив, что делать, Аланис побежала вдоль трассы. Доги погнались за нею и набрали скорость в нужном направлении. Девушка отскочила в сторону, нарты промчались мимо и унеслись следом за соперниками, что уже вырвались ярдов на двадцать. Дворяне восторженно аплодировали. Мира смеялась, прижав к губам ладошку.

– Видите, ваше величество, – сказал баронет Эмбер. – А вы не хотели идти!..

– Откуда знаете, что не хотела?

– Я же планирую ваш день. Десять-тридцать: начало сомнений. Десять-сорок-пять: разгар мыслей о вреде праздности. Одиннадцать-ноль-ноль: акт самопожертвования – мучительный выход на гонки.

– Сударь, вы флиртуете со мною?

– Пытаюсь погасить вашу очень-очень злость.

– Да, благодарю за напоминание! – Минерва смерила баронета предельно суровым взглядом. – Я очень зла. Дайте мне свободы, сударь.

– Простите, ваше величество. Мне думалось, вы любите графики.

– Отчего вы так считали?

– А как можно их не любить? Графики – самое приятное в жизни. Обожаю их составлять. Если бы кто-то составлял графики для меня самого, я был бы вдвое счастливее.

– Вы шутите, а я серьезна!

Но в этот самый миг псы Нортвуда ошибочно бросились за «зайкой» Ориджина, и две своры смешались в кучу-малу. Упряжка Альмеры налетела на них сзади. Лишь нарты Короны избежали хаоса и помчались вперед.

– Вы улыбаетесь, ваше величество, – отметил баронет Эмбер.

Он и сам улыбался: янмэйские ямочки темнели на щеках.

– Вы несносны, сударь! Слушайте мой императорский указ. С завтрашнего дня освободите мне никак не меньше трех часов в сутки!

– Зачем?! – удивился баронет.

– У меня множество личных дел, чтобы вы знали!

– Каких же?

– Это переходит всяческие рамки!

– Согласен, ваше величество. У императрицы появились личные дела – недопустимо! Перечитайте дневники Янмэй – там между строк сказано, что такого не бывает.

– Верьте или нет, но у меня тьма личных дел!

Минерва растопырила пальцы. Между большим и указательным она видела, как нортвудец и кайр растаскивают псов за задние лапы. Между мизинцем и безымянным леди Аланис металась в бешенстве, а лорд-канцлер тайком от нее хохотал. Мира загнула мизинец:

– Так, для начала...

Пьянство.

– Нет, этого я вам не скажу.

Загнула безымянный: планы против лорда-канцлера.

– Нет, это тоже тайна.

Средний палец: изучить финансы, чтобы не быть круглой душой.

– Хм... перейдем к следующему.

Указательный: разобраться в законах и договориться с судом, который зачем-то приговорил меня к смерти.

– Тоже секрет...

Так и не сказав ничего, Мира загнула все десять пальцев. Показала Эмберу кулачки:

– Видите, я полна планов! Трех часов даже мало, освободите пять.

– Признаю ваши бесспорные доводы, – Дориан Эмбер покачал головой, – но все равно не могу. Лорд-канцлер, как видите, фонтанирует затеями и жаждет вашего в них участия. Быть может, тайная влюбленность тому причиной. Если в вашем графике появится пробел, Ориджин очень расстроится.

– И что из этого?

– В народе говорят, что Ориджин в Запределье поймал Темного Идо за бороду, скрутил, оседлал и верхом на нем вернулся домой. Не то, чтобы я верил в сказки, но все же...

– Пфф!

– Еще у него крайне острый меч, исключительно черный конь и весьма бородатый брат.

Все это меня смущает.

– Вторичное «пффф!» Надеюсь, вышло презрительно.

– В первый раз было лучше.

Нортвудец с кайром, наконец, разняли своих псов и набирали ход. В упряжке Нортвуда хромал коренник, укушенный за лапу. Скоро Альмера обогнала его. Леди Аланис победно вскрикнула. Лорд-канцлер ухмыльнулся, Аланис погрозила ему кулаком.

– Они любовники? – спросила Мира.

Баронет постучал пальцем о палец. Мира поняла ответ как: «Иногда».

– Аланис вертит Ориджином?

Эмбер отмахнулся.

– Он вертит ею?

Баронет покачал ладонью влево-вправо – мол, пытается, но не слишком успешно.

– Вы все знаете?

– Лишь то, что внесено в дворцовый протокол.

– А что внесено в протокол?

– Все.

Упряжка Короны подходила к последнему повороту, капитан салютовал трибунам. Овчарки Ориджина отставали на полсотни ярдов, доги Альмеры дышали им в хвост, Нортвуд полз позади.

– Я тоже хочу все знать.

– Вам не положено, вы императрица.

– Бесстыдный дерзкий наглец!

– Я? Или лорд-канцлер?

– Скажете, снова он виноват? Вызовите его на дуэль!

– Простите, ваше величество, но что-то не хочется.

– Вы флиртовали со мной, сударь! Теперь, как честный человек, обязаны совершить подвиг! Вызовите лорда-канцлера. Заколите его шпагой. Затапчите конем. Загрызите овчаркой. Хоть бросьте в него тортом!

– Смотрите!..

Уверенный в победе, капитан Шаттэрхенд ослабил внимание, и его псы проскочили поворот. Гвардеец принялся дергать их, но звери перли прямо, вывалив языки и ничего не замечая. В отчаянии он стал их лупить – без результата. Наконец, смекнул, что делать: поймал за ноги левого пристяжного и опрокинул на снег. Собачье тело послужило тормозом, нарты занесло и развернуло влево – но поздно. Упряжка Ориджина уже вырвалась вперед.

– Тьма!.. – выругалась Мира.

Кайр финишировал первым, рыцарь Альмеры – вторым, лишь третьим подоспел капитан. Лорд-канцлер хлопнул кайра по плечу, вместе крикнули: «Слава Агате!..»

Тогда леди Аланис отняла вожжи у своего рыцаря и встала на нарты.

– Альмера проиграла из-за ложного старта! Я требую реванша! Кто выйдет против меня?!

Кайр глянул на нее с явным снисхождением и отошел в сторону. Нортвуд съехал с трассы из-за хромого пса. Аланис могла соревноваться лишь с упряжкой Короны. Капитан Шаттэрхенд вопросительно посмотрел на Миру: что делать, ваше величество?

Она толкнула в бок баронета Эмбера:

– Вы же хотите, чтобы победила Корона? Ступайте и выиграйте гонку!

– Ваше величество, это невозможно. Я боюсь снега, собак и леди Аланис.

– Жалкий трус.

– Или, возможно, провокатор... – он подмигнул.

Мира усмехнулась и бросила ему свою муфту.

– Если я выиграю, начнете делиться со мной всеми сведениями.

– А если проиграете?

– Половиной!

Лорд-канцлер первым заметил, что она идет на старт.

– Господа, это великий день! Янмэй Милосердная выступит против Светлой Агаты!

Капитан бросился к Мире:

– Ваше величество, стоит ли?..

– Разве это опасно?

– Никак нет. Собаки не злы, снег пушист. Но все же – стоит ли?..

Она только глянула. Капитан передал вожжи и шест.

– Отомстите Альмере, ваше величество!

Мира снизила до шепота:

– Как ими править?..

– Вы же северянка!

– И все-таки?

– Держите шест со шкуркой. Коренник бежит за «зайкой», остальные псы – за коренником. Правьте только коренником, прочие ему подражают. Слов не говорите – собаки входят в раж, ничего не слышат. На поворотах ведите «зайкой» и помогайте вожжами. Но не как верхом, а – вот так...

Он показал. Мира встала на нарты.

– Лучше на колени – устойчивее.

Императрица на коленях – хм... Но императрица, торчащая из сугроба, – двойное хм. Мира опустилась на колени. Покачалась, нашла устойчивое положение. Намотала вожжи на кулак, удобнее перехватила шест.

– Ваше величество готовы?.. – спросил лорд-канцлер.

Она кивнула. Он вышел вперед, подняв флажок. Аланис шепнула:

– Я не стану поддаваться.

– Этого и не нужно.

– Старт! – крикнул Ориджин. Флажок упал.

Мира отпустила вожжи и мотнула «зайцем» у носа коренника. «Рррррр...» – захрипел пес и дернул с места. Нарты поползли, набирая ход.

Ровно за минуту с Миры слетело все веселье. Смешно было смотреть со стороны, но теперь... Ни о чем не думалось, кроме – выиграть. Ничто не важно, кроме победы. Забавная, глупая, ничего не значащая – но победа. Первая при дворе!

Аланис, видимо, думала то же.

Мира гнала молча, сцепив зубы. Дергала шестом вверх-вниз, «зайка» прыгал у носа коренника, пес хрипел от усталости и злобы. На каждом выдохе: хар, хар, хар, хар. Скрипел снег, летели льдинки из-под лап. Сбоку яростно вскрикивала Аланис:

– Вперед, твари! Гони! Вперрред! Гони, прроклятые!

Она дергала «зайку» то влево, то вправо, и коренник вилял, делая лишние шаги, – зато гнал азартней, горячее. Мира молчала, держа ровно вперед, аж затекала рука, до того ровно. По красной ленте, как в записках Янмэй.

Аланис оглядывалась на Миру: глаза сверкали, волосы волной по ветру. Мира обернулась лишь дважды, а так смотрела только вперед. Мохнатые икры, крошево из-под лап, «заяц» у носа жожака.

Аланис стояла во весь рост. Дважды чуть не вылетела, едва удержалась за вожжи. Мира не поднималась с колен. Будет ужасно – проиграть на коленях. Ну, значит, я не проиграю. Точно? Да, Минерва!

На последнем коварном повороте Мира круто увела «зайку» влево, и вдруг ударила шестом в бок жожака. Пес вывернул морду, огрызнулся – и вынужденно свернул. За ним остальные. Нарты качнулись, Мира точно улетела бы, стой она во весь рост.

Через минуту пересекла линию, лорд-канцлер махнул флажком над ее головой. Леди Аланис финишировала секундами позже.

Миру поздравляли все – буквально засыпали восторгами и комплиментами. Если бы в лести можно было утонуть, она бы уже не дышала. Но, положив руку на сердце, это было чертовски приятно. Почти столь же приятно, как разогнуться, выпустить вожжи и разжать задубевшие пальцы.

После всех подошла Аланис. Мира ждала от соперницы ядовитого плевка и готовила ответные стрелы.

– Ваше величество, простите мою дерзость, – сказала леди Альмера.

– Не стоит извинений. Я не просила поддаваться, и вы не поддались. Это было хорошо.

– Я не о гонках, а о летнем балу, – Аланис сделала жест пальцами, будто подняла чашечку кофе. – Мои насмешки были глупы и недостойны. Прошу вас, не держите зла.

Мира так удивилась, что едва сумела выдавить вежливый ответ.

А дерзкий Дориан Эмбер куда-то пропал, Мира не увидела его в толпе льстецов. Но, оказавшись в своем кабинете, нашла на столе записку:

«1) Двойная точка в конце – неважные пункты плана, их можно пропустить, и никто не заплачет.

2) Вечером просите третий том «Дневников». Найдете в книге конверт, а в нем – интересное за день.

3) Простите за флирт, ваше величество».

* * *

Мира не помнила, что писала Янмэй об удовольствиях. Вероятно, ничего похвального: Милосердная полжизни была в конфликте с покровительницей наслаждений Мириам. Наверное, правителю не следует получать удовольствие от своего положения. Однако Минерва получила, и с каждым днем – все больше. Лакомые кушанья, изысканные вина, куртуазная вежливость как норма поведения, вездесущая красота, куда ни бросишь взгляд... Мира солгала бы, если бы сказала, что все это ей не по вкусу. Чем больше она понимала устройство дворцовой машины, чем больше осваивалась со здешним укладом жизни – тем сильнее ощущала его пре-

лесть. Все чаще ловила себя на том, что просыпается с предвкушением: ну-ка, чем порадует меня этот день? Бесконечные празднества теперь смущали ее лишь в силу затраченных средств, но не сами по себе. Балы-маскарады, собачьи бега, танцоры с факелами, торты в человеческий рост, парад механических птиц, перестрелка игристым вином – столько чудесного и удивительного. Каждый день – будто праздник, устроенный для нее! Ежедневный день рожденья!

Разве не прекрасно, например, получить за утренним кофе приглашение на премьеру в Коронном Театре? Приглашением служил не обычный листок в конверте – о, нет! Четверо исполнителей главных ролей лично пришли к Мире и для нее одной разыграли легенду о Янмэйском Мосту. Целая одноактная пьеса с великолепными стихами по мотивам обожаемого Мирой сюжета! А затем актеры вручили ей маску из синего бархата:

– Если ваше величество захочет посетить театр неузнанной, придите в этой маске – и вас пропустят без лишних вопросов. Что на свете может быть прекрасней, чем загадочная и знатная дама!

Маска смотрелась таинственно и печально, золотые лучики от уголков глаз выдавали ум, а мушка над губой – нотку скрытого веселья. Мира была потрясена – будто увидела со стороны слепок своей души.

– Как вы сумели...

– Магия, ваше величество! – воскликнул «Праотец Вильгельм» и низко поклонился, закрывшись плащом до бровей.

– Мы отчаянно ждем вас на премьере, – «Светлая Агата» сделала реверанс.

– Вы подарите нам истинное вдохновение, – склонила голову «Янмэй Милосердная».

Сдержанный жест, с уважением к себе – в идеальном сходстве с манерами самой Миры.

Как тут не придешь в восторг, будь ты даже самой грустной девушкой на свете!

Общение с придворными, что раньше тяготило, тоже стало обретать привлекательность. Находя ключики к людям, научаясь их понимать, Мира больше не видела в каждом безликое шестерни машины. Да, шестеренок хватало, но были и живые люди – больше, чем думалось поначалу. Все реже Мира чувствовала себя куклой, все чаще – важной фигурой, искрой. Все реже видела подвох в подобострастии. Да, абсурдно, если тебя уважают за один лишь титул. Но ведь Миру есть за что уважать и кроме него!

Теперь она охотно принимала визитеров, с удовольствием держалась так, чтобы быть достойной их лестии. Больше не насиловала себя, когда нужно было величаво похвалить, царственно кивнуть, одарить улыбкой. Мира тонко чувствовала разницу между этим «одарить» и просто «улыбнуться». Одариванье удавалось ей все лучше.

Но больше всего радовала осведомленность. Мира больше не была слепым котенком! Слуги, поощряемые ею, пересказывали то, о чем болтают среди челяди. Например, что в последнее время «черный стол» для прислуги стал на диво хорош. Кормят сытно и вкусно, даже лучше, чем при Адриане, а многим слугам еще и подняли жалованье. Ясно, лорд-канцлер пытается так добиться любви и преданности. А вот что непонятно – откуда он взял деньги? Казна пуста, даже казначея нет, налоговая служба временно бездействует. Да и откуда средства на все многочисленные праздники? Слуги говорили, что слышали от греев, а те – от кайров: Ориджин взял громадные трофеи в Южном Пути, и за счет них теперь содержит весь двор. Мира ставила на заметку: пора толком разобраться в финансах и понять, откуда они берутся. В безумную щедрость мятежника верилось с трудом...

Камер-леди Моллия охотно делилась придворными сплетнями. Правда, всякий раз прижимала пальцы к губам: «Ах, простите, ваше величество, что говорю о таких вещах, но вот вчера графиня А с виконтом Б...». Именно от нее Мира узнала: раньше у Ориджина имелась другая любовница – некто Нексия Флейм. Девушка менее влиятельного рода, чем Аланис Альмера, зато, по слухам, души не чаяла в Эрвине. После войны Нексия не появлялась при дворе.

Ориджин избегал ее, или Аланис как-то избавилась от соперницы, или сама Нексия не хотела терзать себя ревностью – неизвестно. Мира полагала верным последний вариант.

Самые же ценные сведения поступали от Дориана Эмбера. Придворный секретариат был весьма влиятельной инстанцией – именно потому, что любые мало-мальски значимые события фиксировались в его протоколах. Письма входящие и исходящие, частные и официальные визиты, прошения, назначения, взыскания, поощрения – бесконечный поток информации, из которой умный наблюдатель может сделать выводы. Баронет Эмбер не обрушивал на владычицу весь ворох фактов (да он и не поместился бы меж страниц «Дневников Янмэй»). Баронет излагал в записках лишь самое существенное. Например, такое:

«Банкирские дома просят на прием, будут предлагать кредиты. Это хорошо – вам начинают доверять. Но банкиры уже ходили с предложением к лорду-канцлеру, и он отказал. Вероятно, процент слишком высок».

Банкиры явились следующим днем: господин Конто, господин Фергюсон, госпожа Дей. Строгие камзолы, черные бриджи, кружевные воротники; узкое платье в пол, манто, лайковые перчатки.

– Наши сердечные поздравления вашему величеству...

– ...и соболезнования по случаю кончины владыки Адриана.

Мира печально опустила голову.

– Мы – хозяева банков «Первый кредит» и «Фергюссон и Дей», лучших в Землях Короны.

Мира, конечно, знала об этом из графика визитов. Банкиры могли не говорить названий своих детищ, но гордились ими, потому сказали. Мира одарила их тонким изгибом губ и благосклонным кивком.

– Рада знакомству с вами, господа.

– Время – деньги, ваше величество. Потому считаем долгом уважения говорить кратко. Зная, что казна государства испытывает некоторые затруднения, мы хотим предложить кредит.

Это сказал Фергюсон, а Конто искоса глянул на него и вставил:

– Ваше величество не должны думать, что мы недооцениваем финансовые возможности Короны. Имперское казначейство всегда показывало отличную эффективность в работе с деньгами, и, мы уверены, так будет и впредь...

Многословие Конто вызвало недовольный взгляд госпожи Дей. Она прервала его:

– Ваше величество, после тяжелой войны и расходов, связанных с коронацией, вы можете испытывать временные трудности. Искренне хотим помочь вам их преодолеть.

– Господа, – Мира улыбнулась, – как я понимаю, вы представляете два конкурирующих банка. Отчего же пришли вместе? Не удобней ли было пообщаться со мною раздельно, не мечта друг в друга испепеляющих взглядов?

– Мы стремились к открытости, ваше величество, – пояснил Фергюсон. – Никаких подпольных закулисных переговоров, а честное и симметричное предложение от двух банков сразу.

– Вероятно, торгуясь с кем-то одним из вас, я добилась бы большей выгоды?

– Возможно, – не стал спорить Фергюсон. – Но один банк не располагает такими кредитными ресурсами, как два вместе.

– Какими же?

– Мы предлагаем вашему сиятельному величеству, – Конто галантно поклонился, – двести тысяч эфесов под двадцать пять процентов в год.

– По сто тысяч от каждого банка, – добавил Фергюсон.

– И через месяц сможем дать еще столько же, – сказала Дей.

Тут Мире пришлось пожурить себя: она понятия не имела, выгодные ли это условия. В учебнике финансового дела она не продвинулась дальше десятой страницы. Дневники Янмэй, «Ключи успеха Юлианы Великой», «Взлет и падение Железного Солнца» – труды по теории власти Мира глотала, как хорошее вино, но от премудростей экономики неизменно начинала клевать носом. Дворянская кровь бунтовала против торгашества.

– Благодарю за предложение, господа. Мне нужно будет обсудить его со своим финансовым советником...

Которого, к слову сказать, все еще не назначила. Прекрасно, Минерва, умница! И до сих пор не приняла решения о казначее и управителе налогов. Лорд-канцлер неделю назад подал на рассмотрение две кандидатуры, а ты до сих пор не удосужилась встретиться с этими людьми!

– Конечно, ваше величество. Мы ни в коей мере не торопим. Едва понадобятся средства – вам стоит лишь послать весточку в наши штаб-квартиры.

Дей и Конто выступили вперед, чтобы строго одновременно подать Мире два цветных листка. То были векселя, на которых, кроме прочего, значились и адреса головных отделений банков. Каждый вексель – по сто эфесов. Солидный: отпечатанный цветными красками, с золотыми пунктирами по канту. На одном – герб Фергюсона и Дей, на другом – «Первого Кредита» Конто. Гербы столь вычурно витиеваты, что иной граф позавидует.

– Красивые векселя, – одобрила Мира.

Конто улыбнулся:

– Извольте видеть, ваше величество, это не векселя. В ваших руках ассигнации – ценные бумаги на предъявителя, с фиксированным номиналом.

Теперь Мира заметила: действительно, сумма не вписана от руки, а отпечатана.

– В любом отделении банка ассигнация может быть обменяна на серебро или золото эквивалентной суммы. Либо сама по себе использована для платежа.

Мира начинала осознавать.

– То есть, этим листком я могу расплатиться вместо сотни эфесов?

– В любом городе, где известны наши банки. Стало быть, в любом городе Земель Короны.

– Хотите сказать, это – деньги из бумаги?

– Из очень красивой бумаги, ваше величество, – Конто отвесил поклон.

Никогда прежде Мира не видела подобного; встречала лишь обычные векселя – по сути, долговые расписки.

– Давно ли существует это изобретение?

– Пять лет, ваше величество. С тех пор, как развитие типографской техники сделало возможной столь сложную печать.

В голосе Конто слышалось меньше гордости, чем требовала фраза.

– Существует подвох?..

– Абсолютно никакого, ваше величество!

Фергюсон перебил:

– Простите нашего недостаточно мудрого конкурента. Он отчего-то считает лицемерие хорошим тоном. Ваше величество не ошиблись: хождение ассигнаций очень ограничено. Мещане воспринимают их недоверчиво, в работе с мелкими обывателями годится только серебро. Но для платежей на высоком уровне – как в нашем с вами случае – бумажные деньги гораздо удобней и практичней. Согласитесь, ваше величество: ценные бумаги легче хранить и считать, нежели серебро.

– Весь бюджет двора – в одной шкатулке, – добавила Дей, – а не в чудовищных сундуках с амбарными замками.

Они ушли, а Мира задумалась. Плохо быть невеждой. Двести тысяч – много это или мало, по меркам государства? Годовая четвертина – выгодный процент или грабительский? К стыду своему, Мира не имела понятия. Однако идея бумажных денег пленила ее. Мира получила

странное удовольствие, держа ассигнации в руках. Быть может, дело в ее страсти к книгам и всему, отпечатанному на бумаге. Или в номиналах бумаг: двести эфесов – намного больше, чем когда-либо попадало в ее руки. А может – вернее всего – в свободе, какую обещали ассигнации. Золото – тяжелое, громоздкое, притягательное для воров. А эти два листка, сумма на пару лет жизни, легко поместятся в девичью перчатку. Можно взять только их, ничего больше, – и отправиться куда угодно. Свобода! Бекка Литленд – вот кто оценил бы!

К слову, от Литлендов подозрительно долго не было вестей. Пришли только официальные соболезнования о смерти Адриана и поздравления с коронацией. То и другое – голубиной почтой. После – ничего, ни слова из Мелоранжа. Мира посылала туда запросы и не получала ответов. Она старалась не тревожиться: как никак, Адриан разбил кочевников. А в Мелоранже, кроме полков Литленда, стоит немалая армия шиммерийского принца. Остаткам орды никак не победить. Наверное, молчание Бекки объясняется тем, что она сейчас в пути. Быть может, со дня на день появится во дворце вместе с послами Литленда! Мира расцветала при этой мысли.

И действительно, вскоре ее посетила очень высокородная гостья. Однако, не с Юга, а с противоположной стороны света.

«Ориджины прибыли в Фаунтерру: оба старших и сестра», – писал баронет Эмбер. – «Остановились в городском имении, завтра пожалуют ко двору. Что-то они...»

Письмо кончалось недомолвкой. Что-то они темнят? Затевают? Предпримут? Миру встревожило это. И троеточие в конце, и сама встреча с Ионой Ориджин. От одного имени вспыхнула цепочка других: Виттор Шейланд, Мартин Шейланд, Инжи Прайс, Линдси. Подвалы Уэймара. Эликсир бессмертия...

Дворцовая праздность была хороша одним: отвлекала от тяжелых мыслей. Но теперь мысли вернулись – Северная Принцесса привезла их с собой.

Странно: брат был мятежником, врагом Адриана и причиной большинства бед, однако Миру повергала в смятение сестра. К Эрвину чувство одно и вполне понятное: злость. К Ионе – сумрачная смесь: уважение, непонимание, проблеск надежды, эхо пережитого ужаса, и еще одно, в чем не хотелось признаваться. Когда две леди Ориджин вступили в тронную залу, Мире сделалось зябко. Неожиданно остро она ощутила свою уязвимость. Укутаться бы в плед, залезть отцу на руки...

– Леди София Джессика, леди Иона София, я рада приветствовать вас при дворе.

Дамы сделали реверанс. Обе одеты в черное почти без украшений. У Ионы – белый платок на руке: как проблеск среди траура.

– Всей душою мы соболезнуем вашей утрате, – начала дочь.

Мать продолжила:

– На этой войне обе стороны потеряли так много, что мы не имеем права радоваться победе.

В отличие от вашего сыночка – он только и делает, что празднует!.. Однако Мира сдержалась:

– Благодарю вас и разделяю ваши чувства.

– Однако война окончена, и тьма позади. Наступил рассвет: новый день, и новый год, и новое царство. Мы поздравляем ваше величество с новым светом, пришедшим в мир.

Леди София Джессика с поклоном протянула Минерве шкатулку.

– Позвольте преподнести вам подарок по случаю коронации.

Со словами благодарности Мира открыла шкатулку: там был янтарь, в котором застыло не насекомое, а крохотный нежно-голубой цветок.

– Эта диковинка природы – символ начала вашего правления, – сказала леди София. – Все великое на заре своей выглядит хрупким и уязвимым. Позже, окрепнув, станет вызывать

восторг, уважение, зависть... Меж тем подлинное чудо, достойное восторга, – зарождение, а не развитие. Этот новорожденный цветок по-своему более велик, чем все сады мира.

Владычица вздрогнула при слове «уязвимость», и до конца поздравления не избавилась от холодка в спине. Было нечто пугающее в изысканной утонченности леди Софии. А может быть, дело просто в платье: черный цвет напоминал Мире войну.

– Премного благодарна вам, леди София.

– А это – мой подарок вашему величеству, – Иона сняла с запястья белый платок и подала Мире. – Хочу, чтобы он напоминал вам: не бывает абсолютного мрака. В любой тьме обязательно найдется светлое пятно. Если вы не видите его, то лишь потому, что свет – внутри вас.

Душевность поздравления выбила Миру из колеи. Это был жест близости, чуть ли не интимный, напомнивший их последнюю встречу. Мире было бы куда уютнее в прохладной манерности, в протокольных церемониях. Она спешно переменяла тему:

– Леди София Джессика, я слышала о беде, постигшей вашего лорда-мужа. Сочувствую вам, искренне надеюсь на улучшение его здоровья.

Леди София коснулась взглядом белого платка:

– Ваше величество, мы с Десмондом искали хотя бы проблеск света в том, что с ним случилось. И сумели увидеть даже два солнечных блика. Первый в том, что мы с мужем стали намного ближе. Второй – понимание истины: тело вторично и незначимо, лишь душа – подлинная драгоценность.

И снова ответ близкого человека. По протоколу полагалось только: «Благодарю, ваше величество». Но теперь за откровенностью леди Софии Мира углядела тень недосказанного. Вспомнилась записка: «Что-то они скрывают...» Мира почувствовала себя уверенней. Интриги и тайны – ее стихия, в отличие от душевности.

– Леди Иона, как поживает ваш лорд-муж? Когда он меня посетит?

– К сожалению, нескоро. Он остался в Уэймаре.

– Граф Виттор не счел нужным поздравить меня?

– Графа Виттора удержали дела.

– А как поживает его брат?

Иона заледенела. В лице Северной Принцессы ничто не изменилось, однако Мира знала ее достаточно, чтобы ощутить волну холода.

– Мартин Шейланд также в Уэймаре, жив и здоров.

Вот как!..

– Очень жаль. Будет сложно учинить суд в отсутствие обвиняемого.

Леди София Джессика ответила вместо дочери:

– Ваше величество, не стоит судить на рассвете. Бывает время тьмы и время солнца. Когда приходит второе, не нужно его омрачать.

– Вы просите, миледи, или настаиваете?

– Я лишь советую. Любому пришлось бы сложно на вашем месте, юной девушке – в особенности. Если вам понадобится совет зрелой женщины – в любой час можете рассчитывать на меня.

Леди София подняла палец и добавила:

– Но только не ждите советов о моем сыне! Совершенно непонятное существо. Я сама в нем никак не разберусь.

Шутка смягчила напряжение. Мира сдержанно улыбнулась, Иона замерцала теплым светом – как и всегда, едва речь заходила об Эрвине.

– Леди Минерва, – сказала Иона, – поверьте, во мне ничто не изменилось. Я вам по-прежнему не враг.

Леди Минерва!.. Будто перышком по струнам души... Поддавшись внезапному порыву, Мира сказала:

– Завтра состоится премьера в Большом Коронном Театре. Позвольте пригласить вас в мою ложу.

Иона не успела ничего ответить – мать всплеснула ладонями и ахнула от восторга:

– Театр! О, боги! На свете нет ничего прекраснее! Ни один мой визит в столицу не обходится без него! Знает ли ваше величество, сколько лет и сил я положила на создание в Первой Зиме театральных традиций? К ужасу моему, развитие идет мучительно медленно... Завтра меня ожидает вечер сладкой боли. Наслаждение высоким искусством – и мука от мысли, как нещадно отстает Север. Ваше величество, во время спектакля я не смогу хранить хладнокровие! Пока не поздно, отмените приглашение, чтобы не попасть под брызги фонтана моих эмоций!

Северная Принцесса не без труда прервала монолог леди Софии:

– Если захотите услышать миллион слов о театре, моя леди-мать к вашим услугам в любое время дня и ночи.

Мире подумалось, что многословие Софии Джессики – мудрое искусство: остатки льда растаяли, враждебность испарилась. Сложно было не испытать симпатии к этой женщине.

– Леди София, я с радостью выслушаю все слова о театре, какие вам захочется сказать. И мое приглашение, конечно, в силе.

– Как прекрасно!..

– Также хочу передать вашему сыну мои извинения. Около недели назад он обсуждал со мною ряд сложных вопросов, и я до сих пор не высказала свои соображения. Но сейчас у меня появились некоторые мысли о кандидатурах казначея и управителя налогов. Я поделюсь с лордом Эрвином перед спектаклем либо после – как ему будет угодно.

– Вы дадите моему сыну совет о финансах?.. О, ваше величество безгранично добры! Двести шестьдесят лет назад почил последний лорд Ориджин, хоть что-то смысливший в экономике. О нем сложены легенды, которым ныне почти никто не верит... Если вы поможете Эрвину разобраться с казной, то окажете неоценимую помощь ему, Империи Полари, Дому Ориджин и – главное – театральному искусству северных земель!

Спутники – 3

Мелоранж и окрестности (герцогство Литленд)

Две балки сколочены наискось, в форме буквы Х. Грубая работа, но надежная: сколько Неймир ни напрягал мышцы, балки не дали ни дюйма слабину. Его конечности разведены и притянуты к балкам ремнями, так что и сам Неймир напоминал букву Х. Шею сдавливала петля на скользящем узле: дернешь головой – сам затянешь удавку. Он прилагал силы, чтобы шевелиться как можно меньше, и пока еще дышал свободно. Чара была не так осторожна. Неймир слышал судорожное и хрипкое дыхание спутницы: похоже, она стянула удавку нечаянным рывком. Повернуться и глянуть на Чару, не задохнувшись, Неймир не мог.

Всем, что он видел, был кусок каменной стены и стол перед нею. На стене, в кольце света от факела, поблескивал жирный слизень. Сырой камень высыхал от огня, и слизень пытался отползти подальше – в тень и влагу. Сокращался и вытягивался, сокращался и вытягивался, но все не мог выбраться из пятна света.

За столом у стены сидел другой слизень, покрупнее. Этот тоже был жирен и тоже поблескивал – факел отражался в его лысой макушке. Глядя в пустоту между Неймиром и Чарой, человеческий слизень чесал брюхо. Запускал руку под фартук и скреб живот, издавая шорох. Вытаскивал ладонь на свет, разглядывал грязные пальцы и снова принимался чесать: шурх-шурх-шурх. Единственным делом слизня было следить за пленниками, и даже с этим он справлялся плохо. Пока слизень занимался своим брюхом, Неймир сумел вывернуть кисть руки и прикоснуться к ремню. Нечего надеяться расстегнуть или порвать. Но кожу ремня – старую, изношенную – покрывали трещинки. Если вогнать ноготь в одну из них и долго царапать... Час или два упорного труда, а затем рвануть как следует... Только и нужно – чтобы слизень за столом все так же тупо скреб свое брюхо. Шур... шурх... шурх...

Тишину вспорол лязг засова, факел качнулся от движения воздуха. Несколько пар каблуков простучали по камню, заставив Неймира отдернуть пальцы от ремня.

– Вот они, ваше высочество.

Человеческий слизень выпрыгнул из-за стола и согнулся в поклоне, насколько позволяло брюхо. Никто из вошедших не глянул на него. Их было четверо. Два воина в пластинчатых доспехах и островерхих шлемах, какие носят южане. Невысокая женщина... нет, девушка: куколка лет семнадцати, тонкие брови – как шрамы на белой-белой коже. И тот, кого назвали «высочеством»: мужчина, похожий на вороного жеребца. Грива смоляных волос до плеч, сквозь пряди недобро и насмешливо сверкает карий глаз.

Полувраг – так назвал этого парня Моран Степной Огонь. Да, именно, полу. Не слишком грозный, не много злобы в глазах, мало твердости в скулах. Если разобраться, собственный вождь пугал Нея значительно больше, чем вражеский. Однако сейчас жизни Спутников в руках полуврага, и придется очень постараться, чтобы спасти их.

– Долгих лет вашему высочеству! – выкрикнул Неймир, стараясь не затянуть петлю.

– Знаешь, кто я? – ухмыльнулся полувраг. – Или повторяешь, как попугай?

– Кто не знает принца Гектора Шиммерийского, Первого из Пяти, славного среди славных?

Полувраг прищурился с любопытством. Обронил:

– Стул...

Воины свиты подсунули сиденье под задницу принца, он сел, куколка встала рядом, приобняв его за шею.

– Как твое имя, шаван?

– Ваше высочество, простите, но тут закралась печальная ошибка. Ошибка из ошибок, ваше высочество! Я не шаван!

– А кто же, позволь узнать?

Неймир ответил с чистейшим южным выговором, какой только услышишь от Львиных Врат до Берега Бивней:

– К услугам вашего высочества славный Ней-Луккум, делец Юго-восточной гильдии, хозяин трех кораблей, почтенный гражданин Оркады!

– Хочешь сказать, ты – шиммериец? – губы принца изогнулись гримасой недоверия.

– Ваше высочество, я не только имел желание сказать, но и выполнил его. Я – шиммериец, сын южного солнца, вернейший из ваших подданных!

Принц Гектор бросил взгляд на свою куклу, и та мурлыкнула:

– Он врет, мой господин.

– Ты врешь, – повторил принц.

– Пускай мое мужское естество усохнет, как сорванный цветок, если посмею солгать вашему высочеству!

– Ты смуглый, как кочевник.

– Странствия сделали меня таким. Солнце не знает жалости к мореплавателю.

– Ты явился в Мелоранж, чтобы шпионить.

– Я приехал заключать сделки. Война – лучшее время для торговли.

Куколка принца шепнула:

– Бессовестная ложь. Мой господин, он даже дня не жил в Шиммери!

Неймир ответил со всею гордостью, какую позволяла ему петля на шее:

– Жаль, что вы так заблуждаетесь, госпожа, ведь стыд за эти слова измучит вас. Я родился и вырос в Оркаде – жемчужине Юга. Особняк моего славного отца – Калим-Луккума – стоял на Портовом проезде Глубокой гавани. В окна детской я видел башню Белой Девы и чайный дом славного Аферана.

– Отец обучил тебя ремеслу купца? – поинтересовался принц.

– Отец лишь начал мое обучение, ваше высочество. А после на пять лет отдал меня в услужение славному Оберлику – третьему старейшине гильдии. Ваше высочество не может не знать: по традициям Оркады, купец отдает сына в обучение другому купцу, чтобы дополнить свое искусство мастерством коллеги.

– Чем ты торгуешь? Шелком?

– Горько, что ваше высочество унижают меня такой догадкой. В Оркаде лишь мошенник торгует шелком, ведь эта привилегия отдана купцам города Лаэма. Самый прибыльный товар, уходящий из гаваней Оркады, – это чай. Его я и продаю дворянам Литленда и Короны.

– Сколько ты имеешь кораблей? Четыре?..

– Три, ваше высочество.

– Какого измещения и класса?

Неймир ответил, не колеблясь.

– Сколько мачт и парусов?

Неймир сказал.

– В каких верфях заказал постройку?

Неймир назвал лучшие верфи Оркады.

– Но там я заказал только два судна из трех. Первый корабль был мне подарен отцом на совершеннолетие, по традиции моего славного рода.

Принц потербил свою куколку и метнул вопросительный взгляд: видала, каков? Она изогнула бровь: вот уж сюрприз!

– Тебе многое известно о Юге, – сказал принц пленнику. – Знаешь наши порядки, в Оркаде бывал не раз, купеческое дело понимаешь. Но скажи мне, ловкач, отчего тогда ты женат на шаванке?

Принц Гектор направил палец в лицо Чаре. До сих пор ни разу не глянул на нее, кажется, лишь теперь заметил.

– Женат?.. – удивленно переспросил Ней.

– Скажешь, она – тоже южанка? Ее кожа – кофе с молоком. Ни одна белокровная не доведет себя до такого. А глаза – узкие, злющие; смотрит – будто целится. Она – лошадица! Что на это скажешь?

Ней пожал бы плечами, если бы ремни позволили. Сказал с безмятежным спокойствием:

– Конечно, шаванка, ваше высочество. Понял бы и менее наблюдательный человек, чем вы. Но кто сказал, что она мне жена? Разве славные женятся на лошадицах?

– И кто же она?

– Чара – моя альтесса для любовных утех, ваше высочество. Альтессу для бесед и альтессу домашнего уюта я оставил в Оркаде, чтобы не рисковать ими в путешествии. Но от любви мужчине никак нельзя воздерживаться, иначе стержень согнется, как яблочный черенок. Потому и взял Чару с собой. Она – мастер в этом деле.

Ней лукаво подмигнул принцу:

– Не желаете ли испробовать?..

– Хе-хе! – Гектор издал смешок. Судя по искоркам в глазах, он еще не поверил Нею до конца, но был очень близок. – И где же ты купил свою Чару? В Оркаде?

– В Лаэме, ваше высочество. Тамошний привоз богаче.

– А за какие деньги?

– Шаван-торговец просил сто тридцать, а я сбил до ста: у нее на левой груди шрам. Хотя теперь, ваше высочество, я бы Чару не уступил и за триста. А что шрам – так это даже лучше, на мой взгляд: больше остроты и пикантности.

– Ты, как я вижу, и в женщинах знаток?.. – улыбнулся принц.

– Каким бы я был мужчиной, если бы не знался в женщинах? Эта наука – первая среди всех!

– Раз так, то не скажешь ли: в какие деньги обошелся мой цветочек?

Принц обнял за талию хрупкую девицу. Неймир хмыкнул:

– Я бы сказал, ваше высочество, но вежливость заставляет молчать.

– Отчего так?

– Боюсь, мой ответ огорчит вас, а расстроить ваше высочество – последнее, чего бы мне хотелось.

– Не скромничай, славный. Я нынче в прекрасном настроении, и что бы ты ни сказал, слова не омрачат его.

– Ну, раз так, ваше высочество, то скажу, но наперед прошу прощения. Ваша девушка – бела кожей, изящна и юна. Такой товар редко встретишь. Полагаю, шельмец-торгаш взял с вас не меньше пятисот эфесов. На сотню он завысил цену потому, что вы – принц. С меня просил бы четыреста. Я сказал бы: она – не леди Центральных земель, а всего лишь болотница Дарквотера, это по губам и подбородку видно. Цену скинули бы до трехсот, а я бы сказал: в ней нет чистоты, больно нагло смотрит в глаза, по всему – не девственница. Торгаш бы сказал: двести двадцать. А я бы ответил: сто десять, в ней еще один крупный изъян присутствует.

– Это какой? – фыркнула девица.

– Не умеет молчать, когда не спрашивают, – сказал Ней, не глянув в ее сторону.

Гектор Шиммерийский рассмеялся. Встал, откинув волосы с лица, впервые глянул на пленника обоими глазами.

– Ты очень порадовал меня, славный. Нужно всегда наслаждаться жизнью. Что я ни делаю – воюю ли, торгую, пирую, допрашиваю узников – все с удовольствием! Если бы ты запирался и молчал, или визжал от ужаса, или умолял о пощаде – было бы неприятно. Я бы так скверно провел утро, словно выкинул его из жизни. Но ты говорил спокойно и красиво, доставил мне много удовольствия. Благодарю тебя!

– И для меня было счастьем побеседовать с вашим высочеством! Жаль, что петля на шее не дает мне поклониться, как требует вежливость.

Принц хлопнул себя по лбу:

– Ах, конечно! Какая бестактность с моей стороны...

Он своими руками взялся за узел, но не сумел распутать. Подозвал слизня:

– Сними петлю.

Тюремщик был ниже пленника и не доставал до узла. Со скрипом подтащил табуретку, влез на нее, принялся пыхтеть за ухом Нея, возясь с веревкой. Принц Гектор сказал:

– Пока ты здесь, славный, позволь продлить нашу беседу и обсудить еще один вопрос.

– Почту за честь, ваше высочество!

– Коль скоро ты прибыл из Шиммери, то мало знаешь о здешней войне. Придется мне посвятить тебя в дела. Наш враг – орда грязных разбойников под руководством самого отъявленного мерзавца, Морана Степного Огня. С помощью полков владыки Адриана, вечное счастье его душе, мы разбили шаванов так, что они бежали в степь, очертя голову. Погиб каждый четвертый из них, что по меркам орды – чудовищные потери. Прежде, если в бою умирал хотя бы каждый десятый, то шаваны уходили и не возвращались. Чтобы ты понимал, кочевники бьются не за славу и не за гордость, а только ради денег. Мертвецам же деньги не нужны.

Слизень наконец стащил петлю с шеи Неймира, тот с наслаждением вдохнул полной грудью и попросил:

– Моя альтесса...

– Да, да, конечно, – принц махнул тюремщику, и тот перебежал к Чаре. – Так вот. Я ожидал, что теперь, после страшного разгрома, шаваны уберутся за Холливел и больше не покажутся. Но Моран Степной Огонь, этот кровавый зверь, сумел удержать орду в Литленде. Он перебил сотни дезертиров, до полусмерти запугал шаванов и заставил их беспрекословно подчиняться приказам. А это, чтобы ты знал, славный, очень не в духе орды. Ничем так не дорожит шаван, как конем и свободой, – поскольку больше ничего не имеет. Отними у шавана свободу – получишь лютого врага. Всадники должны быть очень недовольны Мораном, – так подумал я. И, представь, получил подтверждение.

Петля слетела с шеи Чары, лучница задышала глубоко и ровно.

– Позвольте, ваше высочество... Мои руки совсем затекли... – пожаловался Ней, и принц кивнул:

– Тюремщик, слышал его? Руки славного затекли!

Слизень снова запыхтел над ухом Нея, а принц продолжил:

– Я получил письмо от одного ганты из орды. Ганта – это у них, на Западе, мелкий вождь, вроде нашего барона. Представь, среди них бывают грамотные!.. Так вот, один ганта написал мне...

Вынув из кармана замусоленный листок, Гектор зачитал вслух:

– *«Принц, ты наш враг, но Моран – хуже. Хочу положить его в пыль, потому помогу тебе. Предупреждаю: Моран послал в Мелоранж разведку. Сколько всего лазутчиков – мне неизвестно, но знаю двух из них: мужчину и женщину. У женщины зоркий глаз и меткий лук, а мужчина – ловок, храбр и может притвориться кем угодно. В орде эту пару зовут Спутниками, а настоящие имена – Чара и Неймир».*

Принц наклонился к самому уху Нея:

– Скажи, славный, не знаешь ли ты этих двоих?..

Еще звучало последнее слово, когда Ней рванулся, выдрал руку из ремня и ухватил принца за горло. Тот отдернулся, цепкие пальцы Нея впились в его кадык, сжались... и соскользнули. Гектор Шиммерийский отскочил к стене и заорал на тюремщика:

– Ты расстегнул ремень?! Болван!

– В-в-ваше высочество с-с-сами при-при...

– Я играл с ним! Шутил! Ты шуток не различаешь?!

Слизень потратил минуту, чтобы заарканить руку Неймира и снова привязать ее к балке. Ней дрожал от ярости и досады. Все мышцы бугрились, тщась порвать ремни. Дыхание толчками вырывалось из горла.

– Ну, ну, спокойнее! – сказал ему принц. – Это всего лишь предательство. Обычная штука, привыкай. А ты хорош: акцент прекрасен, повадки правильны. Я ни за что не распознал бы тебя, если б не письмо.

– Ш-шшакал! – бросила Чара. – Мерзкая тварь!

Голос хриплый, низкий, грубый. Никакого южного сахара.

– Я шакал?.. – принц не столько обиделся, сколько удивился. – Почему? Это же не я вас предал.

– И ты. И он. Мы доберемся до обоих. Пыль скучает по вам.

– Доберетесь?.. – принц потер подбородок так, будто всерьез взвешивал ее слова. – Ммм... Полагаю, нет. А ты как думаешь?

Он обращался к связанному Неймиру. Пленник сказал с тяжелым вздохом:

– Мы не знаем никакого плана...

– Ну-ну-ну, – принц укоризненно покачал головой. – Мы очень приятно вели беседу, ни к чему теперь ее портить. Ты запрешься, я прикажу, мои люди возьмут одну из этих штук...

Гектор оглядел стол с инструментами, брезгливо тронул один, похожий на ухват.

– Что это вообще такое?.. Для чего?.. Я даже не представляю и совсем не мечтаю выяснить. Люблю жить с удовольствием, а не... – он с омерзением отбросил ухват.

– Мы ничего не знаем, – прохрипел Неймир. – Мы простые разведчики, не вожди, не полководцы...

– Вот как мы поступим, – сказал принц. – Я отвечу тебе приятностью на приятность. Ты знаешь нравы моего Юга, а я покажу, что понимаю душу Запада. Что бы ты ни говорил, вы, шаваны, боитесь боли и смерти. Да, да, все боятся, даже Моран, спали его солнце. Но есть кое-что, чего вы боитесь еще сильнее. Эй, ты...

Принц махнул тюремщику и указал на Чару:

– Отрежь ей ноги.

Ней похолодел и обмер. Чара Без Страха от ужаса перестала дышать. Слизень выбрал инструмент – пилу с мелкими зубцами, темную от ржавчины. Принц скривился:

– Нет, болван! Что это за мерзость? Возьми меч или топор, сделай дело чисто! Пусть она не помрет от боли или гнилой крови. Пусть живет долго-долго, но не может ни сесть в седло, ни ступить шагу. Пускай ползает по земле и кланится милостыню – год за годом, год за годом, пока кто-нибудь не зарежет ее из сострадания. И даже тогда, после смерти, ее душа не примкнет к счастливой Орде Странников, а останется прикована к той паперти, где много лет подбирала из пыли монетки.

Вынося приговор Чаре, принц ни разу не посмотрел на нее. Даже когда она преодолела первый ужас и закричала, извергла поток самых яростных и лютых проклятий, Гектор не удостоил ее взгляда. Он говорил только с Неймиром.

– Что скажешь, славный Ней? Я угадал ваш страх?

– Не делай этого... – выдавил пленник. – Не с ней... Сделай со мной.

– О, конечно! Ты будешь следующим – сразу после Чары. Если не скажешь то, что хочу знать.

– Я не знаю никаких планов! Моран не делится с простыми всадниками!!!

– Жаль, что он так скрытен. Это омрачит мое утро...

Принц печально нахмурился и кивнул слизню. Тот поднял топор, целясь выше колена лучницы.

– Нет! Стойте!.. – заорал Неймир. – Я скажу!

– Какая прелесть!

Принц Гектор откинул со лба волосы:

– Я весь внимание. Просвети меня, славный Ней.

– Моран велел нам узнать, куда причалит твой флот. Мы атакуем его и сожжем. Ты застрянешь в Мелоранже, а мы...

– Ну-ну, не останавливайся! Половина правды – половина ножи.

– А мы пойдем в Шиммери, пока там нет тебя.

– Чудесно!

Гектор Шиммерийский хлопнул в ладоши от восторга. Смеясь, обернулся к своей девице:

– Что я тебе говорил? Нет, вспомни, что я сказал?!

– Что они пойдут в Шиммери, любимый.

– Да! А почему я так говорил?

– Ты догадался...

– Потому, что я шаванов насквозь вижу! Вот почему!

Он потрепал пленника по щеке и сказал:

– Но теперь главный вопрос. Мои корабли – как ты, конечно, узнал – придут в Ливневый Лес двадцатого января. А вот знает ли об этом Моран?

– Мы не могли подать ему весть...

– Конечно, не могли – не пошлешь же голубя в чистое поле. Но были ли другие разведчики, кроме вас?

Ней отрицательно качнул головой – и тут же получил удар по лицу.

– Эй! Ты думаешь, я – дурак? Или я должен поверить, что Моран – дурак?.. Сколько было разведчиков?

– Только мы...

Новый удар. Перстень на принцевом пальце распорол ему щеку.

– Ты портишь мне настроение. Я этого не люблю. Еще одна твоя ложь будет стоять Чаре ступней. Итак, сколько было разведчиков?

– Семеро.

– Кроме вас?

– Нет, с нами.

– Мы поймали пятерых. Трех убили, вы достались живыми. Значит, еще двое остались на свободе. Если скажу, что кто-то из них сейчас скачет к Морану, сильно ошибусь?

– Нет.

– Стало быть, Моран уже знает о кораблях. А я знаю, где встречать Морана: на подступах к Ливневому Лесу. В самой глубине джунглей, где шаваны беспомощны, как детишки. Прелесть, прелесть!

Южанин притянул к себе девчонку и громко поцеловал.

– Я, Гектор Шиммерийский, покончу с ордой. Сделаю то, чего не смог великий Адриан! Каково?!

– Любимый...

Потом он обернулся к Неймиру, и тень скользнула по лицу полуврага.

– Вот только одна печаль... Моран не знает, что я знаю его планы. Отпущу вас – поскачете к нему, предупредите. Боюсь, Ней... Как бы ни был ты мне симпатичен...

– Нет, нет! Я же все сказал, что вы хотели!

– И потому умрешь всадником, а не безногим калекой. Но оставить вас в живых будет...
МММ...

– Неблагодарно, – подсказала девица.

– Глупо, – кивнул принц.

– Ваше высочество, – произнесла Чара, голос был неожиданно спокоен. – Ты ведь не был нашим врагом. Мы били тирана и шакалов-Литлендов, а ты всунулся. Теперь ставишь капкан, хочешь всю орду положить в пыль. Ты совсем не боишься? А зря. Ох, зря. У Запада долгая память.

Гектор поморщился и приказал:

– Заткните ей рот. Она слишком мрачная, не люблю таких. А ты, Ней... Не держи зла. Как вы, западники, говорите: тирья-тирья.

Полувраг не остался смотреть казнь – зрелище могло испортить аппетит. Он ушел, забрав девицу и одного мечника. С пленниками остался второй воин и слизень. Воин сказал:

– Делай, не мешкай.

Тюремщик потер ладони о фартук и спросил:

– Как?

– Нет разницы. Сделай, как можешь.

Слизень поднял топор. Глянул на пол, замешкался. Видать, именно ему придется потом отмывать кровь. А крови будет о-ох как много.

Слизень обвел рукой шею и показал, будто затягивает узел.

– А можно я... того...?

– Да плевать. Делай уже.

– Сейчас, я сейчас.

Он подтащил табуретку. Пыхтя, взгромоздился на нее, ухватил веревку за ухом Чары. А Неймир, все это время отчаянно думавший над спасением, увидел, кажется, луч надежды.

– Стой, стой!

– Чего это?.. – удивился слизень.

– Принц обещал, что мы умрем, как всадники. Нарушишь клятву принца?

– У?.. – слизень зыркнул на мечника. Тот спросил Нею:

– Как всадник – это как?

– В седле.

– Размечтался. Отсюда ты не выйдешь. Коня, что ли, тащить в погреб?

– Тогда – хотя бы на ногах.

– Никаких боев. Принц велел убить, а не устраивать пляски.

– Я не сказал – в бою. Просто на ногах. Развяжи мне ноги и позволь встать. Руки держи связанными.

– Чушь какая-то.

– Прошу. Как воин воина. Умрем со связанными ногами – не попадем в Орду Странников. Наши духи навсегда останутся в темнице! Пожалей! Как солдат солдата прошу!

Южане – не северяне: у них имеется душа. Мелкая, себялюбивая, жадная, – но все же. Со всем жаром Неймир взывал к душонке шиммерийца:

– Мы тебе ничем не навредили. Все сказали, как хотел его высочество. Он бы вовсе нас отпустил, если б мог! Сжался, воин, не обрекай на участь, что хуже гибели. Позволь умереть правильно!

Южный мечник поддался:

– Ладно, помни доброту... Ты, передник, развяжи им ноги. По очереди: отвяжи бабу и прикончи, потом то же самое с парнем.

– Сперва меня, – попросил Ней. – Не хочу видеть ее смерть.

- Почему?
- Ты никогда не любил женщину?
- Она – не женщина, а свирепая сука.
- Сердцу не прикажешь.
- Хм...

Воин задумался: есть ли подвох в просьбе пленника? По правде, Неймир сам не знал, в чем его план. Ноги – не руки. Свободной ногой можно раз хорошо ударить. Можно вырубить слизня или даже убить, вогнав кадык в глотку. Но это не спасет ни Нея, ни Чару: воин, что держится в стороне, обнажит меч и зарубит обоих. Одна только малая надежда...

- Ладно, – кивнул мечник, – начни с парня.

Слизень шумно наклонился к ногам Неймира, стал расстегивать ремни. Кажется, он ничего не мог делать без пыхтения. Ремни упали. Ней распрямил ноги, повис на руках, но не достал до пола ступнями. Жалобно глянул на мечника:

- Брат, я вишу, а не стою... Мне бы стоять...
- Надоел, – буркнул воин. – Сколько ни сделай, все ему мало. Кончай его!

Слизень полез на табуретку. Прежде, чем петля затянулась на шее, Ней подогнул ноги, уперся ступнями в балки креста, подтянулся на руках как можно выше...

- Эй, ты что это?!

...и бросил всю массу тела вниз. Деревянный крест сорвался с крепления. Ней ударил ступнями в пол, ахнул, еле выстоял под весом скрещенных балок. Ремни на запястьях выдержали. Руки – проклятье! – остались привязаны к дереву, и теперь тяжеленный крест лежал на спине Нея.

- Трюкач, – буркнул воин и обнажил меч. – Думаешь, оно тебе поможет?
- Посмотрим.

Едва услышав шаги за спиной, Ней крутанулся на месте. Балки на спине стали оружием. Тюремщик жалобно хрюкнул, когда его сшибло с ног. Мечник двинулся к Неймиру, тот попятился. Пошевелил плечами, поправив тяжеленный крест. Согнул в коленях ноги, найдя прочную опору. Воин с насмешкой глядел на его потуги. Ней смотрелся неповоротливо и глупо: кажется, толкни – упадет. Но концы балок торчали на ярд во все стороны и вполне могли сбить мечника, как только что – тюремщика. Потому воин не спешил – ждал, пока Ней свалится сам.

- И долго ты прстоишь с этой штукой?

Вместо ответа пленник рванулся в атаку. Подбежал к воину, целя концом балки ему в грудь. Но тот легко увернулся от удара и обошел сбоку. Ней крутанул крестом, мечник присел. Балка пролетела над его головой, а он сделал выпад. Ней шатнулся от резкой боли в боку. Мечник поймал конец балки и толкнул. Не удержав равновесия, Ней грохнулся на пол. Масса креста приплющила его к камням.

- Попрыгал – и будет.

Воин занес клинок.

Странный звук заставил его обернуться: кто-то негромко кашлянул. Никто не слышал скрипа петель, однако дверь была теперь открыта, и на пороге стоял человек. Широкополая шляпа скрывала лицо густой тенью, серый плащ прятал плечи и локти. Виднелись лишь ладони, лежащие на поясном ремне. Оружия на поясе не было – ни меча, ни кинжала, только ряд разноцветных бляшек.

- Кхм-кхм, – прокашлялся человек в плаще. – Я возьму этих двоих. Они мне нужны.
- Ты еще кто? – мечник поднял оружие.
- Тот, кому плевать на твою железку.

Человек выбросил руку вперед. Стая красных искр слетела с пальцев и ударила воину в лицо.

– Аааа!..

Воин выронил меч и вцепился ладонями в лицо, будто хотел содрать кожу с головы. Человек в плаще подошел к нему, легонько шлепнул по плечу. Мечник повалился на пол и замер. Человек ткнул пальцем в лоб тюремщику, который только что сумел подняться.

– Развяжи обоих.

Приказ был выполнен почти мгновенно. Обретя свободу, всадники тут же схватили оружие: Ней взял меч воина, Чара – топорик тюремщика. Человек в плаще сказал:

– Вы спросите, кто я. Отвечу.

Он положил ладонь на лысую макушку слизня. От пальцев протянулись синие нити, опутали сетью голову – и она вспыхнула невидимым пламенем. Не было ни огня, ни жара, ни дыма. Кожа просто обуглилась и рассыпалась пеплом. На плечах трупа остался голый череп.

– Я – Колдун. Зовите меня так.

* * *

Они почти без труда покинули темницу. Это не было подземелье настоящего замка. Замок держали Литленды, а шиммерийцам отдали десяток простых городских домов. В подвале одного из них и держали пленников. Впрочем, будь они в замке, возможно, Колдун смог бы вывести их и оттуда. Двум стражникам у дверей он просто сказал: «Они со мной», – и воины даже не глянули на Чару с Неем.

Быстрым шагом вышли из квартала шиммерийцев, свернули в тенистую подворотню. Колдун остановился:

– Пару слов.

– Кто ты и почему помог нам? – спросила Чара.

– Нет, – он качнул головой. – Мои слова. На твои нет времени.

– Слушаем, – сказал Ней.

– Я вас спас. Вы мне должны.

– Лысого хвоста должны! – рыкнула Чара. – Мы тебя не просили.

– Чего ты хочешь? – спросил Ней.

– Поскачете к Морану, предупредите о засаде, которую строит принц. Моран возвысит вас и сделает своими спутниками. Потом приду я. Вы сведете меня с Мораном.

– И все?

– Скажете: это Колдун. Он многое может, мы видели. Скажете: он на нашей стороне.

– После этого – в расчете?

– Да.

– Идет.

Чара фыркнула:

– Только этому не бывать. Принц найдет трупы, поймет, что мы сбежали, поменяет план.

– Не найдет, – Колдун качнул головой. – И не поймет.

Он поправил шляпу, приподняв поля. Лишь теперь Ней увидел лицо спасителя. Сломанный нос, свернутый набок. Блестящий золотой зуб под ощеренной заячьей губой. И блеклые косые глаза. В жизни Неймир не видел настолько косых глаз. Невозможно понять, куда смотрит Колдун, и от этого почему-то жутко.

– Я позабочусь, – сказал Колдун. Помедлил, будто взвесил, не добавить ли что-то. Сверкнул зубом и издал смешок: – Хе-хе.

* * *

Час спустя они скакали в степи, оставив за спиной столицу Малой Земли. Если бы стражники нашли мертвецов, они подняли бы тревогу. Принц Гектор шепнул бы слово Литлендам, те заперли бы ворота, и город стал клеткой. Но ничего не случилось. Ворота стояли открытыми, а на всадниках по-прежнему была одежда южан, и стражники только махнули им:

– Счастливого пути, славные!

Первый час Неймир ждал погони. Потом вздохнул с облегчением: теперь уже никак не настигнут, даже если спохватятся. Сказал Чаре:

– Ушли. Из самых клыков выскочили!

Она промолчала.

– Ты бы порадовалась. Не каждый день так везет. Со дня, как побились с Адрианом, ни разу удачи не видали. Сегодня – первая.

Чара молчала и дальше.

– Ты что, злишься?

– Отцепись! – рыкнула она. – Замолкни, а то скажу.

– И скажи! На что злишься, а?

Она промолчала, только опалила взглядом.

– Так на что?

– Ты – поганый трусливый шакал! Мне стыдно ездить с тобой!

Она скакала на полкорпуса впереди. Оглядываясь, плевала в Нея словами:

– Обмочился со страху! Распустил язык! Ты – позор Запада! Овца!

– Я же тебя спасал...

– Ценою всей орды?! Как ты мог подумать, что я хочу такого спасения?!

– Лучше было смотреть, как тебе отрежут ноги?

– Да! Будь я проклята, да! Смотреть не мог? У тебя сердце девчонки! Ползун, а не всадник!

Последнего Ней не стерпел.

– А ты – дурная злая сука.

– Что-о?

– Я врал, как умел, и почти нас вытащил. Ты только орала и бранилась. Ничего лучше не выдумала. Это мне стыдно, что ежусь с такой дурой.

Она рванула в сторону, налетела на Неймира, замахнулась. Он перехватил ее руку и вырвал поводья. Натянул, вынуждая коней встать. Чара хлестала его свободной рукой и пыталась освободиться. Он был сильнее. Когда кони остановились, Ней стащил ее с седла и бросил наземь. Чара отбивалась и рычала, пока он срывал с нее южные тряпки. Ней прижал женщину к земле. Она замерла, раздувая ноздри, прерывисто дыша... Издала хриплый стон и выгнулась ему навстречу.

Вскоре они снова скакали на юг.

– Ты обезумел, – сказала Чара. Совсем другим уже голосом. – Если за нами погоня, ты дал им лишнюю четверть часа.

– Уйдем, – отмахнулся Ней.

– Я в лохмотьях похожа на нищенку.

– Плевать.

– И теперь у нас меньше сил для скачки.

– Сил хватает.

Чара глянула на него: без тени злобы, с робкой надеждой.

- Скажи: мы успеем?
- Успеем.
- Скажи так, чтобы я поверила.
- Мы потеряли в темнице всего день. Орда не могла уйти далеко. А если ушла, то мы знаем куда: к Ливневому Лесу. Пойдем следом, нагоним.
- Чара сказала:
- Прости. Ты меня спас. Я была неправа.
- Нет, ты права. Я глупец. Из-за меня все в опасности.
- Но мы успеем, – сказала Чара.
- И повторила, вложив всю веру, какую имела:
- Успеем.

* * *

Там, где стояла орда, теперь лежало голое поле. Черное от кострищ, смрадное от навоза и трупов, что до сих пор висели на столбах.

– Все... – только и сказала Чара.

Спешилась, прошла несколько шагов, бессильно опустилась на землю.

Ней тоже спешился. Присел перед спутницей, положил руки ей на плечи.

– Не горюй. Найдем еды и воды, подкрепимся, пойдем по следам. Нагоним наших раньше, чем они влетят в засаду.

– Врешь, – тяжело вздохнула Чара.

Даже дважды, если разобраться. Всю дорогу от Мелоранжа они жевали коренья, и здесь еды тоже не предвиделось: откуда взяться пище там, где месяц простояло войско? Но вторая часть лжи куда страшнее: им не нагнать орду. Трава успела подняться на пятнах от шатров, ветер размел пепелища, вороны до костей обглодали тела. Орда ушла добрую неделю назад. Теперь она у самого Ливневого Леса – все равно, что на погребальном костре.

– Все погибнут, – сказала Чара. – Из-за нас.

– Из-за меня, – поправил Ней.

– Не все ли едино?

Неймир не знал, о чем мечтает больше: перегрызть себе глотку или найти для Чары хоть слово утешения. То и другое было одинаково невозможно.

Он побрел, шатаясь. Ноги подкашивались... вряд ли от голода. Глаза слепли. Не видели ни солнца, ни туч – только траву на месте шатров, разметенные пепелища...

– Эй... – шепнула Чара.

Повторила громче, с проблеском в голосе:

– Эй!..

Он оглянулся. Заметил надежду в ее глазах и неожиданно для себя сказал:

– Тут что-то не так.

– Что-то не так, – эхом отозвалась спутница.

– Кажется, орда ушла неделю назад...

– Но она не могла уйти так давно! Те, другие разведчики вернулись вчера, или два дня назад, или три...

– Но не раньше! Неделю назад Моран еще не знал, где корабли принца.

– Значит, он ушел...

– Не в Ливневый Лес!

– Совсем в другую сторону!!

Боясь поверить напрасно, они выехали из лагеря и прошли по следам всадников. Все верно! Шаваны вошли в джунгли, но потом двинулись не в сторону Ливневого Леса, а свернули

севернее, ближе к Мелоранжу. Пошли по самому краю чащи, не углубляясь далеко. Похоже на то, что Моран решил-таки штурмовать столицу Литленда. Трудное и опасное дело, но все же лучше верной смерти в Ливневом Лесу!

На радостях Ней прижал к себе Чару.

– Потом. Побереги силы, – она укусила его за ухо. – Нам нужно нагнать их, а еда будет нескоро.

– Когда нагоним... – он подмигнул ей.

Спутница крепко поцеловала его и прыгнула в седло.

* * *

Идти через джунгли – опасное дело, а следом за ордой – вдвойне. Литлендцы отслеживают передвижения врага. Наверняка их разведчики идут по стопам орды, как и Неймир с Чарой. Потому спутники все время были начеку, прислушивались к каждому звуку, держали наготове свое скудное оружие.

Вскоре они повстречали литлендских разведчиков, однако ни меч, ни топорик не нашли применения. Неймир хмыкнул, глядя на холмик свежей рыхлой земли. Чара проехала дальше и нашла еще пару таких же. Моран Степной Огонь оставлял за собою засады и истреблял всех, кто шел по его следам. Было ясно, что в могилах лежат литлендцы: тела своих всадников Моран сжег бы, а не отдал червям. Но вот что странно...

– Зачем их зарыли? Почему не бросили шакалам?

– Кроме шакалов, слетелись бы стервятники. Их можно увидеть издали.

– Моран пытается идти скрытно?

– Сама видишь. Убивает разведчиков, не бросает трупы, не жжет костры.

Действительно: ни одного пепелища спутники не видели с тех пор, как въехали в джунгли.

– Как можно незаметно провести орду? Чертова тьма всадников!..

– Есть способы... Выслать вперед авангард, чтобы уничтожил засады и распугал зверье. Главные силы вести веером: на флангах мелкие отряды, в центре – крупные. На три мили вокруг – кольцо дозоров.

– Хм...

Теперь ехали с двойной осторожностью, опасаясь не столько литлендцев, сколько засад своих же соплеменников. Впереди двигалась Чара – уж ее-то никак не спутаешь с южанкой. Ней отставал на пару корпусов, готовый в любой миг придти на помощь. Мучительно долго выбирали места для ночевки, и все равно спали поочередно, никогда не чувствуя себя в полной безопасности.

Таким порядком двигались четверо суток и нашли за это время дюжину свежих могил. Следы войска все больше забирали на север, все ближе подходили к столице Литленда.

На пятые сутки их встретили.

Усталая Чара заметила засаду раньше, чем была замечена сама, но выиграла лишь пару секунд. Едва успела спрыгнуть с коня и присесть, как стрела свистнула над головой.

– Эй, не стреляй! – крикнул кто-то. – Она – лошадица!

– Да, теперь вижу... – ответил лучник.

Он сидел на ветке в стороне от тропы. А шагах в десяти впереди Чары из-за дерева вышел мечник. Нет, вернее сказать – всадник. Шаван. Глаза как миндаль, кожа смуглая, пояс в узорах.

Обласкал Чару взглядом с головы до ног, ухмыльнулся:

– Хороша! Продай бы тебя в Лаэм... или оставил себе.

– Попробуй, – оскалилась Чара.

- Попробуй, – повторил Ней, подходя к шавану сбоку.
- Плохо слушаете, – шаван развел руками. – Я сказал: продал бы. Если бы встретил в другой день.
- Чем нынешний отличается?
- Как – чем? – он хохотнул. – Ты слышал, она спрашивает: чем?
- Лучник на ветке засмеялся в ответ.
- Послушай-ка, брат, – тихо сказал Неймир. – Мы устали и злы от голода, потому терпения у нас мало. Я – Неймир Спутник, а она – Чара Спутница. Мы – всадники орды и очень не хотим убивать своих. Но если ты продолжишь в том же духе, то вряд ли увидишь закат. А теперь скажи ясно: кто ты такой и что случилось?
- Вы – Спутники? – воскликнул шаван. – Если так, то простите меня, братья. Я должен был вам посочувствовать. Обидно для пары таких видных всадников пропустить великое сражение!
- Какое сражение?
- С шиммерийцами, конечно! Вчера мы разбили их и прогнали прочь!
- Разбили шиммерийцев?!
- Точно! Принц Гектор с армией вышел из Мелоранжа. Никто не знает зачем! Просто раскрыл ворота и вышел, и двинул быстрым маршем на восток, к Ливневому Лесу. Мы стояли в джунглях, а он мчал, очертя голову, и нас даже не заметил. Тогда мы выступили из чащи и ударили ему в бок, в спину. Очень скоро шиммерийцы побежали, а мы гнались и жарили их в хвост и гриву!
- Вот только литлендцы вышли из-за стен, – вставил лучник, – и нам пришлось развернуться, чтобы загнать их назад в город.
- Потому шиммерийцы уцелели. Но сбежали к своим кораблям, бросив все: повозки, щиты, оружие! Мы так их напугали, что внуки их внуков еще будут вспоминать!
- А вся штука в чем? – добавил лучник. – Духи Степей нам помогли!
- Да, верно. Помutilи рассудок принца Гектора – иначе он бы из-за стен и носу не показал. Но и Моран Степной Огонь хорошо сообразил: только увидел шанс, сразу схватил его за хвост. Моран – знатный вождь, что ни говори.
- Знатный вождь, – согласился Неймир и бросил косой взгляд на Чару. Мол: говорил же я!.. Она скривилась и нехотя кивнула.
- А теперь отведете нас в лагерь?

* * *

Лагеря не было как такового. Был кусок степи, гудящий от тысяч людей и коней. Все роилось, шумело, вертелось. Каждый двигался куда-нибудь, что-то нес, что-то городил, что-то починял – никто не мог усидеть на месте. И каждый непременно издавал звуки: перекрикивался с кем-то, насвистывал в усы, побряхтывал, посмеивался. Гортанно орали вожаки; ржали и фыркали кони; стучали молотки, вколачивая в землю колья; хлопали на ветру шкуры шатров; визжали лезвия о ремни и оселки; сцепив зубы, скрипели раненые, которых штопали кривыми иглами. Раненых было мало – сотни, если не десятки. А вот чего хватало с лихвой, так это трофеев. Целые горы мечей, ножей, топоров, арбалетов, шлемов, доспехов громоздились среди лагеря. И не только оружие – была и серебряная посуда, шелковые одежды, разноцветные фрукты, головы сыра, бутылки вин, оплетенные лозой. Весь обоз принца Гектора достался шаванам. Трофеев оказалось так много, что их до сих пор не успели сосчитать и поделить. Они высились, как холмы, охраняемые верными всадниками Морана. Все, кто проходил мимо, останавливались поглазеть, и лица расплывались в улыбках. Обычно дележ трофеев был тре-

вожным делом и не обходился без потасовок, а то и смертоубийства. Но в этот раз шаваны хранили спокойствие, верили: уж теперь-то хватит на всех!

Скоро Спутники встретили знакомых воинов. Всякий сочувствовал им, что пропустили день триумфа. Обещали: ничего, наверстаете, скоро на Мелоранж пойдем! И правда, столица Литленда маячила в каких-то трех милях от нового лагеря и казалась совершенно беспомощной, несмотря на свои размеры – как стадо ягнят против пары пантер.

Но кто как, а Неймир Оборотень думал не о нынешних трофеях и не о грядущих. Было дело поважнее.

– Где найти ганту Корта? – спросил он.

Мало кто ориентировался в хаосе, но, наконец, попался человек, что показал дорогу. Большинство вожаков еще только ставили свои шатры, но ганта Корт уже обосновался с полным комфортом. Он восседал на подушках в уюте шатра, в обществе пятерых видных всадников. Перед ними на резном столике высилась внушительная горка снеди. Мальчишка суетился, подливая в чаши южного вина. Другой улаживал слух шаванов песней и звоном струн. Каждый всадник имел на себе что-нибудь из южной одежды: пестрый халат, золоченую безрукавку в узорах, шелковый платок с попугаями, медальон с мордашкой какой-то красотки. Сам же ганта Корт украсил макушку тюрбаном, на котором пламенел страшных размеров рубин.

– Спутники-ии!.. Верные мои!.. – вскричал ганта и чуть не уронил тюрбан с головы. – Как же я счастлив вас видеть!..

Другие шаваны встретили Чару и Нея не менее радушно. Чара выдавила пару слов приветствия. Неймир низко поклонился и сказал:

– Братья мои, как вы знаете, мы с Чарой были на разведке. Открыли кое-что важное, и – вы уж нас простите! – должны перемолвиться с гантой наедине.

– Это недолго, – сказала Чара.

– Вы не успеете осушить кубки, как мы уже кончим разговор, – снова поклонился Ней.

Никому не хотелось прерывать пиршество, но ганта Корт кивнул, и всадники один за другим покинули шатер. Осталось трое: Неймир, Чара и сам ганта. Лукаво сузив глаза, Корт спросил:

– Небось, пришли прощения просить? Не выполнили приказ и долг не вернули, а теперь вот пожаловали. Ну-ка, что скажете в оправдание?

Спутники угрюмо молчали. Корт сказал:

– Не умеете? Вот забава! Ты бы, Ней, стукнул себя в грудь, заорал, что отныне будешь мне верным до самого костра. Распорол бы ладонь, на крови поклялся, что ли... А ты, Чара, можешь и на колени встать – женщине-то сподручно. Захочешь поцеловать руку – возражать не стану...

Тогда Чара Без Страха опустила на колени. Выгнула спину по-кошачьи, склонила голову перед гантой, просительно протянула руку. Корт захлопал глазами – никак не ждал от Чары подобного смирения. Но подал ей ладонь. Лучница коснулась губами кожи мужчины, потом опустила его руку на столик, нежно погладила...

Даже Ней, ожидавший этого, не смог уловить ее движения. Кинжал будто возник из воздуха – и пришил ладонь Корта к резному столику. Прежде, чем ганта успел заорать, Ней зажал ему рот и придавил к шее клинок.

– Мы задолжали тебе, Корт. Только поэтому ты еще дышишь. Мы дадим тебе одну минуту и возможность сказать слово. Так вернем долг.

– Вы... свихнулись?.. – просипел ганта. – Какого хвоста?

– Это все, что хочешь сказать? – уточнила Чара. – Задумался бы над словами. Они ведь последние.

Глаза Корта сделались огромными и круглыми. От страха, но не только. Еще и от удивления.

– Что за чушь происходит? Я же вас простил! Неужто не поняли? Вы послушались меня, я сначала позлился, хотел отомстить... Но когда мы побили южан, смекнул: и Моран прав, и вы правы, а я – осел. Я простил вас, от меня вам нет опасности. Успокойтесь!

– Может, ты нас и простил. Но не мы тебя. Мы знаем, ганта. Потому не вилай: мы все знаем.

– Но что?!

Чара сплюнула:

– Ненавижу лгунов!

– Лгуны – щенки шакалов, – сказал Ней. – Не унижал бы себя ложью, ганта. Ты ведь заметил, что мы задержались. А почему? Да потому, что нас взяли в плен. А почему взяли? Ты думал, мы не узнаем, но принц оказался болтлив и все рассказал: один ганта из орды нас выдал. Послал принцу письмо: Ней и Чара Спутники в Мелоранже с разведкой. Очень этот ганта был зол и на нас, и на Морана. Так хотел нас троих положить в пыль, что даже врагу выдал. Пускай враг запытает нас до смерти, а Морана поймает в капкан. Не знаешь ли ты, Корт, этого ганту?

Он хлопал веками и метался взглядом от Чары к Нею.

– Вы о чем?.. Ни хвоста не понимаю!..

– Проклятый лжец, – Чара выругалась. – Убей его, Неймир.

И вдруг ганта Корт оскалил зубы от злости:

– Да, гаденыш, убей! Хочешь – так убей, чего тянешь?! Я вас из пыли вытащил, как родных при себе держал. Вы меня обманули, плюнули на мой приказ – я простил. Даже трофеев вам припас, раз уж вы битву пропустили! Но хочешь зарезать – начинай! Думаешь, умолять стану? Да пошел ты ослу под хвост! В самую дыру!

– Убей уже!.. – рыкнула Чара

Но голос непривычно вздрогнул. Ней помедлил, послушал сердце...

Отнял кинжал от шеи ганты.

– Ты правда не знаешь, кто нас выдал?

– Откуда мне знать, ишаки безголовые?! Да, я злился, когда увидел Морана живым. Хотел вам двоим носы и уши отрезать, а Чаре – еще и сиськи. Но думаете, я бы это удовольствие уступил какому-то южанину?! А если б я выдал врагу, куда идет орда, то пошел бы вместе с нею в капкан?! И если бы после всего встретил вас – пару оживших мертвецов – то остался бы с вами наедине?!

Ней сел на пол, отвесив челюсть. Ганта Корт печально покачал головой:

– О, древние духи, какие же вы двое кретины! Вроде, и храбрость есть, и руки быстрые, и глаза меткие... Но никогда вам не стать гантами – больно твердолобы, хуже баранов.

Он глянул на свою руку, пробитую клинком, тяжело вздохнул.

– Помогите мне, что ли... Сука злобная...

Чара опустила глаза. Ухватила рукоять кинжала, потянула. Ганта закричал зубами, когда сталь вышла из плоти, сжал кулак. Чара нашла тряпку, перевязала рану.

– Прости нас, ганта... – выдавил Ней.

– Иди под хвост.

– Ты можешь понять: нас предали, и мы подумали...

– И вы сразу подумали на меня! Вот это и обидно. Убирайтесь с глаз моих, пока не успокоюсь.

– Ганта... помогите нам, подскажи: как думаешь, кто нас предал?

– Да почем мне знать?! Коли не половина, так треть шаванов желала Морану смерти! Сотни человек могли вас выдать, лишь бы его погубить. Не найдете вы, кому мстить. Тем более, его уже и след простыл. Зная, что орда идет в ловушку, этот парень давным-давно сбежал. Сами бы поняли, если б мозги имели.

* * *

Ней и Чара были известны в орде, и слухи об их возвращении разлетелись быстро. Когда вышли от ганты Корта, их уже встретил всадник из числа доверенных вождя:

– Моран Степной Огонь зовет вас к себе.

Им пришлось сесть на лошадей, поскольку Моран сейчас был вне лагеря. С дюжиной своих приближенных он выдвинулся ближе к Мелоранжу, чтобы рассмотреть укрепления города и посоветоваться. Легко было понять, что всадники Морана настроены очень решительно: они размахивали руками, указывали остриями мечей то на одну часть стены, то на другую. Казалось, штурм – дело решенное, вопрос лишь, в каком месте его начать.

Но, подъехав поближе, Спутники услышали голос Морана:

– Крыса, загнанная в угол, больно кусается. Стены в городе низкие, воинов мало. Но начнем штурмовать – простые ползуны озвереют и пойдут против нас. А ползунов там – тьма тьмуцая! Потому сделаем так. Заготовим огненные стрелы и бочки со смолой. Луками и камнеметами будем каждую ночь поджигать что-нибудь. Пускай ползуны ни одной ночи не спят спокойно, пускай измучаются от страха. Возьмем наших пленников... Сколько их, Гроза?

– Больше трех сотен, вождь.

– Убьем их на глазах у горожан? – предложил кто-то.

– Отпустим живыми, – отрезал Моран. – Пускай идут в город и скажут ползунам вот что: кто хочет поздорову сбежать из Мелоранжа, тот должен нам заплатить. За двадцать фунтов харчей всякий может покинуть город и идти на все четыре. Мы пропустим. Так мы разживемся провиантом, а Литленды потеряют не одну тысячу парней. Когда обессилеют – вот тогда поведем с ними разговор.

– Но выпустят ли стражники на воротах горожан с едой?

– За монету выпустят, или за харчи. А глядишь, сами стражники первыми и сбегут.

Тут Моран увидел Спутников, и огоньки сверкнули в его синих глазах.

– Ага, живы. Езжайте ко мне, поговорим.

– Приветствуем тебя, вождь.

Он сухо кивнул.

– Где так долго пропадали?

– Мы... попали в плен, вождь.

– Как же так?

Ней кратко рассказал. При известии о предательском письме Моран изрыгнул проклятие.

– И как же вы сумели выбраться?

– Нам помог один человек – колдун.

– Колдун? – Моран поднял бровь.

– Да, вождь.

– Болотник, что ли?

– Поговору похож.

– А как выглядел?

Ней описал. Моран сплюнул:

– Мерзкая рожа. И что он наколдовал?

– Воина коснулся пальцем – свалил с ног, будто искрой ударил. А тюремщика... высушил до костей.

– Как – высушил?

– Будто огнем. Остался только пепел на костях. Фу-фу-фу...

Ней трижды подул в стороны, отгоняя злых духов. То же самое сделал и вождь, и Чара.

– Болотники теперь такое могут... Скверное дело!

Ней согласился с вождем. Всякий на Западе знает: болотники Дарквотера промышляют колдовством. Могут наслать порчу, приворожить, заморочить голову, затуманить глаз. Могут, по слухам, даже коню подкосить ноги... Но чтобы вот так, одним пальцем испепелить человека!

– Ладно, – буркнул Моран. – И зачем же он вам помог?

– Он хочет, вождь, свести с тобою дружбу. Сказал: я вас спасу, а вы за меня замолвите слово перед Степным Огнем.

– Храни меня степь от таких друзей!

– Как знать, вождь. У тирана-то есть колдуны – те, с Предметами. Глядишь, и нам пригодится.

– Тиран помер... – Моран задумался. – Но осталась пигалица с Севера и ориджинские волки. Может, ты и прав, Неймир.

– Когда придет колдун, вести его к тебе?

– Подумаю еще. Позже скажу... Сейчас ступайте.

Неймир придержал коня, начал отставать. Едва потеряв Спутников из виду, Моран тут же забыл о них. Уже повернулся к ганте Грозе:

– Завтра начнешь строить камнеметы. Пошли людей в джунгли за деревом. И разыщи мне этого... мастера по машинам. Авось, среди пленников есть.

– Да, вождь...

Ней смотрел им в спины, и какое-то странное чувство росло в груди. Ядовитое, лихое – будто кровь в жилах прокисла. Обернулся на Чару – увидел: с нею то же самое. Отчего бы?..

От того ли, что вспомнили Колдуна? Всю дорогу вдвоем Чара и Ней старательно о нем не говорили, даже думать не хотели – до того был мерзок этот зверь. А теперь и вспомнить пришлось, и даже сделать то, чего Колдун хотел. Гадко... Но не в этом дело.

Может, в том, что Моран так быстро их отослал? Спутники для него рисковали жизнью, чуть не сгинули в темнице, а он даже на доброе слово не расщедрился... Ну, а должен ли? Ведь Моран – верховный вождь, а они – простые всадники, пускай очень умелые. Да и сплеховали они: пошли в разведку, а вернулись тогда, когда уж и битва кончилась. Нет, Моран им ничего не должен, даже доброго слова.

Так отчего же кисло на душе? И отчего так не хочется отпустить Морана? Взгляд так и цепляется за его спину, а в ушах – его слова. «Сейчас ступайте...» Нет, не те. «Где так долго пропадали?» И не эти. «Разыщи мне мастера по машинам...» Так это и вовсе не Нею сказано, а ганте Грозе. «Разыщи мне птичника...» А это давно было, еще до разведки. Тоже Грозе... Хм. А какого хвоста Морану понадобился птичник? Будто он письмо хотел послать. Шаван шавану шлет писульку – что за чушь?..

«Вы – твердолобые бараны!» – это сказал ганта Корт. Но на сей раз он ошибся. Кое-что Ней сумел понять. Проблеснуло в мозгу – как лучом вспыхнуло. И он хлестнул жеребца, нагоняя Морана. Едва Гроза отъехал от вождя, Неймир тут же занял его место.

– Чего тебе еще? – спросил Моран.

Ней обратился не к нему, а к спутнице, что ехала на корпус позади:

– Я всегда говорил тебе, Чара: Моран – отличный вождь. Храбрый, жесткий, дальновидный. Помнишь, вернулись мы из плена в старый лагерь – а он пуст. И давно пуст, неделю как! Наш мудрый вождь поднял орду и повел к Мелоранжу еще за день до того, как нас схватили. Мы думали: он на штурм пошел... Но если так, то отчего через джунгли, а не степью?

Ней сделал паузу, и Чара ответила:

– Затем, наверное, чтобы двигаться скрытно. Чтобы никто не знал, где орда. Если Гектор возьмет нас и допросит, и захочет устроить засаду у Ливневого Леса...

– То выйдет из-за стен прямо под копыта орде. Не штурмовать была цель, а только выманить!

– Прекрасный план, и цена невелика: парочка всадников...

Моран схватился за меч. Неймир – быстрее. Моран закрылся – но поздно, неловко. Лишь отклонил удар, но не остановил. Меч Нея пробил блок и рухнул вниз, до кости рассек бедро вождя. Тот взвыл и выпал из седла.

– Тирья тон тирья, – рыкнула Чара и двинула коня прямо на лежащего.

Моран рванулся, откатился. Рана замедлила движение. Тяжелое копыто упало на его колено, размолото кости. Моран захлебнулся криком боли, брызнула кровь.

– Изменники! Убить подлецов!.. – заорал ганта Гроза, обнажая меч.

Ней и Чара пришпорили коней, вырвались вперед. Гудя копытами, дюжина всадников настигала их. Мечи звенели, вылетая из ножен.

Чара сорвала лук, обернулась в седле. Хрипло вдохнула, отводя локоть. Тетива запела в такт дыхания. Выстрел – вдох – выстрел – вдох – выстрел...

Стрела в глаз коню, другому – в шею, третьему – в грудь. Трое всадников опрокинулись, задние налетели на них, смешались в кучу.

Вдох – выстрел – вдох – выстрел...

Отряд уже расстроился, рассыпался, шаваны выпрыгивали из седел, прятались от стрел за трупами коней. Чара забыла о них – она метила в лежащего Морана. Вдох. Он предал нас. Вдох. Пожертвовал нами, чтоб выманить врага. Вдох. Бросил на смерть ради хитрости. Вдох. Будь ты проклят, Моран! Вдох...

Она промахивалась. Вождь сумел отползти за мертвую лошадь. Лишь край спины на виду – дюймовая полоска плоти. Чара пускала стрелу за стрелой – мимо, и снова мимо, и снова!.. Метнувшись за плечо, рука не нашла оперения стрелы. Колчан опустел! Лишь тогда Чара расслышала крик спутника:

– Уходим! Брось ползуна, он свое получил! Уходим уже!

Потом они мчали галопом, и далеко за спинами терялся в пыли лагерь орды. Из него вылетали отряды один за другим – все в погоню за изменниками. Третью милю отрыва – это немало. Есть шансы уйти...

– Запад закрыт для нас, – бросила Чара. – Изгнаны.

– Нельзя было иначе, – ответил Ней.

Она повторила его слова на древнем языке степи:

– Тирья тон тирья.

Меч – 1

Герцогство Южный Путь; Альмера; Земли Короны

Вот что самое странное: Салем никому не желал зла.

Никогда и ни одной живой душе, даже своей жене. Друзья Салема называли ее злобной стервой. Говорили, это из-за нее он так изменился: был – весельчак, душа нараспашку; стал – задумчивый молчун, слова не вытянешь. Говорили, детей у Салема нет потому, что жена пьет зелье: бережет, мол, себя, надеется сбежать с кем-то побогаче. Может, все это и правда, да только Салем все равно любил ее. Хотя и прятал любовь поглубже – заметил с некоторых пор, что его нежность злит супругу. «Не мужик, а слюняй!» – говорила жена. Это не было правдой: Салем был самым настоящим мужиком – и по происхождению, и по крепости характера. Он просто никому не желал зла.

Салем возделывал гречневое поле. Оно родило ровно столько, чтобы уплатить барону оброк и терпимо дожить до новой весны. Иногда случался неурожай – тогда приходилось туже затянуть пояс. Иногда родило чуть лучше – тогда Салем продавал излишек скупщикам и дарил жене какую-нибудь красоту. Так шел год за годом. Ничто не менялось в жизни и ничто не предвещало перемен, и, по правде, Салем радовался этому. Он любил свою белую избушку под шапкой соломы. Любил поле, густо желтое от цвета, гудящее голосами пчел. Любил Ханай: могучий, бурлящий, пенистый, – хижина Салема стояла на холме над порогами. И жену любил – с ее низким сильным голосом, покатыми плечами, сочными губами... Будь и она так же довольна жизнью, как муж, ничего бы не случилось. Совсем ничего.

Но Клемента жаждала перемен. «Сколько можно прозябать в нищете! Сделай уже что-нибудь!» Сложно винить ее – Клемента была дочерью мельника. Пятой. Это самое худшее: смалу испробовала жизнь в достатке, а вышла замуж – обеднела. Приданного-то за нею – пятой! – давали всего горстку, вот и не нашлось охотников, кроме Салема.

Когда на Севере начался мятеж, Клемента увидела в этом шанс. Герцог нетопырей выбрал чертовски удачное время для войны: начало осени, урожай только-только собран, закрома полны. «Езжай в Лабелин и все продай!» – сказала Клемента мужу. Он удивился: «Зачем? Сперва уплатим оброк милорду, потом отсчитаем запас, а если что останется – продадим скупщикам». Клемента назвала его дураком. В Лабелине из-за войны харчи взлетели в цене. Перекупщики наживаются барыши: берут у крестьян за бесценок, продают в городе втридорога. Вот и Салем должен так поступить! «Продай всю чертову гречку, милорду выплати оброк монетой, и останется еще куча серебра! Купишь лошадь или вола, или еще земли! Хоть как-то из бедности выползем!» Салем не чувствовал особой нищеты – его отец и дед жили точно так же. Но хотел порадовать жену, потому одолжил телегу у соседа, загрузил доверху и поехал в Лабелин.

На полдороги его встретил отряд воинов и отнял телегу. Салем сказал: «Я понимаю, братья: идет война, и харчи вам нужнее. Но не оставите ли хоть половину, чтобы было чем прожить до весны?» Ему дали ответ: «Не волнуйся, брат, с голоду не помрешь. О твоём пропитании теперь его светлость позаботится. Становись в строй – отныне ты солдат». Так Салем попал на войну.

Несколько недель простоял он в полях, вместе с полусотней тысяч других мужиков, живою стеной заслоняя город. Он видел, как растет в людях отчаянье и ужас. Сам тоже отведал страха. Чуть ли не больше, чем смерти, Салем боялся того, что придется кого-нибудь убить. Думал так: «Помру – попаду на Звезду. Там, наверное, неплохо, только грустно будет без жены. А вот если сам кого зарежу – как жить потом?..»

Обошлось. Салем не пустил копьё в дело, и даже не видел ни одной смерти. В битве погибли только три человека – далеко впереди, из задней своей шеренги Салем ничего не

рассмотрел. Потом сержант сказал, что теперь надо служить герцогу нетопырей – за это будет хорошая плата. Мужики выстроились колонной и по одному подходили к северянину в сером, а тот перебирал их, как зерно: «Из лука стрелял? Налево... Копьем владеешь? Прямо... Ничего не умеешь? Направо...» Салем сказал серому плащу: «Я не хочу никого убивать». Северянин ответил: «Не беда, научись. Иди направо». Салем уточнил: «Прости, но ты меня не понял. Я не хочу убивать, потому и науки этой мне не нужно». Серый плащ удивился и позвал на помощь красно-черного плаща. Тот выслушал и бросил два слова: «Пошел вон». Салем ушел с войны, довольный тем, что никому не сделал зла.

Но дома его ждала печаль: Клемента пропала. Фуражиры императорской армии заезжали в деревню. Некий капрал взял себе остатки Салемова урожая... и жену. Понш – сосед и приятель Салема – сказал, что Клемента сама хотела уйти с солдафоном. Салем ударил Понша.

– Не смей чернить ее! Солдат взял ее силой, угрожал убить – вот и пошла. И потом, она же не знала, что я жив. Говорили, всех нас нетопыри в землю положат!

Но в глубине души он подозревал, что сосед прав. Заперся в избе и орал во весь голос, колотил посуду, лупил кулаками в стену, пока не сбил всю кожу с костяшек. Даже теперь он не желал Клементе зла. Но было очень горько.

Случаются такие дни, когда впору порадоваться беде. Пришла беда – голод – и отвлекла Салема от тоски по жене. Забрав сельские припасы, искровики оставили старейшине какую-то бумаженцию: «Когда мятеж будет подавлен, по этому векселю Корона выплатит полное возмещение!» Но мятежник выиграл решающую битву. Остатки искровой армии бежали на юг и, проходя деревню, выгребли все, что не забрали в прошлый раз. Голодная смерть замаячила у порога.

Мужики затеяли совет. Салем предложил, и с ним согласились: нужно идти к барону. Милорду вряд ли есть дело до их бед, но больше-то пойти не к кому! Собрались человек тридцать, отшагали пять миль, явились в замок. Милорд, так мол и так, из-за войны лишились всего. Помогите, выручите – иначе до весны не дотянем.

Барон был стар – аж кости скрипят, – но суров, как подобает лорду, и жаден, как бывает со стариками. Он принял крестьян лишь потому, что думал, они принесли оброк. Половина деревни до сих пор не уплатила!.. Попытались его вразумить, уговорить, разжалобить. Описали произвол фуражиров, пояснили: теперь не только есть нечего, а и сеять. Придет весна – поля останутся голыми! Для крестьян это – самая ужасная картина, какую только можно выдумать. Голые поля, земля без посева – это же конец всему!

Для крестьян, но не для лорда. «Прочь отсюда!» – рявкнул барон и сделал знак стражникам. Очень уж привык и сам милорд, и его вассалы, что мужики дрожат от одного вида рыцарей. Не дал себе труда подумать, присмотреться и увидеть правду. А правда была такова, что стражников в замке осталось двое, прочие ушли на войну. Мужиков же – три десятка, очень злых от отчаяния. Они не пошли прочь, и стражники обнажили мечи. Первым лег старейшина, вторым – его сын. Но потом одного стражника огрели топором, а второго оглушили и вытолкнули в окно. Барон выхватил нож, а мужики окружили его, прижав к стене. Салем закричал:

– Милорд, милорд! Мы не хотим вам зла! Только помогите, и...

Барон так и не понял ничего. Рванулся с кинжалом – может, со зла, а может, пытаюсь сбежать. Кузнец Блейк одним ударом размазал его по стене.

Потом все они долго смотрели на труп старика. Вот это была минута, до которой жизнь одна, а после – бесповоротно другая. Так, как прежде, уже никогда не станет. Все молчали и молчали. Наконец, Блейк спросил:

– Что теперь делать-то, а?..

Никто не знал, и Салем тоже. Но он успел осознать, насколько жизнь изменилась, а остальные – еще нет. Ему боги дали больше времени: его-то жизнь изломалась раньше, когда ушла Клемента. Так что Салем ответил:

– Надо уходить. И отсюда, и из деревни. У милорда сыновья – они не простят.

– А куда идти-то?..

– Над бароном только герцог. Пойдем к нему просить справедливости. Быть может, его светлость смилуется.

Салем знал: убийце барона пощады не видать. Но есть надежда, что герцог казнит только Блейка, а прочих оправдает. И совсем уж малый, но все же шанс, что его светлость спасет деревню от голода. Салем видел в жизни лишь одного герцога – чужого, северного, и то издали. Но слышал, что он, северянин, накормил из своего кармана не одну сотню путевских крестьян. Если путевский герцог хоть чем-то на него похож...

– Идем к его светлости, – повторил Салем уже с полной убежденностью. – Но заберем припасы из замка. Барону теперь ни к чему, а у нас неблизкий путь впереди.

Взяли из замка лошадей, повозки, припасы. Без этого было нельзя – никуда не дойдешь. Вернулись в деревню, рассказали, велели всем собираться. Несколько человек поехали в соседние села – предупредить. Если явятся сыновья барона, то нужно все валить на жителей Саммерсвита. Это саммерсвитцы убили милорда, потому и сбежали. На удивление гонцы вернулись не одни. Из каждого села пришло по паре дюжин мужиков: «Мы с вами!» Салем пытался их образумить: «Мы все страшно рискуем! Сидите лучше по домам!..» Они отвечали: «Дома ничего не высидишь – не вы одни голодаете. Если герцог хочет и дальше собирать налог, то пускай нас накормит!» Когда двинулись в путь, их набралось три сотни.

Был еще один человек, что сильно повлиял на их судьбу. Встретился на дороге около Пикси и спросил:

– Куда направляетесь?

Он был верхом, имел за плечами арбалет, а на поясе – булаву. Крестьяне не сказали ему о своем преступлении, но он все знал и сам.

– Слышал, идете к герцогу за справедливостью. Я тоже ее ищу. Можно с вами?

– С нами опасно и голодно, – сказал Салем. – И, по правде, не очень мы тебе доверяем. Мы все – крестьяне, а ты не похож.

– Верно, я не крестьянин, а пивовар. Но мое дело отнял один лордик, с тех пор ищу справедливости. Что с вами опасно – так где сейчас иначе? А что голодно – с этим могу помочь. Если вы, парни, не страдаете брезгливостью...

Он вывел их на дорогу, что шла по берегу Ханая, и показал холмики, припорошенные снегом. Они тянулись цепочкой на многие мили.

– Это искровики, – сказал пивовар. – Кто отстал от войска и замерз или попался нетопырям. На многих мертвецах остались мундиры, доспехи, оружие. Соберите все и продайте.

Улов оказался велик, хотя вряд ли стоило этому радоваться. Сотни телогреек и кольчуг, сотни пар хороших сапог на меху, кинжалы, копья, даже несколько искровых очей!

– Благодарю тебя, пивовар, – сказал Салем. – Продав это, получим пропитание надолго.

– Зови меня Бродягой, – ответил человек. – Раньше я был пивоваром, а теперь...

Слухи об отчаянном их походе разлетались по округе. Салем хотел избежать этого, но тщетно. Новые и новые голодные крестьяне вливались в толпу. Салем всех предупреждал:

– Братья, я не хочу вам зла, потому лучше вернитесь по домам. Может статься, всех нас ждет смерть.

Они отвечали:

– Может статься – может, нет. А дома точно помрем. А у вас, вон, и сапоги, и тулупы, и глаза сытые! Возьмите нас с собой.

Салем не мог отказать. Семь сотен человек уже шли за ним, большинство несли оружие. Свое, крестьянское: топоры, вилы, цепи. Но кое-кто напялил кольчуги, взял щиты, повесил на

пояс трофейные кинжалы. Растущая их сила все больше тревожила Салема. Одна деревня еще может странствовать незаметно, но семьсот человек!..

Сыновья барона встретили их одним морозным полднем. Всего пятьдесят всадников – но в доспехах, с длинными мечами. Салем догадывался, чего стоят крестьяне в бою против рыцарей. Но это не имело значения, поскольку он не собирался сражаться. Вышел вперед, подняв перед собой раскрытые ладони.

– Милорды, низжайше прошу вас: позвольте сказать!

Рыцари остановились на расстоянии – отнюдь не потому, что боялись толпы мужиков, а затем, чтобы иметь место для разгона. Старший сын крикнул:

– Что ты мне скажешь, гнида? Как отца убивал? Как мой замок грабил?! На колени, тварь!

Салем склонил голову:

– Я встану на колени, милорд, но позвольте сказать. Мы пришли к вашему отцу за помощью, а он прогнал нас. Мы не желали ему зла, и вам не желаем!..

Салем не сразу понял, что слова прозвучали угрозой. Сын барона пришпорил коня и поскакал на Салема. Тот стоял с голыми руками и смотрел в лицо всаднику. Что еще было делать? Бежать уж точно бессмысленно. А конь мчал и свирепел от шпоры, и сверкал зубами, выдыхая пар. Рыцарь все ближе – виден оскал на лице, лязгнул меч, выскочив из ножен...

Потом сын барона вылетел из седла и покатился по снегу, а Бродяга встал рядом с Салемом и перезарядил арбалет.

– Уйди-ка лучше с дороги, – посоветовал он. – Сейчас начнется.

И началось.

Пятьдесят конников врезались в толпу крестьян, круша и сметая. Среди чистого поля никто не ушел бы живым. Но поле не было чистым: три фута снега, а на дороге – фут. Рыцари держались дороги, чтобы снег не портил атаку. Они вонзились глубоко в толпу – и уперлись в пару телег, развернутых поперек пути. Потеряли скорость, замешкались – тут на них и кинулись со всех сторон. Косами подсекали ноги, цепями выбивали из седел, топорами ломали доспехи. Отчаянье на многое способно! Салем не желал рыцарям зла, но своим землякам он желал добра намного сильнее. Потому со всею скоростью, на какую был способен, взводил арбалет и подавал Бродяге, а тот стрелял – и всегда без промаха...

Половина рыцарей легла в снег, все три баронских сына были в ее числе. Выжившие отступили. Крестьяне сосчитали потери: полсотни убитых, почти сотня раненых. Но если б не развернутые телеги, было бы куда хуже.

– Кто догадался? – спросил Салем.

Вперед вышел крепкий мужичок в кольчуге и сказал:

– Недоработка у тебя по части тактики, командир: люди построений не знают. Но ты только прикажи – я научу. Будут у меня как под линейку!

– Ты знаешь военное дело?

– А то! Я – отставной сержант Рука Додж, ветеран Мудрой Реки, Лабелина и Пикси!

* * *

"Нет пути убийцам из Саммерсвита!" – гласил дорожный знак. На другом было только "ПРОЧЬ", намалеванное громадными буквами. Через сто футов на столбе висел коровий череп, украшенный словами "Смерть бунтарям".

– Боятся нас, – гордо сказал сержант Додж. – Мы северянам тоже оставляли знаки. Было дело, подвесили скелет в красно-черном плаще.

Салем не понимал, с чего бы кому-то его бояться. Тем более – жителям городка под названием Бейкерс. Крестьяне шли туда, чтобы продать трофеи и пополнить припасы. Дорога

напоминала снежею пустыню: ни одной живой души, только знаки с угрозами да коровьи черепа.

– Боятся, говорю тебе.

Салем убедился в этом, увидев городок. Тот стоял, подготовленный к осаде: ворота заперты, на стенах стража. Салем подъехал ближе и прокричал, что ему нужно, Сказал: пришли торговать и зла никому не желаем. В бойницу высунулась бородастая рожа, крикнула:

– Убирайтесь, убийцы!

Салем стал объяснять, что крестьяне – не злодеи: если и убивали, то только для самозащиты, а оружие принесли не для боя, а на продажу. Подкатил пару телег, откинул холстину, показал груды доспехов.

– Убийцы! Мародеры!.. – кричали со стены.

Салем осерчал:

– Тьма вас сожри, глупцы! За мной тысяча голодных парней, им нужна пища, а некоторым – лекарские снадобья. Продайте нам все это – и мы уйдем своей дорогой.

– Бейкерс не помогает бунтарям! Сгиньте, черти, или угостим из арбалетов!

Тут вперед вышел Бродяга и сказал:

– Ну, не хотите торговать – просто отдадите. Нужны харчи на месяц для тысячи человек. Дадите – уйдем. А нет...

Он подождал и закончил:

– А не дадите – тогда мы задержимся.

Рожа исчезла, и несколько часов не было ответа. Потом ворота раскрылись, выпуская череду телег.

Салем сказал Бродяге:

– Харчи были очень нужны. Считаю, ты нас выручил... Но больше так не делай. Мы поступаем только по закону: не грабим. а покупаем.

– Я слышал, – ответил Бродяга, – армия вправе взять откупного у горожан, если те не хотят вступать в бой.

– Мы не армия!

Сержант Додж, бывший рядом, согласно кивнул:

– Правда, командир: пока еще не армия. Но дай срок – я сделаю отменную пехоту из этих козликов безрогих!

Салем ответил:

– Мы не решаем дела силой. Мы никому не хотим зла.

Бродяга сказал:

– Герцог Ориджин тоже не хотел зла путевцам. Он взял Лабелин одним внушением, без крови. Но чтобы это работало, понадобилась сильнейшая армия.

Салем размышлял над словами целый день. А потом позвал сержанта:

– Ладно, приступай.

Потеряв свою столицу, герцог Лабелин скрылся в портовом городе Грейсе. По крайней мере, так говорили. От Бейкерса до Грейса было девяносто миль. Шли очень медленно: пешком или на волах, кто с пожитками, кто и с детьми. Иногда проходили пять миль за день, иногда и вовсе стояли – если сильно мело.

Каждое утро и вечер, пока женщины занимались стряпней, сержант Додж вместе с другими ветеранами устраивал учения. Желающих учиться нашлось гораздо больше, чем ожидал Салем.

Каждый день к толпе присоединялись новые люди. "И не лень вам по морозу в дорогу?" – спрашивал Бродяга. Ему, пивовару, было невдомек, что крестьянину зима – единственное время для путешествий. Весной и летом дел невпроворот, зимой же – скука смертная. А если

еще и голодно, то сидеть дома вовсе не вмоготу. Южный Путь поднимался и шел за Салемом – искать помощи или справедливости... или хоть чего-нибудь, кроме черной безнадеги.

Люди прибывали и прибывали, и само их количество вынуждало Салема делать то, к чему он считал себя совершенно неспособным: управлять. Людей нужно было организовать, разместить, накормить. Каждого приписать к той или иной работе: кто следит за скотом, кто готовит дрова, кто жжет костры и куховарит, кто ставит шатры. Даже просто поднять и сдвинуть с места такую толпу – уже нелегкая задача! Заставить людей идти в порядке, чтобы не мешали друг другу, чтобы никто не отстал, не потерялся... Салем брал пример с той единственной упорядоченной толпы, которую видел: с армии. Делил людей на отряды, назначал сотников и десятников. Сотникам раздал высокие красные трофейные шапки, чтобы видно их было издали. Определил каждому отряду задачу на стоянке и место в походной колонне. Колонну разделил на части телегами, каждой телеге присвоил какой-нибудь видный знак. Так всякий знал, где его место: к примеру, за фургоном с пугалом или перед подводой со слепым волом. Во главе колонны шли самые крепкие мужики и конные повозки – утаптывали снег, чтобы облегчить ход остальным. Две сотни ехали на санях по флангам, через поля – так они не занимали места на дороге и могли предупредить, если кто-то решит напасть.

Строжайшим образом Салем вел учет и раздел харчей. Каждая сотня, каждый десяток был приписан к определенному котлу, на каждый котел выдавалось в сутки отмеренное число фунтов крупы, лука, репы, сухарей. Деленное на число людей, питание выходило скудным, но Салем не решался увеличить пайку. Со всеми хлопотами двигались крайне медленно, и кто знает, сколько еще придется прожить в дороге.

Салем создал даже передвижной госпиталь для раненых – благо, нашелся и знахарь, и подходящий большой фургон.

С каждым днем толпа крестьян двигалась все быстрее и слаженней, росла дисциплина, укреплялся порядок. С каждым днем – хотя Салем и не желал признавать этого – они все больше напоминали войско.

Миновал декабрь, истекал январь. Владыка Адриан погиб. Юная владычица Минерва заключила мир. Герцог Ориджин надел корону на ее голову.

Салем привел к стенам Грейса восемь тысяч человек. Среди них пять тысяч вооруженных мужчин, а в их числе – тысячу таких, что умели орудовать копьем и строиться против кавалерии.

Салем, как и прежде, никому не желал зла.

Из квадрата всадников выдвинулся маленький отряд под знаменем. Проскакав через поле, остановился за сто ярдов от крестьян. Салем двинул коня им навстречу. Он очень плохо держался в седле и хотел бы идти пешком, но верховой рыцарь никогда не примет всерьез пешего мужика. За Салемом ехал Бродяга и еще трое с арбалетами у седел. Вооруженный на безоружного смотрит свысока. Хочешь говорить с вояками – имей железо под рукой.

– Меня зовут Салем. Приветствую вас, – почтительно сказал он рыцарям, скинув шапку и склонив голову.

Серьезные рыцари: латы, шлемы, гербы, конские доспехи. А передний носил белые перья на гребне шлема и алый вымпел на острие копья. «Главный», – понял Салем. Этот рыцарь двинулся вперед и отчеканил:

– Я – полковник сир Уолтер Дей. Именем маркиза Грейсенда, на чьих землях вы находитесь, приказываю разойтись!

Салем поклонился еще ниже:

– Простите, господин полковник, но мы разойдемся лишь после того, как поговорим с герцогом.

– Вы разойдетесь немедленно! – голос звенел железом, конь гарцевал под рыцарем.

– Если мы пойдем по домам, господин полковник, то перемрем с голоду. Возможно, не сейчас, но к лету – точно. Нам нечем засеять поля.

Салем был благодарен полковнику за то, что тот дослушал до конца столь длинную фразу. Но ответ был прежним:

– Это не моя и не маркиза Грейсенда забота. Ступайте к вашим лордам, просите о помощи.

– Мы так и поступили, господин. Наши лорды ответили плетью или железом. Мы пришли просить помощи у герцога Лабелина.

– Вы пришли грабить! – крикнул другой рыцарь, державший знамя. – Вы – убийцы и бандиты!

– Сир, мы убивали лишь для самозащиты, и не ограбили ни одного человека. Слухи о нас – неправда.

– Среди вас те, – сказал полковник, – кто убил барона. И те, кто убил его сыновей. Выдайте преступников на суд!

– Мы выдадим их, господин, но тому, кто в праве судить. Позвольте нам увидеться с герцогом Лабелином. Это все, о чем мы просим!

Полковник замешкался. Более проницательный, чем Салем, человек понял бы причину колебания. За спиной Салема стояла, построенная в фалангу, тысяча копейщиков – уж что-то, а строиться сержант обучил их на славу. А за копейщиками – еще тысячи мужиков с топорами, цепями, молотами. За полковником же было всего четыреста воинов. Он, конечно, не сомневался в победе... но вот в том, что лично он, сир Уолтер Дей, останется живым, уверенности не было. И ради чего рисковать-то? Ради покорности чужих – не своих даже! – крестьян?..

Сделай Салем хоть один дерзкий жест, вырони хоть слово угрозы – и сир Уолтер швырнул бы войско в атаку. Но Салем стоял с низко склоненной головой, оставляя выбор за полковником. Мы – смиренные просители, либо мы – армия бунтарей. Вам решать, господин.

– Здесь нет герцога, – бросил сир Уолтер. – Он уехал в столицу.

– Скоро ли вернется, господин?

– Я похож на его секретаря?! Вернется, когда сочтет нужным!

– Простите, господин полковник. Не позволите ли нам поторговать с горожанами? Мы имеем немного денег и очень нуждаемся в пище...

– Вы не войдете в город. И немедленно покинете земли маркиза Грейсенда!

– Да, господин. Но если есть хоть какой-нибудь способ законно купить пропитание, это спасет многих из нас. И вас тоже порадует. Пища даст нам сил, и мы уйдем намного быстрее.

Полковник скривил рот в некоем подобии ухмылки:

– Чертова мужицкая хитрость! Я позволю торгашам из города выйти к вам, если они захотят. И чтобы завтра вас тут не было!

Купцы Грейса не упустили возможности заработать. Бродяга и Салем продали им все очи, искровые копыя, мечи и латы. Купили тридцать телег провианта, лекарственных снадобий, теплой одежды. Переплатили вдвое, если не втрое, но деваться было некуда.

Торговцы подтвердили слова полковника: герцог Лабелин уехал в столицу и не собирается вскоре возвращаться. Теперь крестьянам было о чем серьезно подумать. Что делать-то? Назад, в родные села, дороги нет. Необходимо высочайшее помилование и зерно для весеннего посева. Не получив того и другого, дома делать нечего. Но куда теперь идти? Не в столицу же!..

– А почему нет? – сказал Бродяга. – До Грейса дошли – и до столицы дойдем.

– Кому мы там нужны?..

– Мы и здесь не нужны никому. Здесь был только герцог Лабелин – и того теперь нет. А в Фаунтерре – и герцог Лабелин, и герцог Ориджин, и ее величество. Не поможет один герцог

– поможет другой, ему случалось выручать наших земляков. А не помогут герцоги – придем с мольбой к ее величеству!

Последние слова пробудили надежду во многих.

– Верно!.. Точно!.. Владычица – девушка, у нее нежное сердце, она сжалится! Не посмотрит равнодушно на наши бедствия! Бродяга прав – идем в столицу! Веди нас, Салем!

И он повел. А что было делать?..

* * *

Лоувилль был первым городом Земель Короны, лежавшим на их пути.

– Нужно послать вперед разведку, – сказал Бродяга.

Сержант Додж согласился: прошлые города встречали крестьян не больно дружелюбно. Нужно быть готовыми ко всякому. Жди худшего – случится лучшее.

А Салем очень хотел, чтобы случилось лучшее. Помощь лоувильцев была до крайности нужна. Он утвердил затею. Сержант отобрал десять толковых парней и приказал: ступайте в Лоувилль, разузнайте, что там и как, чем встретит нас город.

Вернулись они на удивление рано – вечером того же дня. До Лоувилля не дошли. Отчего так? Вот почему: встретили на дороге двух странных типов. Верховые, вооружены по-благородному, но безо всяких гербов-вензелей. Не крестьяне, но и не горожане. Едут из Короны, но говор – путевский. Очень странные типы! Мы их на всякий случай взяли и привели сюда.

Разведчики расступились, выдвинув наперед тех самых двоих. Один был высок и статен, темные волосы красиво спадали на плечи – действительно, похож на благородного. Зато второй – обычный себе мужичок: худой, корявый, глаза смурные. Статный – при мече и кинжале, а худой – с копьём за спиной.

– Почему они вооружены? – спросил Бродяга разведчиков. – Как это вы их так «взяли», что все железо осталось при них?

Ответил высокий незнакомец:

– Никто никого не взял. Мы согласились прийти по доброй воле. А меча я добром не отдаю.

– Ты рыцарь?.. – спросил Салем.

– Нет. Простой парень, как и ты. Зовут меня Трехпалым, а моего друга – Весельчаком.

Он поднял руку, и теперь Салем заметил, что в перчатке путника два пальца пусты.

– Стало быть, ты воевал? На войне ранен?

– Воевал, – ответил Трехпалый.

– За кого?

– Не все ли равно?

– И то верно. Мое имя – Салем. Это Бродяга, а это – сержант...

Вдруг сержант Рука Додж, до сих пор молча хмуривший брови, расхохотался во весь голос. Подскочил к незнакомцу, огрел по плечу.

– А я-то думаю: где же тебя видел? Какой ты к чертям Трехпалый! Дезертир, вот ты кто! А с тобой – Весельчак, гробки-досточки! Слушай, Салем: этот парень – самый знатный дезертир на всей войне! Служил в Альмере – сбежал. Служил Ориджину – перешел к какой-то леди, Весельчака с собой забрал. Теперь, видишь, и от леди этой сбежали! За год четырех хозяев сменил, молодец!

– Сержант Рука Додж, – узнал Трехпалый.

– Я и есть!

– Что с нашими парнями, сержант?

– Вроде, живы все. Лосось и Билли тут со мной, остальные сидят по домам. Но ты мне зубы не заговаривай! Отвечай-ка: откуда идешь и куда? За кого теперь воюешь?

– Ни за кого, – ответил Трехпалый. – Навоевался.

* * *

Джоакин Ив Ханна в детстве ни разу не болел. Если бы кто-то дал себе труд сравнить его нрав с характером некоего болезненного ребенка – скажем, Эрвина Софии Джессики, – то нашел бы массу отличий. Первым бросилось бы в глаза такое: здоровый мальчик не имеет склонности к раздумьям. Коли в твоём теле полным-полно сил, то хочется не размышлять, а действовать: затевать игры и драки, озорничать, убежать из дому, смотреть мир. Да и времени-то нет на всякую философию: спозаранку поел и помчался, вечером вернулся домой усталый-голодный, поел – в постель, и мигом уснул. Лишь тот, кто подвержен хворям, отдаёт многие часы собственным мыслям. Джо открыл для себя эту истину уже взрослым, лежа в комнатенке замка Бэк.

Болезнь оказалась паскудной тварью. Проникла в тело через дыры на месте отрубленных пальцев – и начала глотать изнутри. Лекарь поил Джо травами и прикладывал к ране мази. Хворь побаивалась его, лекаря, и порою делала вид, будто слабеет, но на деле лишь пряталась поглубже в Джоакиново тело. Едва лекарь и Джо расслаблялись, как она оживала с новой силой. Шатание это между здоровьем и небытием оказывалось хуже всякой пытки. От прошлого ранения Джо провалялся неделю, но когда встал – был здоров. Теперь же... Он не мог умереть, но и подняться не мог. Порою думал, что никогда уже не встанет. Он вообще много думал – что ещё было делать?..

Если б спросили потом, о чём, собственно, думал, – он бы затруднился в ответе. Мысли не имели ясного направления, как и бывает у людей, к мыслям непривычных. Метались от одного события прошлого к другому, выхватывали из памяти слова, фигуры, сцены. Заново прокручивали в сознании, силились приписать какой-то смысл, проникнуть в суть... Отчаявшись, перескакивали к новому предмету... Болезненный ребенок, вроде Эрвина Софии, сказал бы, что этот процесс зовется самоосознанием, либо внутренним диалогом. Джо ответил бы, что никогда не слышал о таком. Болезненный ребенок сказал бы, что Джо в этом случае – счастливейший из смертных. Но Джо отнюдь не был счастлив. Хаос в голове вкупе с болезнью наполняли его черною мучительной тревогой.

Но если говорить о мыслях, то две внятных среди них все же были. Первая – о графе Эрроубэке. Почему этот гад не убил меня? – силился понять Джо. Граф был очень настойчив в спасении жизни воина – как прежде настойчиво пытался ее отнять. Присылал лекаря трижды в день, велел кормить Джо лучшими харчами, непрерывно топить камин в его комнатенке. Однажды сам граф пришел проведать Джо, и воин спросил:

– Почему?..

– Извольте видеть, я – еленовец. О нас говорят, что мы – самые осторожные люди на свете. Отчасти это правда: мы долго думаем прежде, чем сделать ставку. Но если уж ставим на карту, то ведем игру до конца. Я поставил на вашу хозяйку, Джоакин Ив Ханна, и на вас. Теперь держусь этой карты. Можете мне верить, как ни странно звучит из моих уст.

В другой день к Джоакину пришел Весельчак. Рассказал, как устроился. Спросил о самочувствии. Осмотрел комнатку Джо, заметил:

– Уютный у тебя гробок. В таком приятно помирать.

Джо очень хотел его ударить, но сдержался. Не потому, что не имел сил, а просто – сдержался. Даже сказал: «Ты заходи еще. Кто ж другой меня развлечет добрыми шутками?» Весельчак заходил.

А потом однажды зашел сир Беллем. Сира Спайка Джо убил в поединке, а Беллема и Морригана лишь ранил. Вот сир очухался и явился.

– Прости, парень. С нашей стороны была подлость – идти втроем на одного. Если пожелаешь... ну, потом, когда встанешь... я дам сатисфакцию по всем правилам.

Джо очень хотел посоветовать, куда Беллему засунуть его сатисфакцию, а следом сунуть и меч рукоятью вперед, да повернуть раз несколько... Но тоже сдержался – решил, правильное смолчать. Собственная сдержанность навяла мысль, которую позже, наедине с собой, Джо развил.

Аланис. С гнилой кровью ей доводилось почти так же, как Джо сейчас. Больнее, зато быстрее. Характером она крепче Джоакина. Стыдно это признавать, но куда денешься: до ее силы воли ему далеко. Почему же она не сдерживала гнев? Могла ведь, раз уж Джо может...

Потом, так же лежа в постели, он узнал, что погиб император. Тогда ему было очень худо, и даже на мысли не хватало сил. Позже, когда прояснилось, попытался думать о владыке. И о письме Аланис, доставленном графу... Болезненный ребенок сказал бы: сложно будет тебе думать об этом. Душа мешает мыслям – защищается от разочарования. И действительно, шло трудно...

А много позже, когда смог встать с постели, вышел из замка, добрал до моста. Увидел обломок опоры и груды обугленных вагонов. Весельчак, что вел его под локоть, сказал:

– Вот так роскошные досточки! Всем гробкам гробки!..

Весельчак ничего не понимал. Джо испытал странное чувство: понимать то, что другим невдомек.

Еще позже он сумел ходить сам, без помощи. Взял в руку меч – не для драки, а просто проверить. Повертел клинком – хило, медленно, но все же получалось. Тогда он сказал Весельчаку:

– Пора выбираться отсюда.

От радости приятель чуть не подпрыгнул.

– Отличная мысль! Мне уже не по себе от этих мест. Вечно какие-то хмурые типы бродят: то графские головорезы, то агенты протекции, то полиция, то, прости Праматерь, монахи с дубинками. Быстрее уедем – целее будем!

– Да, брат.

– А куда поедем? Я вот что думаю. Ты рассказывал, как послужил графу Виттору Шейланду. Кажется, неплохо вышло. Поехали снова к нему, а? Шейланд тихий, в войны не встряет, нам у него будет – как у Софьи за пазухой.

– Мне нужно во дворец, к миледи.

Весельчак сплюнул.

– Да пропади она пропадом, твоя миледи! Чуть до лопаток не довела!

Джо приготовился уже сдержать собственную руку, которая замахнется дать Весельчаку тычка. Но рука не замахнулась. Не вспыхнул гнев в груди. Станным покоем откликнулись слова приятеля.

– Скажи-ка подробнее, – попросил Джо.

– Ну, я о чем... – смешался Весельчак. – Ты, конечно, можешь думать как угодно, но я вот как мыслю... Ты же миледи спас от смерти. Она за одно это должна была тебя озолотить. Но взамен затащила во дворец, где тьма народу перемерла, а потом еще и послала сюда – почти что на погибель. Вряд ли ты меня слушаешь, но все ж скажу: не к добру она... Обойдем ее стороною, а, Джо?

Он помедлил, слушая отзвуки всех мыслей, что побывали в голове за время хвори. И сказал:

– Ты прав.

– Что?!

– Говорю, ты прав. Не поедем в столицу.

– Ну, брат... Вот не ждал!..

Перед отъездом он зашел к графу.

– Милорд, я отбываю – леди Аланис ждет. Но прежде имею к вам дело. Миледи просила вас уплатить мне триста золотых эфесов.

– В письме об этом ничего не было.

– Она передала на словах.

Граф посмотрел с недоверием... Но вспомнил прошлый раз, когда усомнился в словах Джоакина. Кивнул, вызвал казначея. Джо вышел, неся на поясе три мешочка монет.

Деньги он взял для матери.

Два года назад, покидая дом, Джо поклялся, что не вернется, пока не заслужит повода для гордости. С тех пор успел многое. Послужил барону Бройфилду, и был с позором выгнан. Помог торгашу Хармону продать святыню. Похоронил любимую. Нашел другую любовь, что разбила ему сердце. Порылся в грязи у Лабелина. Потерял отцовский меч и лошадь. Стал дезертиром... Не выйдет похвастаться славою: ни в любви не преуспел, ни в войне. Но монетам матушка обрадуется ничуть не меньше. Два старших брата – рыцари – поди, не заслужили на пару и сотни эфесов.

Первым делом Джо заплатил Весельчаку. Сказал:

– Я больше тебя не держу. Можешь идти своей дорогой.

А тот замахал руками:

– Э, э, что ты выдумал?! С тобой я – оруженосец, важный человек! А без тебя – какой-то злыдень приبلудный. Если можно, я лучше тебе еще послужу...

– Ладно, оставайся. Но к графу Шейланду мы пока не поедем. Хочу родителей повидать. Два года дома не был.

Они двинулись в Земли Короны, забирая подальше на север, чтобы объехать столицу. Вышли на Торговый тракт – он вел напрямик в Лабелин, а оттуда рукою подать до Печального Холма. Но вначале тракт проходил Излучину – тот самый городок, где Джо познакомился с Полли. А рядом – рельсы, по которым ехал с Аланис в столицу... Не хотелось снова тяжелых воспоминаний, за время болезни накушался. Потому Джо свернул на восток, к Лоувиллю, откуда на север шел другой тракт – Приморский. Это был крюк в девять дней, но ни Джо, ни Весельчак никуда не спешили.

А северней Лоувилля встретили отряд: дюжину крестьянских парней с суровыми лицами да при кинжалах. Парни сказали:

– Идем с нами, покажем вас нашему вожаку.

Джо насмотрелся уже всяких вожаков: офицеров, генералов, графов, герцогов. Никого из этой братии сейчас видеть не хотел. Спросил:

– Кому служите?

И думал про себя: если Дельфину или Короне – тогда еще ладно, можно пойти. А если северянину или Альмере, то ну вас к чертям лысым!

– Никому не служим, – дали парни странный ответ. – Мы – вольные люди. А вожак наш – Салем, простой путевский крестьянин.

Весельчак удивился и сказал Джоакину:

– Идем, что ли, посмотрим на вождя-крестьянина?

– Идем, – пожал плечами Джо.

А теперь он стоял, глядя в лицо рыжебородому мужичку с добрыми и грустными глазами. Наверное, этот Салем плохо годился в вожди: ни у кого из офицеров, генералов, графов, герцогов Джо таких глаз не видел.

– Куда идете? – спросил Салем.

– Домой, к матери, – ответил Джо.

А сержант Рука Додж сказал:

– Что мать? Она у тебя не старая, успеешь еще свидеться. Лучше идем с нами!

– Я не хочу воевать, – ответил Джо, и Салем почему-то улыбнулся.

– А кто просит воевать? – хохотнул сержант. – Ты ж Дезертир, в бою от тебя толку – что с козы. Но пока мир, поможешь мне натаскивать новобранцев. Больно их много, и не умеют ни черта. Гусята, честное слово! А ты из них солдатиков сделаешь. Ты сможешь, тебя сам кайр хвалил!

– Я домой иду, – упрямо повторил Джо.

– А мы – к императрице, справедливости просить. Ты что, не хочешь увидеть владычицу?! Дурень! Все говорят: она такая красивая, что хоть плачь!

– Сказал же: не хочу в столицу. Мне нужно домой, и Весельчаку тоже.

Но приятель вмешался:

– Э, э, парень, я за себя сам скажу. В моем селе и до войны-то была тоска, а теперь, поди, и вовсе гробочки. Я туда не хочу. Я лучше к императрице, смотреть и плакать.

– Во-от, – потер ладони сержант, – ты, Весельчак, нам тоже годишься. Ну так что, Дезертир, поможешь родному краю? Подумай: в кои-то веки путевцы слезли с печей и в поход собрались! Да не абы куда – за справедливостью! Неужели пропустишь?

Джо ответил:

– Ладно, ваша взяла. Но два условия. Первое: я не воюю. И вам не советую. В столице десять батальонов нетопырей. Полезете к ним – придут вам... – кивнул Весельчаку, – скажи!

– Лопатки придут, – с готовностью подсказал приятель. – Гробочки вам выстругают, земелькой накроетесь, вороны колыбельную споют.

– Ага. И второе. Как бы ни обернулось, во дворец я ни ногой. Сами императрице поклонитесь, сами все скажете, а я в стороне.

– Чудак человек, – хмыкнул сержант. – Ну да ладно, я согласен.

– Добро пожаловать, – сказал Джоакину вождь Салем и очень крепко пожал руку. Как другу, не как чужаку.

Северная птица – 1

Уэймар и путь в Фаунтерру

Пузырек имеет размер спелой сливы. Там, где следует быть черенку, выступает из него шейка горловины, заткнутая крохотной пробочкой. Сквозь пробочку продета нить, снабженная биркой.

Безупречная округлость пузырька возбуждает фантазию. Легко увидеть мысленным взором тугую пламенистую каплю, которую стеклодув только выцепил из тигля и держит на конце трехфутовой трубки. Сейчас приложит губы к другому концу, и от усилия его легких капля вспухнет, одновременно теряя цвет. Начнет остывать, запечатлевая своим телом давление воздуха, а мастер будет понемногу покручивать трубку и поддувать, чтобы не дать стеклу перекосяться или сжаться от холода. Пузырек запомнит и дыхание мастера, и неспешное верчение трубки, и поддон с песком, в который он – новорожденный – будет уложен. Любой предмет помнит руку создателя...

Но помнит также и руки тех, кто брал его и наполнял. Отпечаток этих рук, невидимый глазу и нестираемый, лежит на стекле. Иона чувствует отпечаток всякий раз, когда вынуждена сама прикоснуться к пузырьку: липкий холодок на подушечках пальцев. Время вдруг становится скользким, как детская горка зимою. Сознание съезжает в декабрь и обнаруживает себя в подземелье на окраине Уэймара.

Подвал заполнялся дощатым треском: кайры сбивали крышки с бочек. За каждым ударом смрад разложения делался все удушливей. Иона стояла у дверей, скрещенными на груди руками отгораживаясь от смерти. Было холодно.

В другом помещении ждал своей участи преступник. Он делил комнату с двумя кайрами и трупами своих бывших слуг. Сквозь дверной проем достигал слуха Ионы тихий, неразборчивый шепоток преступника. Минуты спустя его оборвал окрик стража. Отозвались эхом шаги, приблизились к Ионе.

– Миледи, – кайр Хильберт возник перед нею.

– Говорите, кайр.

– Пленник пытался подкупить меня. Отрезать ему губы, миледи?

Она была слишком занята – старалась не впустить в свою грудь холод смерти. Потому не сразу поняла вопрос, и вместо Ионы подал голос Сеймур – капитан стражи:

– Сколько денег он посулил?

– Не деньги, кайр. Он говорит о каком-то снадобье. Оно, якобы, жизнь продлевает. Всех этих людей, – Хильберт обвел глазами бочки, – убили ради снадобья. Оно, вроде как, из людей получено.

– Снадобье из людей?!

– Это не я выдумал. Так говорит пленник. Сделать, чтобы он умолк?

– Нет, – сказала Иона, – я хочу понять...

Мартин Шейланд состоял из огромных выпученных беспокойных глаз. Еще – из губ: дрожащих, скользких от слюны, червеподобных. Понятно становилось желание Хильберта срезать их с лица.

Заметив Иону, Мартин сжался. Чутьем, каким владеют звери и безумцы, он ощущал то, что она носила в себе. Потому всегда, от самой первой встречи, питал к ней животный страх.

– Какое снадобье... – заговорила Иона и споткнулась о выбор местоимения.

«Ты» – для самых близких и родных, для детей и для слуг. «Вы» – для дворян и вассалов, для воинов, врагов, убийц. Но Мартину не подходило ни то, ни другое. Мартин был «он». Никаким иным словом Иона не могла прикоснуться к нему.

– Какое снадобье... он имел в виду?

Тем же чутьем Мартин понял, что Иона, глядя в сторону, обращается все же к нему. Отрыгнул кашицу из слов:

– Миледи, мы делали опыты... Эксперимент – очень, очень важный! Почти получилось.

Отпустите меня – возьмите себе. Возьмите снадобье и отпустите!

– Какое снадобье? Что за опыты?

Он бормотал, направляемый вопросами, а картина все не желала складываться. Линдси и Джейн, и леди Минерва – до сих пор Ионе думалось, что их похитили ради изнасилования. Похоть безумца принимает идовские формы. Но кайры нашли в бочках и мужчин, и старушек, а Мартин твердил и твердил: «Опыты... снадобье... из жидкостей тела... эссенция жизненной силы... возьмите себе, миледи!»

Наконец, Иона что-то поняла:

– Он убивал людей, чтобы выжать жизненную силу?

– Да, миледи.

– Он хотел выпить эссенцию и стать сильнее?

– Бессмертным! Бессмертие, м-м-миледи! Мы уже на пороге...

– Он изготовил эликсир бессмертия?

– Почти, миледи, почти! Не абсолютный, но хороший. Уже действовал! Выпейте, миледи... отпустите!..

– Где он? – спросил Сеймур.

Мартин указал. Воин вынул кирпич из стенной кладки. В нише стоял один пузырек – с крохотной пробочкой и биркой на нити. Сеймур принес его. Мартин облизывал губы, приклеившись взглядом к пузырьку. Имей он хоть шанс вырвать снадобье у кайра и выпить – пошел бы на риск.

Иона взяла пузырек. Холод пронизал ткань перчатки, прошел руку до локтя. Ей стоило усилий не выронить флакон.

– Хочешь сказать, – спросил Сеймур у Мартина, – если я вспорю твое брюхо, а ты хлебнешь из пузырька, то кишки вползут обратно, будто змеи, и рана заживет?

– Н-н-нет!.. Несовершенный эликсир, не спасает от смертельных ран... Но снимет болезнь, продлит молодость, отодвинет смерть! Кто выпьет, тот проживет много, много дольше!..

Иона молчала, потрясенная ледящей силой снадобья. Чья-то душа, исторгнутая из тела, сконцентрирована в нескольких каплях жидкости и заключена в стекло. При всей близости своего знакомства со смертью, Иона никогда не встречала подобного.

Ошибочно трактовал ее молчание, Мартин зашептал:

– Хотите, миледи, я изготовлю абсолютное?.. Недолго, несложно! Верните мне Янмэй.

Она сбежала – а вы верните. Из нее выйдет настоящее, безукоризненное!.. Вечная жизнь, м-миледи! Вечная м-молодость! Прекрасно, миледи, правда?

– Он думает, – спросила Иона, – я могу одобрить его поступок? Он действительно так думает?

Сеймур выхватил меч и плашмя ударил Мартина по лицу. Нос расплющился, кровь залила подбородок.

– Думай, когда говоришь с леди Ориджин!

Кайр нацелил клинок в шею Мартину:

– Миледи?..

Вблизи никогда не увидишь свою ошибку. Только потом, с расстояния времени, но – не в упор...

– Нет, Сеймур. Заприте его в нижнем круге темницы. Дождемся решения графа Виттора.

Муж Ионы – теплый. Конечно, он – не овечка: бывает и зол, и когтист, и вспыльчив, и обиду, случается, носит в себе подолгу, чтобы после выплеснуть ядом в лицо. Но нет в нем острых ледяных кристаллов. Дотронься – под пальцами мягко.

– Душа моя, что стряслось, пока я был в отъезде?..

Твой брат, любимый, оказался безумным зверем. Он чуть не убил твою пленницу, и мне пришлось ее отпустить. Ионе понадобилось время, чтобы объяснить все как следует, графу Виттору – чтобы осознать.

– Мартин виновен в убийствах?!

– Он в нижнем круге темницы. Спроси у него обо всем, он не станет отпираться.

– Ты бросила его в камеру нижнего круга?..

– Чего еще заслуживает преступник?

– Он – мой брат!

– Потому он жив и ждет твоего решения.

Гнев закипел в муже, засверкал сквозь зрачки.

– Это мой замок, моя земля, мой брат!

– Не отрицаю.

– Почему ты считаешь, что вправе решать?!

– Я оставила решение тебе.

– Как одолжение! И лишь потому, что речь – о моем брате! Любого другого вассала ты казнила бы на месте!

– Не отрицаю и этого.

– Зачем ты отпустила Минерву?

– Я задолжала ей две жизни – Джейн и ее собственную. Леди Минерва хотела свободы. Я не могла отказать.

– Ты отпустила ее, не советуясь со мной!

– Я поступила по чести. Разве не это ты посоветовал бы мне, если б мог?

Он задавил в себе ярость, прикусил стиснутыми челюстями. Ионе захотелось приласкать его, задобрить.

– Дорогой, – сказала она, – любимый... Не гневайся, я прошу тебя...

– Оставь! – огрызнулся муж и вышел прочь.

Когда, спустя пару часов, Виттор вновь нашел ее, он был спокоен. Не спокойствием поверх затаенной обиды, но тем спокойствием, что родится от сосредоточенной, целенаправленной работы мысли. Нечто случилось за краткое это время.

– Дорогой, ты получил новости?

– Душа моя...

Он усадил ее и обнял. Сказал:

– Мне очень жаль... Северяне попали в засаду генерала Алексиса. Войско мятежников разбито. Твой брат исчез... возможно, погиб.

Муж принялся гладить ее по волосам и уговаривать:

– Все образуется... Мы справимся, милая... только не плачь.

Известие, от которого мир должен был рухнуть, прошло ознобом по спине Ионы, дрожью по пальцам – но не более того. Новость была страшна, но не так, как думал Виттор.

Многие считали, что Иона унаследовала от Светлой Агаты ее дар – ясновидение. Они ошибались. Отец с его беспощадной логикой, пронзительно умный брат – вот кто действительно мог вычислить, вывести будущее, словно формулу. В сравнении с мужчинами своей

семьи, Иона была слепым котенком. Но одно событие она ясно чувствовала на любом расстоянии – смерть и страдание близких. Потянувшись душою на восток, к местечку Пикси в полях меж двух рек, Иона ощутила искристый мороз – гибель шести тысяч северян, соотечественников. Но Эрвин и Роберт, и Деймон были живы – их боль она не спутала бы ни с чем.

– Эрвин победит, – сказала Иона мужу.

Он помедлил, выбирая, что бы на это ответить.

– Да, конечно.

Она взяла лицо мужа в ладони.

– Дорогой, пойми меня. То, что я сказала, – не метафора, не иллюзия. Победа Эрвина состоится не в моих фантазиях и не на звезде. Он проиграл битву, но выиграет войну. Верь мне!

– Душенька, мы должны смотреть правде в глаза. Войско Эрвина разбито и бежит на север, искровые полки его преследуют. Эрвин пропал, оба Нортвуда в плену. Остатки кайров лишились командования. Их полное истребление – вопрос времени.

– Это обманный маневр, – ответила Иона. – Эрвин победит.

– Обманный маневр ценою четверти войска? Избавься от пустых надежд. Чем дольше удержишь их, тем больнее будет.

– Мы выиграем войну, – вот все, что она нашла в ответ.

– Откуда такая вера?

Я верю в Эрвина потому, что он – это я. Его душа – моя душа. Не верить в него – значит, не верить в себя, а тогда и жить-то незачем.

Но муж не понял бы этого. Иона сказала то, с чем справился бы его рассудок:

– Эрвин предупреждал меня об этом маневре.

Граф Виттор впитал ее взгляд... и рывком поднялся, оттолкнув жену.

– Ты лжешь! Я прощаю лишь потому, что ты убита горем. Но больше никогда – никогда!! – не смей мне лгать!

Да, она лгала. И при этом была абсолютно честна.

Птицы хлынули из Уэймара во всех направлениях, больше других – на юг. Вооруженные люди возникли и в замке, и снаружи, под стенами. Отряды Шейланда готовились выступить куда-то.

Ионе долго не удавалось вызвать мужа на новый разговор. Одиночество, слишком смятенное, терзало ее. Нашла успокоение в разговоре с Сеймуром.

– Вы верите, что мы победим?

– Миледи, какие могут быть сомнения? Армию ведут три Ориджина. Сразу три! Возможно ли, чтобы они проиграли?!

Слепая, наивная преданность Сеймура согрела ей сердце. Она бы обняла кайра, если б могла себе это позволить. А так лишь тронула пальцами его плечо.

– Я очень признательна вам...

– Миледи, все кайры верят в герцога! Спросите любого.

– Жаль, что мой муж не берет с них примера. Не знаете ли, что за отряды он собирает? Думает бежать?

– Вероятно, миледи.

– Мы останемся. Эрвин велел сохранить Уэймар.

– Мы выполним любой ваш приказ, а этот – особенно охотно.

Целый день она тщила вызвать мужа на разговор. Лишь в спальне, дождавшись его далеко за полночь, обрела возможность.

– Я вижу, что ты готовишься покинуть город. Мне следует обсудить с тобою. Я намерена...

– Покинуть город?.. – Виттор невпопад хохотнул. – Зачем же – чтобы доказать владыке свою нелояльность? Милая моя, ты так бесхитростна порою! Конечно, мы остаемся. Отряды, которые ты видела, я пошлю на юг – в помощь владыке Адриану.

Это не уложилось в ее голове.

– Прости?..

– Мы имели способ убедить императора в своей преданности: подарить ему леди Минерву. Ты упустила ее, и теперь не остается ничего другого, как послать свое войско ему в помощь.

– Убедить императора?.. В чем?! Мы подняли мятеж! Мосты сожжены за нами!

– Мы, любимая?.. Не мы, а только твой братец. Немного стараний, и Адриан поверит, что мы и он – разные силы.

– Дорогой, я не могу понять тебя. Прошу, скажи другие слова. Которые не будут звучать так, словно мы предаем мою семью!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.